

Осенний Трон

ЭЛИЗАБЕТ ЧЕДВИК

Несомненно, лучшая романистка, пишущая о Средневековье...

Historical Novel Society

Женские тайны (Азбука-Аттикус)

Элизабет Чедвик

Осенний трон

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чедвик Э.

Осенний трон / Э. Чедвик — «Азбука-Аттикус»,
2016 — (Женские тайны (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-13258-0

Эта книга – история одной из самых знаменитых женщин Европы. Женщины, стоявшей у истоков могущественной династии Англии – Плантагенетов. Алиенора Аквитанская. Королева Англии. Женщина, подарившая своему мужу Генриху II сыновей-наследников. Хорошая мать и мудрая правительница. Но годы идут. Взрослые сыновья сражаются с отцом и друг с другом за земли и власть. Алиенора отказывается подчиниться Генриху и много лет проводит в одиночестве в замке без права видеться с детьми и общаться с внешним миром. И только смерть Генриха II дает ей свободу. Алиенора становится вдовствующей королевой Англии. Уже немолодая женщина, она, собрав все свое мужество и силу воли, пытается сохранить мир между воюющими сыновьями, отбиваться от врагов и устраивать блестящее замужество для любимых внучек. «Осенний трон» – последняя книга трилогии о королевской семье, где сплелись воедино любовь и ненависть, где в схватке за власть главное не меч, а обман... Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13258-0

© Чедвик Э., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Нормандские и анжуйские короли Англии	7
Обращение к читателям	10
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	51
Глава 10	56
Глава 11	60
Глава 12	67
Глава 13	74
Глава 14	78
Глава 15	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Элизабет Чедвик Осенний трон

Elizabeth Chadwick
THE AUTUMN THRONE

Серия «Женские тайны»

Copyright © Elizabeth Chadwick 2016
All rights reserved

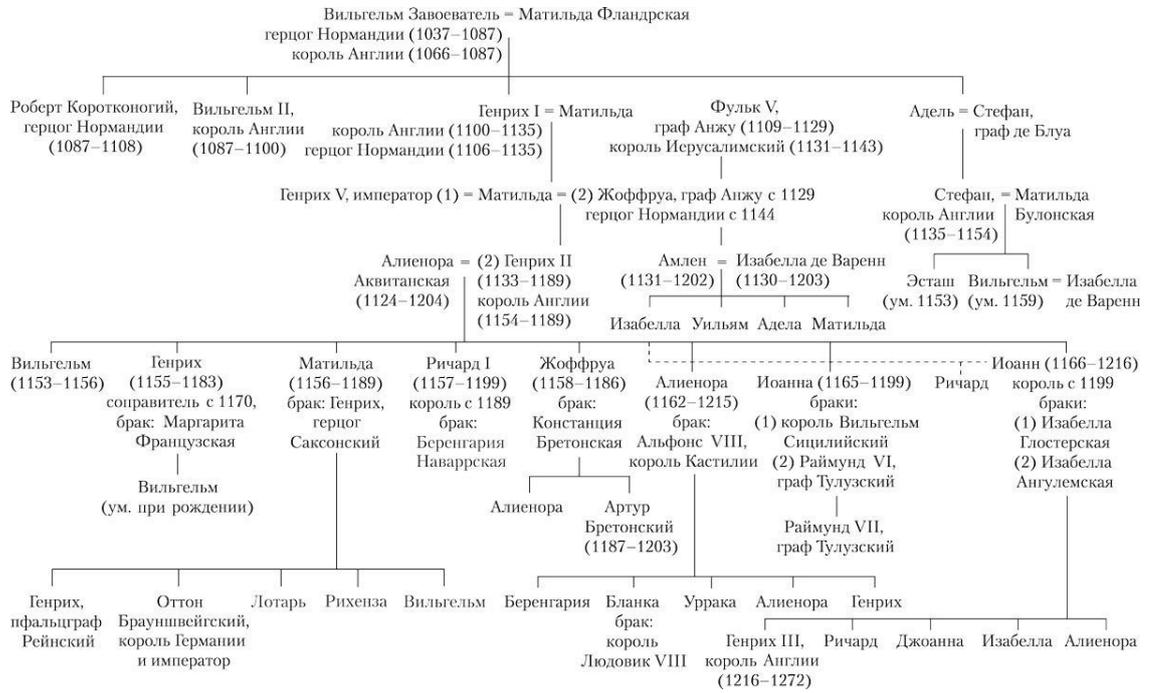
© Е. Копосова, перевод, 2017

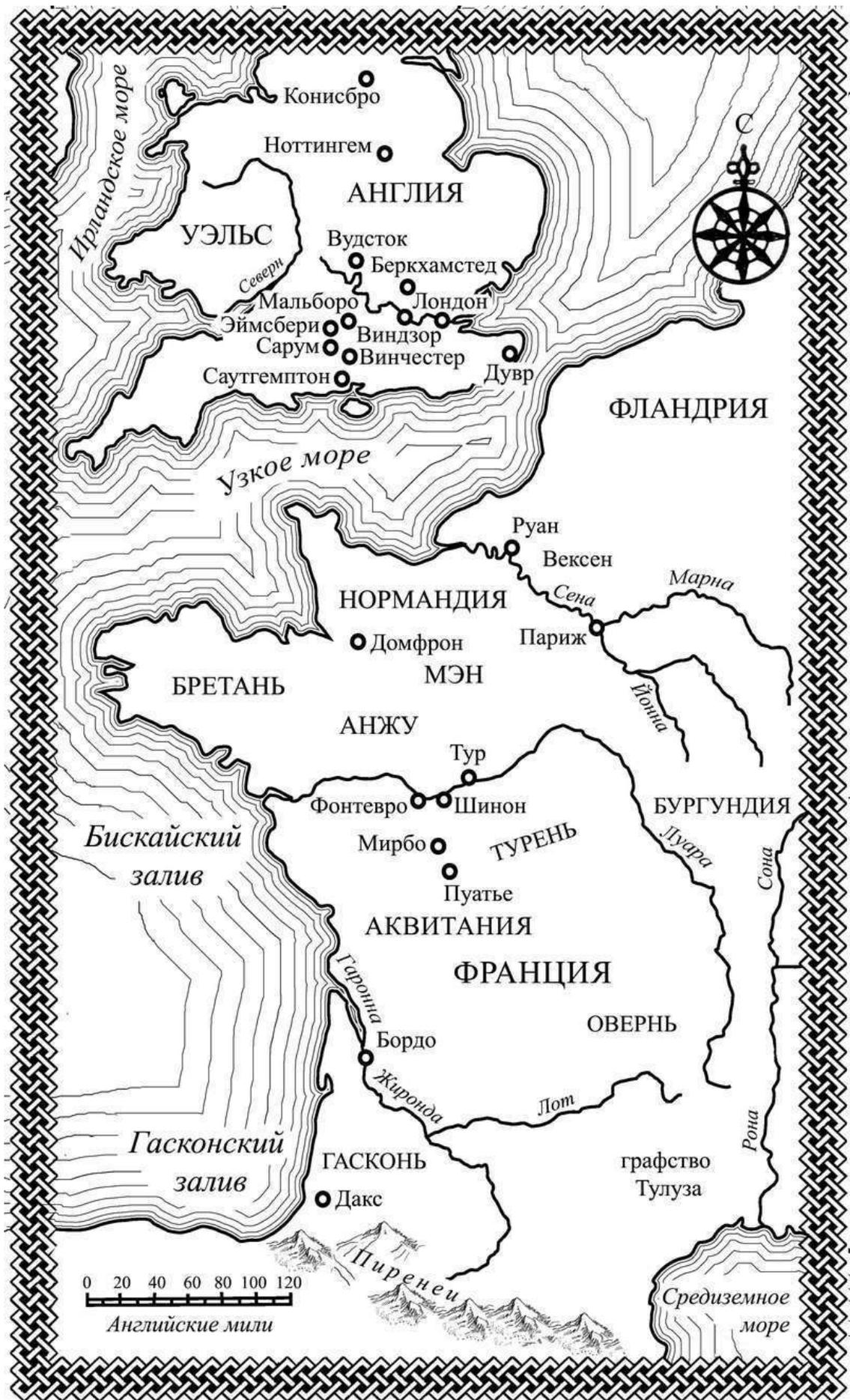
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Нормандские и анжуйские короли Англии

Обращение к читателям

В романе я называю Элеонору Алиенорой в знак уважения, поскольку именно так она называла себя, этим именем подписывала свои указы и под этим именем упоминается в англо-нормандских текстах.

Глава 1

*Замок Сарум, Уилтшир,
апрель 1176 года*

Алиенора, герцогиня Аквитании и Нормандии, графиня Анжу, супруга короля Англии Генриха II, обвела взглядом голую холодную келью, которая почти два года была ее тюрьмой. В оконные арки заглядывало мягкое весеннее солнце и разливало по полу лужицы золота. Из очага вымели золу, а те немногие вещи, что принадлежали Алиеноре, упаковали и погрузили на повозку, ожидающую ее во дворе.

Женщина ощутила дуновение прохладного бриза на лице. Всю зиму среди холмов носились ветры, были под белеными стенами замка, словно голодные волки. Суставы Алиеноры окостенели, мысли стали вязкими, как заиленное дно замерзшей канавы, каждое движение стоило невероятных усилий. Как тяжело пробуждаться и снова идти в мир. Возобновление кровотока в затекшей конечности всегда вызывает мучительные ощущения. Алиенора посмотрела на руки. Кожу усеяли рыжеватые возрастные пятнышки, однако беспокоили ее не пятна, а то, как руки дрожат.

Вспыхнуло в луче солнца обручальное кольцо. Несмотря на все страдания, что причинил ей Генрих, она по-прежнему носит этот перстень. Ведь пока он блестит на ее пальце, Алиенора остается королевой и герцогиней. Даже в заточении, на вершине продуваемого всеми ветрами холма, ее титулы сохраняли свое могущество. Генрих с присущей ему беспощадностью сослал ее сюда, исключил из общественной жизни за совершенный ею грех – сопротивление его воле и вмешательство в политику. Супруг обвинил ее в измене, но на самом деле предавал он, а не она.

Новости, поступавшие извне, Алиенора получала от стражников, а те предпочитали говорить ей как можно меньше и только такие подробности, которые принижали ее и возвышали ее мужа. И вдруг Генрих потребовал ее присутствия на пасхальных празднествах в Винчестере. Алиенора с недоверием перебирала возможные мотивы. Порыв всепрощения в честь воскрешения Христа? Вряд ли. Желание наказать ее еще сильнее? Нет, скорее, жена зачем-то понадобилась ему, хотя бы для того, чтобы продемонстрировать своим вельможам и доказать, что он ее не убил. После того как архиепископ Кентерберийский был зарублен перед алтарем собственного собора четырьмя рыцарями из королевской свиты, Генриху вовсе не нужно еще одно обвинение в убийстве.

Заслышав шаги за стеной, Алиенора встала лицом к двери и постаралась скрыть страх под царственным высокомерием. Да, как бы ни хотелось ей покинуть это место, мысль о возвращении в мир пугала ее: что найдет она там и как долго продлится эта передышка?

Алиенора ожидала увидеть своего тюремщика Роберта Модита и потому не сразу поверила своим глазами, когда дверь распахнулась и на пороге возник ее старший сын – в ореоле солнечного света, лившегося из бойницы за его спиной, с растрепанными ветром каштановыми волосами и великолепным белым кречетом на затянутой в кожаную перчатку правой руке.

– Смотри, мама, – приветствовал он ее широкой улыбкой. – Эта птица – настоящая красавица!

У Алиеноры сдавило грудь. Несколько секунд она не могла дышать.

– Гарри, – наконец выговорила она, и у нее подкосились ноги.

Юноша мгновенно оказался рядом, крепко подхватил под локоть и довел до скамьи.

– Я думал, тебя предупредят. – Его взгляд был полон нежной заботы. – Позвать твоих дам?

– Нет... – Алиенора качнула головой. Понемногу она вновь обрела дыхание. – Мне ничего не говорят. – У нее прерывался голос. – Я как слепая, и это невыносимо. – Подрагивающей рукой она закрыла лицо.

Гарри обнял ее за плечи, и она прижалась к нему, втянула в себя запах здорового мужского тела, почувствовала переполняющие его мощь и энергию – у нее самой их почти не осталось после многих лет борьбы и пленения.

Кречет захлопал крыльями, отчего зазвенели колокольчики на его опутинках, и издал несколько резких пронзительных криков.

– Тише! – Мягкий призыв Гарри мог быть обращен и к птице, и к матери. – Тише, тише!

К тому моменту, когда Алиенора достаточно овладела собой, чтобы оторваться от сына, кречет тоже успокоился и принялся деловито чистить перья.

– Меня прислал за тобой отец, чтобы сопроводить в Винчестер.

Алиенора смотрела на кречета, привязанного к перчатке сына. Птица не сможет улететь, пока Гарри не отпустит ее, и сильные крылья ничем ей не помогут.

– Что ему нужно от меня, кроме доказательства того, что я не мертва?

Улыбка на устах сына растаяла.

– Он сказал, что хочет поговорить с тобой – и помириться.

– Неужели? – Безрадостный смех застрял у нее в горле. – На каких условиях?

Гарри отвел глаза:

– Со мной он этим не делился.

Алиенора обвела взглядом комнату. На что она готова ради свободы? И, что важнее, на что не готова?

– Ну конечно, не делился. – Ей приходилось сдерживать чувства при мысли о том, как все могло сложиться, если бы три года назад Гарри удалось сбросить отца с трона. – Я много о чем сожалею, но только не о том, что мы с Генрихом в ссоре. Больше всего я ругаю себя за то, что позволила поймать себя. Надо было лучше планировать.

– Мама...

– У меня здесь мало занятий, кроме размышлений о том, что случилось, и моя чаша полна горечи: ах, зачем я медлила в неуверенности, зачем потеряла столько времени впустую! – Она вскочила со скамьи, и потревоженный кречет заплясал на запястье Гарри. – Раз твой отец послал тебя за мной, значит ты с ним помирился, и мы должны исходить теперь из этого. Но как же рада я видеть тебя! – (Гарри шел двадцать первый год, он был уже совсем взрослым мужчиной. В его возрасте Генрих стал королем Англии.) – Кто еще будет в Винчестере?

– Все. – Гарри гладил птицу, пока она не притихла. – Ричард, Жоффруа, Иоанн, Иоанна. – Его улыбка была мимолетной. – Жены, внебрачные дети, родные и близкие, все обитают там бок о бок. Пока никаких ссор нет, но предпосылок к ним в избытке.

Алиенора словно разом перешла от голодания к обжорству. Времени на то, чтобы приспособиться, ей не дали, и, натянутая как струна, она встала на пороге комнаты, которая была для нее и клеткой, и убежищем.

– Ну что же, едем. – Беззаботный тон служил ей щитом. – Не будем упускать своих возможностей.

Жизнь в Саруме не предполагала роскоши, и потому все имущество Алиеноры уместилось в одну повозку. Чтобы сопроводить ее в Винчестер, до которого было двадцать миль, Гарри прибыл с целым отрядом рыцарей. Все по большей части из окружения отца, но было там несколько человек и из его собственной свиты, в том числе его бывший наставник по военной науке Уильям Маршал. Последний поджидал Алиенору у стремени смиренной, серой в яблоках кобылы.

– Госпожа. – Как только она вышла во двор, он опустился на колени и почтительно склонил голову.

Увидев его, верного и сильного, Алиенора прослезилась:

– Уильям!

Королева прикоснулась к его плечу, повелевая встать, что он и сделал, направив на нее взгляд темных глаз. Восемь лет назад Маршал спас ее от засады, но сам попал в плен. Она выкупила его и сделала защитником и наставником своего старшего сына. И в горе и в радости они оставались союзниками.

– Госпожа, вы прекрасно выглядите.

Алиенора с укором посмотрела на Маршала:

– Признаю тебя виновным в лести. Я отдаю себе отчет в том, как должна выглядеть после двух лет в этих стенах.

– Вы выглядите, как подобает королеве, – прозвучал галантный ответ, и пока Уильям помогал ей сесть на лошадь, королева усиленно моргала, чтобы смахнуть замутившие взор слезы.

Седло было боковым, с мягкой спинкой и опорой для ног, хотя сама Алиенора всегда предпочитала ездить на лошади не боком, как положено знатным дамам, а лицом вперед. Дамские седла замедляют скорость и не позволяют всаднице контролировать лошадь в полной мере, что небезопасно. Как типично для Генриха было послать ей именно такую сбрую. Прежде всего, он хотел указать ей на ее место.

– Госпожа, при дворе считается, что в Сарум вы удалились отдохнуть по причине хрупкости здоровья, – тактично добавил Уильям.

Она собрала поводья, кривя губы в презрительной усмешке.

– Полагаю, такое объяснение вполне годится, чтобы прикрыть факт моего заключения. Маршал промолчал, однако выражение его лица было достаточно красноречивым.

К Алиеноре подскакал на пляшущем кауром коне Гарри:

– Папа решил, что тебе будет удобнее путешествовать в таком седле, потому что ты давно не ездил верхом.

– И потому что ему так надо. Гарри, меня лишили свободы, но не способности мыслить или скакать на лошади.

Сын построил приличную случаю скорбную мину, но тут же просиял и с обезоруживающей улыбкой воскликнул:

– Но солнце-то все равно светит, и погода сегодня выдалась превосходная для прогулки верхом – хоть боком, хоть передом!

У Алиеноры едва не вырвалась в ответ колкость насчет того, что в любую погоду неплохо бы иметь право выбора, но она прикусила язык. В отличие от нее, Гарри обладает счастливым талантом жить легко; как бабочка, он наслаждается приятным моментом и больше ни о чем не думает.

Несколькими ловкими движениями сын стянул кожаную крагу с сидящим на ней кречетом и надел на руку Алиеноры:

– Держи, мама.

Она ощутила вес птицы, хватку стальных когтей поверх стеганой перчатки. На нее уставились два чернильно-черных пронзительных глаза. Гарри же одобритительно кивнул:

– Вот так. Ты великая королева и герцогиня, едущая по свои делам.

У Алиеноры снова защипало в глазах. Вплоть до заточения в стенах Сарума она всегда держала при себе самку белого кречета и страстно любила запускать ее в небо во время охоты. Самки этой породы крупнее и сильнее самцов. Давным-давно, в день свадьбы, Алиенора подарила Генриху такую же птицу, и теперь не проходило и дня, чтобы она не жалела о своем подарке.

– Какая у нее кличка? – спросила она.

– Алиенора, – ответил Гарри.

Королева закусила губу, изо всех сил стараясь не расплакаться.

– Представляю, как она парит в высоте... на свободе... – произнесла она, когда наконец обрела голос.

Кавалькада выехала из ворот Сарума. В апрельской голубизне неба гонялись друг за дружкой чистые белые облачка; над дюнами распевали жаворонки; колыхалась под порывами ветра молодая трава. Сердце терзала невыносимая боль.

В Винчестер они прибыли, когда уже стемнело, и к тому времени Алиенора едва не теряла сознание от усталости и ломоты в костях. Сомнения Генриха относительно ее способности передвигаться верхом оправдались с лихвой. Запертая в Саруме на протяжении двух лет, лишенная компании и возможности бывать на свежем воздухе, она ослабела и телом, и духом.

Кречета вернули в походную клетку за несколько миль до конца пути, и символичность этой меры не осталась для королевы незамеченной. А еще более беспокоило ее то, что она чуть ли не завидовала птице в ее тесном, но надежном укрытии.

Тем временем Алиенора и ее спутники проехали под входными арками замка, миновали стражей и наконец натянули поводья в темном дворе. Собрав последние силы, королева спрятала свои переживания под маской гордой неприступности. К прибывшим поспешили слуги с лампадами, которые разбрасывали во мраке пляшущие круги золотого света. Уильям Маршал первым оказался подле лошади ее величества, помог ей спешиться и поддержал, пока она не смогла твердо стоять на ногах. Алиенора на мгновение приникла к нему, ощущая мощное тело, но потом выпрямилась. Тем, кто смотрел на нее, вполне могло показаться, что королеве и вправду нездоровится, а ее прибытие в темноте только подкрепляло такой вывод. Ни фанфарами, ни красочным шествием не отмечался въезд великой и деятельной королевы в город. Измученную, похожую на тень женщину встречала только притихшая ночь.

Алиенора обернулась к Гарри, который распускал свиту на ночлег добродушными шутками и похлопыванием по плечам.

– Уже поздно, – едва слышно проговорила Алиенора. – Я... я бы сразу легла.

– Конечно, мама, что же я сам не подумал!

Гарри немедленно взял на себя роль заботливого сына, разразился потоком быстрых распоряжений, и очень скоро слугитель с лампадой повел Алиенору в покои, которые всегда отводились ей, когда она останавливалась в Винчестере в бытность свою полновластной королевой.

Глотая слезы, она здоровалась с мягким светом подвесных ламп из толстого зеленого стекла, с разноцветными гобеленами на стенах, с кроватью под покрывалом из шелка и мехов. На скамье с откидным сиденьем лежали две книги в кожаных переплетах и окладах слоновой кости, а на столике по соседству стояли шахматы и кувшин с бокалами из горного хрусталя. От курильниц растекался тонкий аромат, полные угольев жаровни источали благодатное тепло. До своего заточения Алиенора воспринимала весь этот комфорт как должное. Два года она была лишена его, и теперь недвусмысленная демонстрация Генрихом того, что он может дать ей и что может забрать, пробудила в ней гнев и неприязнь, из-за чего перехватило дыхание.

Когда она опустила на кровать, появились слуги с хлебом, сыром и вином. Другие под надзором старшей камеристки Амирии заносили в комнату багаж. Это была сестра одного барона из Шропшира. Вдова тридцати с лишним лет, расторопная и сообразительная, она отличалась спокойствием и религиозностью. Женщина предпочитала держаться в стороне от политики – именно такой человек и требовался Генриху при строптивой жене.

Никому из окружения королевы не полагалось иметь даже малейших склонностей к интриге, если только они не докладывают обо всем Генриху.

Амирия сняла с Алиеноры яловые сапожки для верховой езды и заменила их на мягкие домашние туфли из овчины.

Вслед за челядью в покои заглянул Гарри и по-хозяйски огляделся:

– Мама, все ли тебя устраивает? Нужно ли тебе еще что-нибудь?

Она устало мотнула головой:

– Только то, что мне не позволено иметь.

– Я бы дал тебе это, если бы мог. Ты знаешь сама.

Амирия завершила свою работу, и Алиенора вытянула ноги.

– Да, все мы ограничены в возможностях, каждый по-своему.

Гарри налил вина в один из бокалов и поднес матери.

– С вином все в порядке, – сказал сын, заметив ее сомнения. – Оно из моих запасов, не от отца.

Королева осторожно пригубила вино. Обычно при дворе подавали нечто похожее на уксус, но этот напиток был густой, бархатистый, с привкусом ее родного Пуатье и оттого горько-сладкий.

– Позвать остальных?

– Не сегодня, – поспешила отказаться Алиенора. – Сначала мне нужно поспать.

Она мечтала обнять всех своих детей, но нельзя было показываться им на глаза в таком состоянии – усталой, слезливой, в растрепанных чувствах. Особенно Ричарду. Что касается Генриха, то о нем она даже думать не могла – одна мысль о ненавистном супруге вызывала тошноту.

– И ты иди отдыхать.

Ее неприятно кольнуло облегчение, с которым Гарри воспринял эти слова. Такое же выражение Алиенора видела на лицах людей, обремененных долгом по отношению к старейшим родственникам.

– Мама, я сделаю все, чтобы тебя не потревожили.

– Уверена, стража за дверью тоже за этим проследит.

Когда сын удалился, она откинулась на подушки и велела камеристке затянуть полог. Раздеваться сил уже не было. Алиенора повернулась на бок, поджала колени и провалилась в сон.

Глава 2

*Винчестерский замок,
апрель 1176 года*

Пробуждение началось с непонимания, где она находится. Все тело ломило, любое движение причиняло боль. Во рту пересохло. Алиенора смотрела на раму балдахина, расписанную серебряными звездами, и пыталась собраться с мыслями, а потом найти в себе силы, чтобы встать и шагнуть навстречу миру. Из-за полога доносился шепот: Амирия разговаривала с другой камеристкой. Должно быть, час уже поздний. Но зачем вообще вставать? Почему бы не остаться здесь, в постели, а время пусть течет мимо, как хочет.

Послышался еще один женский голос – он о чем-то спрашивал дам королевы, мягко, но с несомненной властностью. А через мгновение зашуршал полог, и в прямоугольнике света возникла золовка Алиеноры, Изабелла де Варенн. В руке она держала кубок.

– Я отослала вчерашнее вино и принесла вам свежей воды из ручья, – объявила Изабелла. – Еще вас ждет теплый хлеб с медом, и я взяла на себя смелость приказать, чтобы приготовили ванну.

Ошеломленная Алиенора приняла кубок и сделала глоток. Вкусная холодная вода освежала, а появление Изабеллы смягчило сердечную боль. Это был истинный, верный друг.

– Гарри рассказал мне вчера о вашем приезде, но настоял, чтобы я вас не беспокоила. А то бы я сразу пришла!

Королева отставила питье и раскрыла объятия. Изабелла обняла ее и вдруг залилась слезами, тогда уже заплакала и Алиенора.

– Глупышка, – всхлипнула она и, вытирая глаза, отстранилась. – Смотри, что ты наделала.

– Ничего не могла с собой поделать. – Изабелла деликатно промокала лицо подкладкой рукава.

– У тебя слишком нежное сердце, – пожурила подругу Алиенора. – Потому-то я и не вынесла бы встречи с тобой сразу по приезде. Да и сейчас у меня не очень получается. – Она снова взяла кубок. – Ах, Изабелла, это так трудно – из унылого существования снова окунуться в жизнь, насыщенную яркими красками. Тебе даже не представить, что он со мной сделал.

Тем временем в покои заносили ванну и кадки с горячей водой.

– В любом случае я хочу помочь.

Королева подавила вспышку раздражения. Отличительной чертой Изабеллы всегда было стремление помогать тем, кто оказался в нужде. Очевидно, и она, Алиенора, в глазах подруги стала одной из таких несчастных.

– Только не смей жалеть меня! – предупредила она.

Карие глаза Изабеллы глянули на нее с обидой.

– Я никогда этого не делаю! Вы несправедливы ко мне.

В руках у нее появился флакон с розовым маслом. Подойдя к ванне, она добавила в горячую воду несколько баснословно дорогих капель, и комнату затопили волны чудесного аромата.

– С природой не поспоришь. – Алиенора смягчила замечание улыбкой, однако Изабелла по-прежнему смотрела на нее с укором.

Разоблачившись при помощи камеристки, королева ступила в ванну и с тихим стоном погрузилась в обжигающую, благоухающую розами воду.

Изабелла вновь наполнила ее кубок.

– Иоанн и Иоанна так обрадовались, когда узнали о вашем прибытии, – поделилась она. У Алиеноры сдавило горло. Упрятав ее в Сарум, Генрих отобрал у нее не только свободу, но и детей. Изабелла, вторым браком бывшая замужем за единокровным братом Генриха Амленом, приютила их у себя в доме и воспитывала вместе со своими детьми. Это было единственным светлым пятном в горестном существовании королевы.

– Как они растут?

– Очень хорошо! – с теплотой в голосе воскликнула Изабелла. – Вы сами скоро убедитесь. Иоанна – настоящая маленькая дама, а Иоанн с Уильямом теперь не только кузены, но и близкие друзья.

– Было огромным облегчением знать, что они находятся под твоим присмотром.

Изабелла отмахнулась от благодарности, но слова Алиеноры явно доставили ей удовольствие.

– Заботиться о них – честь для меня. Они такие умницы. Не видела ребенка, который бы сравнился с Иоанном по мастерству в шахматах, а Иоанна уже читает без запинки.

Алиенора светилась от гордости, пока Изабелла рассказывала об успехах младших детей, но не могла справиться с тайным негодованием и невольным чувством вины: это она должна расхваливать достижения своих детей, а не узнавать о них из уст другой женщины, хотя она ей как сестра и к тому же давняя подруга. Тем не менее на душе у Алиеноры потеплело, как будто солнечные лучи разогнали вязкий туман. Ее пробудили к жизни, и этого уже не изменить.

– Ты знаешь, зачем я понадобилась в Винчестере? – спросила она Изабеллу, когда камеристка помогала ей надеть чистую камизу и платье из алой шерсти. – Гарри говорит, будто Генрих хочет помириться, но боюсь, его мотивы не сулят мне ничего хорошего.

– От Амлена я об этом не слышала, – покачала головой Изабелла.

Алиенора пристально взглянула на нее:

– Он не в курсе или не хочет тебе рассказывать?

Изабелла опустила глаза:

– Этого я не знаю.

А сама, конечно же, не спрашивала. Что ж, Алиенора прекрасно помнила о свойстве Изабеллы не замечать неприятные стороны жизни.

– Надеюсь, вы сможете помириться, – взволнованно произнесла Изабелла. – В Саруме – это не жизнь!

Губы королевы изогнулись в усмешке.

– Полагаю, Генрих использует мое заточение в Саруме как одно из своих средств воздействия. Он усладил меня туда почти на целых два года, не позволял иметь никаких контактов с миром и детьми, лишил всякого комфорта и удобств. А теперь вот вызвал в Винчестер и осыпал теми самыми благами, которых мне так не хватало. Но вот что я тебе скажу: никогда ему не видать Аквитании, если это его цена. Да лучше вернуться в Сарум. Лучше умереть.

– Алиенора... – Изабелла вытянула руку в умоляющем жесте.

– Не смотри на меня так! – рявкнула на нее королева и потом сделала глубокий вдох. – Спасибо тебе за то, что разбудила меня, – уже мягче проговорила она и поцеловала подругу в щеку. – Возможно, к встрече с Генрихом я еще не готова, но очень хочу видеть детей.

Она только закончила завтрак, состоящий из хлеба и меда, когда со своими нянями прибыли Иоанн, Иоанна и четверо отпрысков Изабеллы, их кузены. Сердце так и подпрыгнуло в груди, потому что Алиенора едва узнала сына и дочь, с которыми распрощалась у ворот Сарума два года назад. В возрасте девяти и десяти лет они все еще были детьми, но уже были готовы шагнуть в беспокойную пору юности.

Иоанн первым приблизился к ней и ловко опустился на одно колено.

– Госпожа матушка, – проговорил он.

Иоанна присела и тоже пробормотала что-то приветственное. Ее волосы – светло-каштановые локоны с заметной рыжинкой, унаследованной от отца, – были заплетены в блестящую косу.

Церемонность ситуации связывала каждого из участников словно туго натянутыми веревками. Охваченная внезапным порывом, Алиенора нарушила ритуал и прижала младших детей к груди.

– Какие вы большие! – Она боролась со слезами. – Разлука была такой длинной... но я думала о вас каждый день и молилась о том, чтобы поскорее увидеться!

– Мы тоже молились, мама, – сказал Иоанн с открытым и невинным видом.

– Да-да, – подтвердила Изабелла. – Мне ни разу не пришлось напоминать им.

Утирая глаза рукавом, Алиенора усадила Иоанна и Иоанну рядом с собой в оконной нише, а сама тем временем постаралась взять себя в руки. В конце концов справилась с чувствами и сумела чинно поздороваться с сыном Изабеллы и тремя ее дочерьми. И опять ее потрясло, что они больше не были славными беспомощными малышами, а превратились в цветущих подростков. Сын Изабеллы Уильям был одних лет с Иоанном, и между ними возникла та свойственная мальчишкам связь, которая, с одной стороны, заставляла их постоянно проверять границы дозволенного и соревноваться, а с другой – объединяла против всего остального мира. Старшая дочь Изабеллы, Белла, по возрасту была близка Иоанне. От матери ей досталась алебастровая кожа, а от деда Жоффруа, графа Анжуйского по прозвищу Красивый, удивительные сине-зеленые глаза.

– Как я погляжу, эта девушка разобьет немало сердец, – улыбнулась Алиенора. – Она уже помолвлена с кем-нибудь?

– Нет, мы хотим, чтобы она еще подросла и смогла сама сделать свой выбор.

Королева вскинула брови:

– А что, если ее избранником станет кухонный мальчишка или красноречивый менестрель с пустыми карманами?

Изабелла показала рукой воображаемую границу:

– Разумеется, существуют определенные рамки, но внутри их она должна иметь право голоса, как и все другие мои дочери.

– Что говорит по этому поводу Амлен?

– Он согласен со мной. Времени еще предостаточно, и пока никто не сделал нам такого предложения, от которого мы не смогли бы отказаться.

Алиенора ничего на это не сказала. Изабелла в основном придерживалась традиционных взглядов, однако в делах сердечных или семейных могла быть упрямой, а порой и своевольной. Кто-то называл ее храброй и честной, другие считали избалованной и глупой. Тем не менее Алиенора могла понять, почему Амлен был согласен с супругой в этом вопросе. Незаконнорожденный брат Генриха правил домом и хозяйством милостиво, но единовластно. Он не хотел менять положение дел и обручать дочерей в раннем возрасте, опасаясь постороннего влияния. Сама Алиенора уже давно составила партии дочерям, чтобы сохранить необходимые политические альянсы, но у Изабеллы и Амлена подобных обязательств было несравнимо меньше.

Она услышала мужские голоса, слившиеся в шутливой перепалке, и мгновение спустя в дверь стремительно вошли ее старшие сыновья в компании с отцом, а вместе с ними в мирную атмосферу комнаты ворвались свежие запахи улицы и кипучая энергия. Все четверо громко хохотали, потому что любимый терьер Генриха похитил осыпанную драгоценными камнями меховую шапку епископа Илийского и скрылся с ней позади конюшен, где, скорее всего, занялся ее изничтожением.

Взгляд Алиеноры первым делом отыскал Ричарда, наследника ее герцогского титула. Материнское сердце всегда открыто для всех сыновей, но именно Ричард – свет ее очей, средоточие ее надежд. Граф Пуату, будущий герцог Аквитании. Его золотисто-рыжие волосы горели огнем, глаза были густо-синими, как васильки, и среди всех четверых мужчин он был самым высоким.

Прервав шутку на полуслове, он подошел к Алиеноре и опустился на колени у ее ног в церемонном приветствии. По заведенному обычаю она одарила его поцелуем мира. Ритуал помог сохранить ей величественный вид, несмотря на бьющие через край эмоции. Их взгляды встретились, передавая то, что нельзя произнести вслух при Генрихе и остальных.

Затем Ричард поднялся и уступил место брату Жоффруа, который был на год моложе, с более темными волосами и более тонкого сложения. Его воспитывали как будущего правителя Бретани и уже помолвили с Констанцией, наследницей бретонских герцогов. Но человек Жоффруа был непростой, открытое выражение лица скрывало глубокие омуты мыслей.

– Госпожа матушка. – Он взял ее ладонь и прижал к своему лбу. Манеры его были приятны, однако непроницаемые холодные глаза портили впечатление.

Гарри тепло расцеловал Алиенору и сжал ее руки в своих:

– Сегодня ты получше себя чувствуешь?

– Я уже облачилась в доспехи, – хмуро пошутила королева. А стала ли она чувствовать себя лучше? Скорее, иначе. Готовой к бою.

– Это тебе. – Он высыпал ей в ладонь дюжину пестрых драгоценных камней. Среди них выделялся крупный аметист с двумя просверленными отверстиями, сквозь одно из которых еще была продета нить с обрывками беличьей шкурки. – Твоя доля трофеев. Только не говори епископу Или. – В его глазах плясали искорки смеха.

На секунду Алиенора сжала камни в кулаке. Ей хорошо известно, сколько они могут стоить и как их можно использовать. Генрих не рискнет отобрать их у нее – столько свидетелей было акту дарения, и вообще все случилось как будто в шутку. Она убрала драгоценности в шкатулку и, пытаясь скрыть ненависть, обернулась к Генриху. Конечно же, он намеренно пропустил сыновей вперед, чтобы понаблюдать за их общением с матерью. Она не присела в реверансе перед ним, и муж ей не поклонился.

– Госпожа супруга, надеюсь, пребывание в покое и одиночестве пошло тебе на пользу? – Взгляд его был тверже камня.

– Весьма, мой господин. У меня было время подумать о многих важных вещах и как следует в них разобраться.

– Рад слышать это. Как видишь, я нашел взаимопонимание с сыновьями, и теперь нет причин, почему бы нам не жить счастливо всем вместе.

Имелось множество причин как раз для обратного, но Алиенора сочла за лучшее промолчать.

Генрих протянул ей руку:

– Наши подданные ожидают нас в зале. Не соблаговолишь ли почтить их своим присутствием?

– Мое слово что-нибудь значит?

– Ну, ответ известен нам обоим, – произнес он с любезной улыбкой, хотя взгляд по-прежнему обжигал ледяным холодом.

Ей не хотелось прикасаться к нему, тем не менее она заставила себя положить ладонь на его рукав и пойти с ним в зал. Генрих тоже не желал физического контакта – Алиенора знала это, – но использовал его как средство проявить свою власть. Волей-неволей она должна играть по его правилам, но только до тех пор, пока не выяснит, что затеял противник на этот раз. А тогда – посмотрим еще, кто кого.

Глава 3

*Винчестерский замок,
пасхальные торжества, апрель 1176 года*

Алиенора сидела под окном вместе с Изабеллой и покрывала вышивкой рукав на новом одеянии Иоанны. Орнамент был сложным, но стежки она клала быстро, потому что знала: ее свобода может закончиться в любой момент. В Саруме все рукоделие сводилось к шитью грубых льняных рубашек для бедных и было частью наказания за то, что она подстрекала сыновей к бунту против отца. Возможность снова работать с шелком и красивой одеждой дарила несказанную радость.

Накануне состоялся праздник воссоединения семьи – на поверхности такой же яркий, как освещенная солнцем вода, но в глубинах которой скрываются опасные, мутные течения. Все улыбались, и смех порой звучал искренний, но под маской веселья прятались куда более темные эмоции, и никто не говорил о том, что привело к расколу. Зато много балагурили и хвастали охотничьими успехами. Несколько раз пересказали историю печальной судьбы головного убора епископа Илийского. Причем сам епископ воспринял происшедшее без обиды и не возражал против того, что драгоценные камни достались Алиеноре. И ни слова о причинах, из-за которых сын восстал против отца и королеву сослал в Сарум. А ведь это эпизод такого масштаба и значения, что в парадном зале не оставалось места ни для чего другого. Он сквозил в каждом вздохе, в каждом слове.

Наутро Генрих отправился на охоту с сыновьями. Из всех сил он старался продемонстрировать супруге, какая задушевная мужская дружба установилась между ними. *Видишь, они мои. Ты пыталась забрать их от меня и проиграла.* Он делал вид, что в этом причина их раздора, но Алиенора не верила ему, хотя видеть их вместе было больно.

Иоанна и ее кузины де Варенн извлекли собственные корзиночки с рукоделием и увлеченно что-то вышивали. К ним подсели со своим шитьем молодая жена Гарри Маргарита и ее сестра Адель с волосами мышинового цвета, обрученная с Ричардом. Констанция Бретонская, невеста Жоффрау, читала дамам книгу. Она только что поведала им, гримасничая, что верблюды предпочитают пить грязную воду, а не чистую и для этого мутят ее ногами, поднимая со дна водоема ил и песок.

– Мама, а ты видела верблюдов, когда путешествовала по Святой земле? – спросила Иоанна. – Они и правда так делают?

– Я такого не замечала, – ответила Алиенора. – Ты должна понимать: не все правда, что пишут ученые мужи. Однажды в Иерусалиме я прокатилась на верблюде верхом. Людовик был в ужасе, ведь я нарушила все приличия, только меня это не остановило.

Иоанна широко распахнула глаза:

– Тебе понравилось?

– Нет. Мне было больно. – Алиенора поморщилась. – И дурно, как на корабле во время качки. Верблюды выше лошадей, поэтому с них далеко видно, однако ступают они не очень твердо и медленнее реагируют на команды седока. А вот езда на арабском скакуне – совсем другое дело. Ах! – В ее глазах зажглись воспоминаниями. – Людовик и этого не одобрял. Не нравилось ему, что королева, его супруга, быстрее ветра носится верхом по пустыне. Должно быть, боялся, что я могу умчаться от него навсегда – ха! – и был прав, пожалуй! Как бы я желала, чтобы у меня был сейчас арабский жеребец... или хотя бы верблюд... Но если бы желания были лошадыми, то я давно бы уже находилась в Пуатье, в собственном замке.

Изабелла нежно прикоснулась к руке Алиеноры и послала ей сочувственный взгляд, в котором тем не менее было и предупреждение.

– Касательно орла, – продолжила чтение Констанция, – известно, что когда эта птица состарится, то странным образом опять становится молодой. Когда от прожитых лет глаза орла потемнеют, а крылья отяжелеют, он отыскивает хрустально-чистый источник, где воды пенятся и искрятся на ярком солнце. Взмывает он высоко-высоко над тем источником, направляет взгляд на свет солнца и смотрит туда до тех пор, пока не запылают огнем его глаза и крылья. Тогда он спускается к источнику, в его прозрачные воды, и окунается в него трижды, и выныривает потом свежим, и обновленным, и исцеленным от старости.

Алиенора зажмурилась, борясь с подступающими слезами. Если бы все было так просто...

Чтение грубо прервали – в покои влетел Генрих, вернувшийся с утренней охоты. В нем еще бурлила разгоряченная погоней кровь. Грязь облепила его сапоги, накидка была порвана, за шляпу зацепилась веточка. Алиенора ощутила исходящий от короля запах пота. Сыновей с ним не было, как и никого из свиты. У нее заколотилось сердце. Итак, он наступил, момент торговли.

Генрих швырнул шляпу и накидку подскочившему слуге и приблизился к окну, где устроилась Алиенора.

– Оставьте нас! Все! – скомандовал он, сопроводив слова резким взмахом руки. – Я желаю поговорить с королевой наедине.

– Я хочу быть с мамой! – Иоанна надула губы и прижалась к Алиеноре.

– Можешь хотеть все, что угодно, но делать будешь так, как я скажу! – отрезал Генрих. – Этот разговор не для твоих ушей.

– Идем, Иоанна, – позвала девочку Изабелла, – я должна разобрать свою шкатулку с драгоценностями, и вы с Беллой можете мне.

Дочь бросила на отца быстрый взгляд, в котором отчетливо читалась неприязнь. Однако соблазн поиграть с украшениями тети был слишком велик. Девочка изобразила реверанс и убежала вслед за Изабеллой.

Генрих прошипел сквозь зубы:

– Ох уж мне эти дочери, – и сел на место, освобожденное Иоанной.

Алиенора снова принялась за отложенное было шитье.

– Чего ты ожидал? Она уже в том возрасте, когда многое становится понятно.

– А еще она в том возрасте, когда пора научиться вести себя достойно и прилично, – раздраженно возразил король. – И слушаться отца. – Он вытащил из чьей-то корзинки с рукоделием обрывок золотой нити для вышивания и поднял его к свету, разглядывая. – Из Сицилии к нам едут послы короля Вильгельма с брачным предложением, и я готов принять его, если условия будут выгодными.

Алиенора сделала пару сложных стежков. Альянс с Сицилией уже рассматривался несколько лет назад и был отложен, но не навсегда. Горько отдавать еще одну дочь в далекие края, зная, что вряд ли доведется свидеться с ней хотя бы еще раз. Однако по климату и культуре Сицилия не так уж далека от Аквитании. Есть шанс, что Иоанне там понравится. Вильгельм Сицилийский лет на десять старше их дочери – такая разница в возрасте может обернуться как коротким шагом навстречу друг другу, так и непреодолимой пропастью.

– Иоанна знает?

– Нет, но скоро я ей скажу. Если переговоры пройдут удачно, она покинет дом еще до наступления осени.

Алиенора опустила глаза к вышивке. Как ни противно было обращаться к Генриху с просьбой, пришлось проглотить гордость ради вопроса:

– Ты позволишь мне остаться и побыть с Иоанной до ее отъезда?

– Посмотрю, что можно будет сделать. – Генрих испустил преувеличенно тяжкий вздох. – Я всегда делал все, что в моих силах, ради поддержания мира в наших владениях.

Мои сыновья теперь тоже это понимают, и надеюсь, время, данное тебе на размышления в одиночестве, не прошло впустую. Сможем ли мы требовать от подданных преданности и почтения, если не будем едины?

Он сказал «мои сыновья», не «наши», отметила Алиенора.

– В Саруме мне нечего было делать, только размышлять, – проговорила она и перевернула ткань, чтобы проверить, как ложатся ее стежки с изнаночной стороны. – Поскольку ты слегка ослабил мои оковы и привез меня в Винчестер, я делаю вывод, что у тебя что-то на уме. Гарри говорит, будто ты желаешь примирения.

Генрих обматывал блестящую нитку вокруг пальца:

– Помнишь, как мы с тобой ездили в Фонтевро?

Интересный гамбит.

– Это было так давно.

Он криво усмехнулся:

– Да, в лучшие времена.

В ее памяти всплыла картина: она и Генрих, держась за руки, бредут по росистой траве под стенами аббатства, покрытыми жемчужной пеленой утреннего тумана. Следом идет няня с их новорожденным первенцем в корзинке. Бесконечными возможностями раскинулось перед ними их общее будущее, и сердце ее переполняется уверенностью и восторгом... Но Вилл уже двадцать с лишним лет покоится в могиле, и воспоминание это не более чем солнечный зайчик на поверхности гибельного моря. С тех пор Алиенора много раз бывала в Фонтевро, но уже без Генриха.

– И что?

– На тебя там всегда нисходит успокоение. Кажется, к Саруму у тебя совсем иное отношение?

Алиенора прекратила шить и пристально взглянула на мужа:

– К чему ты ведешь?

Он поднялся и встал у окна. От этого движения по комнате разлилась волна острого запаха пота и охоты.

– Аббатство Эймсбери переходит под правление Фонтевро, и там нужна будет настоятельница. Для тебя это стало бы прекрасным занятием. Аббатство ничем не запятнано.

Аббатиса! Так вот каков его план. Упрятать ее в монастырь, чтобы она проводила годы в молитвах и благотворительности! С удушающе узким кругом общения, приличным роду и чину благородной аббатисы! Это не жизнь, а тихая, красивая смерть. В противовес трудной и холодной смерти в Саруме, если она будет сопротивляться.

– Когда ты устроишься в Эймсбери, я не стану ни в чем ограничивать тебя, – невозмутимо продолжил Генрих. – Ты сможешь делать все, что захочешь: совершать верховые прогулки, принимать знатных посетителей, – и при этом будешь гордостью нашей династии, а не позором.

Генрих стоял спиной к Алиеноре. Она разглядывала его затылок – волосы мужа начали редеть. Когда-то они полыхали рыжим золотом, а теперь их как будто присыпало пылью.

– Я бы предпочла поселиться в Пуатье, – произнесла она ровным тоном. – Через два месяца там настанет сезон вишни, и ранним летом в тех краях всегда очень красиво. Вот где на меня снизошло бы истинное успокоение.

Он развернулся к ней:

– Это невозможно. После того, что было, ты никогда туда не вернешься. – Взгляд короля был тверже камня, на который он облакачивался. – Я разговаривал со священнослужителями. Они говорят, можно сделать так, чтобы мы больше не были супругами.

Алиенора не удивилась и не возмутилась, потому что уже ходила этим ухабистым путем.

– Ты говоришь о расторжении брака?

– Да, о чем-то в этом роде, – признал Генрих.

– Давай будем называть вещи своими именами. Ты говоришь о том, чтобы наш брак расторгли. «В этом роде» больше ничего не бывает.

Он перевел взгляд на золотую нить у себя в руках:

– Хорошо. Коли желаешь говорить прямо, будь по-твоему. Я говорю о расторжении брака.

– Ты хочешь превратить меня в ничто, – произнесла она низким от презрения голосом. – Хочешь, чтобы я просто исчезла, чтобы от меня не осталось и следа. – У нее было такое ощущение, будто внутри ее падают один на другой тяжелые камни. Она не позволит Генриху поступить с ней так. – Я спрашиваю себя: какая тебе от этого выгода?

Он пожал плечами:

– Не понимаю, что вызывает у тебя такое неприятие. Мое предложение означает, что каждый из нас сможет пойти своим путем и будет положен конец этому недоразумению.

Если их брак и стал недоразумением, то только из-за того, что Генрих унижал ее на каждом шагу и продолжает это делать – хочет упрятать в монастырь, отказывает в праве поехать в собственное герцогство. Возможно, он планирует взять себе другую жену, а такую угрозу Алиенора не может игнорировать, ведь от нового брака у Генриха могут появиться дети, и тогда ее собственные окажутся в опасности. Ни за что! Ради них она готова пойти на все.

Алиенора отложила рукоделие и встала напротив Генриха:

– Я вовсе не имею намерения расторгнуть наш брак, во всяком случае не на тех условиях, что ты предлагаешь. Перспектива получить взамен более комфортное жилище меня не прельщает.

– Вынужден тебя огорчить, дорогая. Выбор у тебя небольшой. Я легко добуду документы, которые подтвердят, что наш брак был родственным и потому недействительным с самого начала.

Она ответила язвительным смехом:

– На пути нашего брака стояло множество препон, но все их удалили, когда мы с тобой встали под венец. Предъяви любой документ, и я найду равноценный, который докажет его ложность. Армий в моем распоряжении нет, но в этом деле не они играют главную роль. После того, что случилось с Томасом Бекетом, в Риме немало людей будут счастливы поддержать меня. Более того, ты должен беречь мою жизнь, ведь теперь все с легкостью поверят, что ты способен умертвить как своего архиепископа, так и свою королеву.

Генрих побагровел, его щеки покрыла фиолетовая сетка лопнувших сосудов. Он замахнулся кулаком:

– Видит Бог, ты зашла слишком далеко!

– Тогда ударь меня! – бросила она ему вызов и вскинула голову. – Отошли обратно в Сарум, а потом попробуй объяснить сыновьям, почему это случилось. Посмотрим, чем они тебе ответят.

Они стояли под сводами оконной ниши, тяжело дыша и испепеляя друг друга ненавидящими взглядами.

– Клянусь, ты дашь мне то, что я хочу! – прорычал Генрих.

– Мне все равно, что ты сделаешь, – бесстрашно парировала Алиенора. – Ты уже пограл мою честь и мои права. Хуже быть ничего не может.

– Еще как может. Подумай хорошенько, госпожа королева. До окончания пасхальных празднеств я еще раз задам тебе этот вопрос. Рассчитываю, что к тому времени ты одумаешься. Тебе известно, как я поступаю с теми, кто идет против меня. – Он оттолкнул ее так, что она чуть не упала, и в бешенстве покинул комнату.

Колени у Алиеноры подогнулись. Она пятилась, пока не наткнулась на скамью и не рухнула как подкошенная. Ее сотрясала крупная дрожь. Боже праведный! Генрих хочет признать их супружество недействительным! Засунуть ее в монастырь и забыть о ней навсегда. Оружия у нее совсем мало, а точнее – одно: отказ. И тут она будет стоять до последнего.

В покои на цыпочках вошла Изабелла и приблизилась к королеве, сидящей в немом оцепенении. При виде того, в каком состоянии находится ее дорогая госпожа, Изабелла призвала на помощь других дам и сама поднесла Алиеноре чашу с вином.

– Он хочет расторгнуть брак. – Губы едва двинулись. – Хочет, чтобы я отправилась в Эймсбери и приняла постриг.

Изабелла ахнула:

– О мой Бог!

– Желает сделать из меня монахиню и забрать себе мою Аквитанию. – От ненависти и отвращения Алиенору трясло. – Утверждает, что это будет почетно. Говорит, я обрету покой и свободу от трудов, но так говорится о смерти, не правда ли? – Она посмотрела на вино, которое едва не расплескивалось в ее дрожащей руке. – Когда-нибудь потом я, может, и рада буду удалиться в аббатство, но не сейчас. Мои детородные годы миновали, но это не значит, что со мной можно обращаться как с заезженной клячей, которую отправляют на выпас доживать последние дни. – Ее глаза горели огнем. – Я ни за что не соглашусь на это, ни за что!

Изабелла присела рядом с ней и после секундного колебания заметила:

– Знаю, с подобной мыслью свыкнуться трудно, но разве в Эймсбери вам не будет лучше, чем в стенах Сарума или в Винчестере под замком?

Алиенора сжала губы и посмотрела на пол, на квадрат света, падающего из окна. Там блестел обрывок золотистой нитки, который теребил Генрих во время разговора.

– Нет! – возразила она. – Нет, не станет мне там лучше.

– Но вы будете общаться с другими благородными дамами, у вас будут книги для чтения и множество дел, которыми можно занять дни. – Изабелла прикоснулась к колену Алиеноры и продолжила нежно убеждать: – Вы будете гулять на свежем воздухе и пользоваться другими благами, и вас будут чтить. Если принять все это во внимание, то так ли уж дурно предложение короля?

Стремление Изабеллы видеть хорошее в любой ситуации, даже если оно уводило ее на путь наименьшего сопротивления, всегда раздражало Алиенору. А теперь, взвинченная столкновением с Генрихом, она набросилась на подругу с небывалой яростью:

– Ты не понимаешь и никогда не понимала! Я – королева, и то, что он требует, не пристало требовать от королевы. Генрих просто избавляется от меня.

Изабелла протянула к ней руку в мольбе:

– Я не хотела вас обидеть. Я хотела как лучше.

– Лучше? Ха! Генрих превратит меня в ничтожество, а ты все равно найдешь ему оправдание, потому что отказываешься видеть мир таким, какой он есть.

– Алиенора...

– Ох, оставь меня, – процедила она. – Я не нуждаюсь в твоих советах.

Изабелла прикусила губу:

– Я просто хочу помочь...

– Этим мне не поможешь, – с горькой злостью перебила ее Алиенора. – Прошу же: уйди. Ты не нужна мне.

Изабелла встала со скамьи. У нее дрожал подбородок.

– Как прикажете, госпожа. – Подруга опустила в реверансе и почти бегом покинула комнату.

Алиенора зажмурилась и закрыла лицо руками. Она едва не окликнула Изабеллу, но гордость и гнев словно приклеили ее к месту и запечатали рот.

Никто не подходил к ней, ибо кто же рискнет войти в логово львицы? Она осталась одна. Спустя некоторое время Алиенора положила руки на колени и царственно выпрямила спину. На нее снизошло странное спокойствие и появилась целеустремленность. Она сама справится со всем, что ей выпадет. Она королева, и уже эта роль отличает ее от всех других женщин, даже от тех, кого Алиенора называет другом. Случай с Изабеллой лишний раз доказывает, что полагаться можно только на себя.

Глава 4

*Винчестерский замок,
пасхальные торжества, апрель 1176 года*

Амлен де Варенн, граф Суррея, уселся перед огнем и с наслаждением отдался заботам трех дочерей. Они засуетились вокруг него, чирикавая звонкими голосками, принялись расчесывать ему волосы, омывая натруженные стопы. Весь этот день он провел на ногах, едва поспевая за своим энергичным венценосным единокровным братом. Возможность наконец отдохнуть стала настоящим блаженством.

С удовлетворением Амлен подумал о том, как повезло ему с семейством. Его сын растет умным парнишкой, сообразительным и крепким, и значит графство перейдет в надежные руки. А дочери наполняют жизнь отца теплом домашнего уюта. Однажды им придется выйти замуж, и можно будет только позавидовать тем баловням фортуны, которым достанутся столь замечательные жены. Но это произойдет когда-нибудь потом, пока же Амлен и Изабелла могут еще несколько лет вкушать родительское счастье. Из трех девочек ближе всех к поре невесты стоит Белла, но и ей пока не исполнилось и двенадцати. Аделе семь, а Матильде пять. В отличие от Генриха, Амлену нет нужды срочно подыскивать дочерям династически выгодные партии.

Он глянул на жену, которая разбирала одежный сундук. Изабелла стояла к нему спиной, ее движения были торопливы и беспорядочны, однако Амлен не придал этому значения – подумал, что супруга, как обычно, занята таинственными женскими делами.

– Белла, поиграй мне, – попросил глава семейства.

Старшая дочка принесла арфу и установила на подставку у своих ног. Темно-каштановая коса скользнула из-за спины вперед, и девочка изящным движением кисти отбросила ее назад, не забыв послать отцу улыбку. Музицировала она прекрасно, гибкие пальцы без усилий извлекали из струн мелодию. Матильда забралась к отцу на колени, и он бережно обвил ее маленькое подвижное тельце рукой. Почти целый день Амлен был с Генрихом, и теперь ему срочно требовалось очиститься домашней идиллией от мути придворной жизни. Он не уставал благодарить Господа за то, что Тот ниспослал ему столько радости, тогда как другим не досталось ни капли.

Позднее, когда девочки поцеловали его и отправились под надзором нянек в постель, а потом пошел спать и сын, Амлен обратил взгляд на Изабеллу и похлопал по скамье рядом с собой:

– Иди-ка сюда. Ты сегодня какая-то притихшая. Только сначала принеси мне вина.

Изабелла сделала то, о чем попросил супруг, но на этот раз Амлен отметил ее подавленное состояние. Что-то гложет ее, однако с расспросами он не стал торопиться. Когда придет время, она сама все расскажет ему. Амлен не относился к числу тех, кто ищет лишние хлопоты. Он принял из рук жены кубок и вытянул ноги поближе к огню.

– Ты, должно быть, слышала о намерении Генриха расторгнуть брак с Алиенорой? – поинтересовался он.

Ответом ему была тишина, и Амлен удивленно оторвал взгляд от языков пламени как раз в тот момент, когда лицо Изабеллы сморщилось и она залилась слезами. Сбитый с толку, он взял ее за руку:

– В чем дело? Что случилось?

– Ничего, – сдавленно ответила Изабелла. – Все, я уже не плачу...

– Ну же, выкладывай. Это из-за того, что я сказал? – Он подумал, что, наверное, жена переживает о том, как повлияет новость на ее положение при дворе. – Я ведь не собираюсь расторгать наш с тобой брак. Что тебя так расстроило?

– Я не... не расстроена, – всхлипывала Изабелла. Она ругала себя за то, что не смогла сдержаться при муже, а ведь он ожидает найти дома покой и отдохновение.

– Но я же вижу, что это не так. Ты расстроена. Поведай, что с тобой.

– Это не со мной, а с Алиенорой, – залилась Изабелла пуще прежнего. – Она... она разозлилась на меня, когда я предположила, что расторжение брака не так ужасно. Крикнула, что не хочет меня видеть, что я не понимаю ее. Она смотрела на меня как на врага, как будто все, что я для нее сделала, ничего уже не значит!

Амлен поморщился. Он очень любил жену, но порой ее чувствительность слишком все усложняла, а влезать в женские ссоры ему вовсе не хотелось. Взять хотя бы Генриха: при всех его слабостях, кознях и приступах ярости иметь с ним дело гораздо проще, чем с женщинами.

– Успокойся, любовь моя, – попросил Амлен. – Я уже сбился со счета, сколько раз Генрих отсылал меня с глаз долой, потому что ему не понравились мои слова или просто потому что он был зол на кого-то другого. Зато в трудный момент без меня он не может обойтись, как и Алиенора не может обойтись без тебя, что бы она сейчас ни болтала. – Вздохнув, он добавил: – Мы принадлежим им, даже когда они нас пинают. Выпей же вина и осуши слезы. Это пройдет... Итак, – вернулся он к проблеме, когда плач супруги утих до редких всхлипов, – судя по твоим словам, Алиенора не расположена расторгать брак.

Изабелла мотнула головой:

– Нет. Она превратилась в львицу, когда я заметила, что это было бы к лучшему. – Изабелла терзала в руках сырой квадратик ткани, которым промокала слезы. – Даже если Генрих отправит ее обратно в Сарум или посадит в темницу, она не согласится на аннуляцию.

На лицо Амлена легла мрачная тень. Супружеские неурядицы Генриха и Алиеноры мешают жить не только королевской чете. А вообще его ничуть не удивила подобная реакция королевы на предложение мужа.

– Генрих объяснял тебе, почему он хочет расторгнуть брак с Алиенорой? – поинтересовалась Изабелла.

– Говорит, что хочет полностью отделиться от нее. Она получит достойное занятие в Эймсбери, а он – свободу строить жизнь дальше.

– Алиенора считает, что Генрих унижает ее. – Изабелла вглядывалась в лицо мужа, желая найти ответы на свои вопросы. – По-прежнему сплетничают о том, что король собирается жениться на Адель Французской или Розамунде де Клиффорд.

Амлен пожал плечами:

– Сплетни на то и сплетни, чтобы раздувать из мухи слона. Насколько я знаю своего брата, он не сделает ни того ни другого, потому что опасается недовольства подданных. Одна из этих дам помолвлена с его сыном, а вторая – дочь простого барона. Генрих далеко не глупец. – Амлен притянул Изабеллу к себе и поцеловал. – Ты должна отстраниться от их дел. А иначе не выжить.

– Да, ты прав. – Изабелла прижалась к сильному телу мужа, ища у него утешения.

– У меня есть другая новость, которая придется тебе по вкусу, – объявил минуту спустя Амлен. – Генрих говорит, что скоро к нам придут послы из Сицилии с брачным предложением от их короля. Он желает обручиться с нашей племянницей Иоанной. Если условия окажутся приемлемыми, Генрих планирует это предложение принять.

– Я слышала, что этот вариант рассматривают, но не думала... Отправить ребенка в такую даль...

– В этом предназначение Иоанны: вступить в выгодный и престижный брак для укрепления границ нашей страны. Она это знает, и ты хорошо подготовила ее к такой роли. Судя по слухам, жених хорош собой и добронравен. А сицилийский двор один из самых знатных в христианском мире.

– Это прекрасная партия, и я рада за Иоанну. Ее ждет великое будущее. Но я буду скучать без нее. И Белла тоже.

– Таков ее долг, – твердо напомнил Амлен. – Для этого она и была рождена на этот свет.

– Я тоже была рождена для этого. И могла бы стать королевой Англии. – Изабелла вспомнила о первом муже, который был наследником трона, но уступил его Генриху. Если бы судьба сложилась по-другому, то корона Алиеноры сейчас принадлежала бы ей. – Но я рада, что все вышло иначе. Мое сердце не выдержало бы, если бы пришлось расставаться с дочерьми, когда они столь юны. Если предложение примут, когда Иоанне надо будет ехать?

– К осени.

Белая борзая Амлена вскочила на другой край скамьи, повертелась и улеглась, уткнув морду в бедро хозяина.

– Генрих хочет, чтобы я сопроводил Иоанну на Сицилию и убедился, что ее там хорошо приняли. – Улыбка осветила его лицо. – И ты тоже едешь, так что время расставаться с племянницей для тебя еще не настало. Ну как?

Изабелла отпрянула в удивлении от услышанного и затем радостно рассмеялась:

– Не знаю, что и сказать! Это важное и почетное поручение, и надо будет столько всего сделать.

Она стала думать о том, чем наполнить свадебный сундук, о новых нарядах и о приданом, о том, как обустроить жилище Иоанны на новом месте. Генрих не позволит Алиеноре заняться всем этим, не стоит и надеяться. Тут, чтобы не заплакать снова, Изабелла поспешила отвлечься от мыслей о королеве.

– О да, дел предстоит немало, только пока прошу тебя ничего не рассказывать, – предупредил ее Амлен. – Не привлекай лишнего внимания большими сборами.

– Я и не собиралась! – вознегодовала Изабелла. – Ты же знаешь, я умею хранить секреты!

– Знаю, знаю, – замахал на нее Амлен, а затем ухмыльнулся. – Кажется, у тебя будет чудесная возможность приобрести для дома шелка и гобелены из сицилийских мастерских, а?

Изабелла шутливо погрозила супругу пальцем:

– У меня такое ощущение, будто ты кормишь меня сладостями, чтобы успокоить.

– И что в этом дурного? Если ты рада, то рад и я, потому что в доме моем царит гармония, а ее я ценю превыше всего остального.

– Я тоже ее ценю. – Она виновато склонила голову. – Прости меня.

– За что? За то, что у тебя нежное сердце? – Он аккуратно приподнял ее голову за подбородок и поцеловал. – И его я тоже ценю.

Изабелла прильнула к нему, отвечая на поцелуй, и потом снова выпрямилась:

– Ты утверждаешь, что это пройдет, но сказать легче, чем сделать. Как мне быть с Алиенорой?

Амлен был прагматиком.

– Никак. Пусть сначала осядет пыль. У Алиеноры не так много союзников, чтобы отказываться от твоей дружбы и совета. Подожди, и она сама придет к тебе, только не рассчитывай на извинения. Ни Алиенора, ни Генрих не умеют признавать свою вину.

Изабелла отогнала собаку, уселась супругу на колени и обняла его.

– Я не хочу, чтобы с нами случилось то же, что с ними, – решительно проговорила она. – Не хочу, чтобы наши пути разошлись и мы пошли каждый своей дорогой, затаив друг на друга обиду.

Амлен обнял жену за талию:

– Под надгробной плитой мы все будем лежать в одиночестве, но при жизни ты и я соединились и стали одной плотью, и наши дети тому доказательство. Я не Генрих, ты не Алиенора – избави Бог!

Они легли в постель и занимались любовью долго и нежно, что в последние месяцы случалось нечасто, ибо привычные заботы и придворная жизнь не оставляли ни времени, ни сил для подобного выражения чувств. Заснули они, сплетясь телами, словно и правда были половинками одного целого.

Глава 5

*Винчестерский замок,
пасхальные торжества, апрель 1176 года*

Алиенора сидела напротив Ричарда, а между ними стояла шахматная доска. Угасали сырые весенние сумерки, ставни уже закрыли, лампы и свечи окрашивали покои в янтарный цвет, по углам лежали глубокие тени. Генриха не было, и вместе с ним исчезли архиепископ Кентерберийский и епископ Лондонский. Их отсутствие – грозный знак, но не такой, чтобы вызвать у Алиеноры страх. Скорее, это ее забавляло, так как она точно знала, что происходит.

Между передвижениями фигур по доске она продолжала вышивать. Даже плохое освещение не останавливало ее. Алиенора твердо была намерена завершить работу до того, как настанет время разлуки с Иоанной. А это могло произойти в любой момент, если Генрих решит вернуть ее в Сарум, чтобы наказать за упрямство.

Ричард тер подбородок, размышляя над следующим ходом. Ему на лоб упали золотисто-рыжие кудри, и Алиенора подавила желание по-матерински поправить локон. Ее сын уже не мальчик, и любая нежность с ее стороны будет воспринята как неуместная забота.

Он имел преимущество в фигурах, но, несмотря на это, инициативой в партии владела Алиенора. Она заставляла сына думать, и когда Ричард делал очередной ход, его переносицу прорезали две глубокие складки.

Королева ответила хитрым маневром, который вроде бы снимал напряжение и позволял Ричарду выйти из глухой обороны. Но на самом деле это была ловушка, замаскированная жертвой не крупной фигуры. Сын мог либо попасться в нее и проиграть, либо заметить ловушку и выиграть. Сильные пальцы уже протянулись к доске, но потом рука его замерла в воздухе... губы медленно изогнулись в улыбке, и он принял другое решение, в последний миг избежав западни. Ричард посмотрел на мать в восторге оттого, что разгадал ее хитрость.

– Я горжусь тобой, – похвалила его Алиенора. – Раньше ты сначала делал ход, а потом клял себя за торопливость.

Он коротко кивнул:

– Я был бы глупцом, если бы не учился на прошлых ошибках. – Опять на его лбу пролегли морщинки. – Мама, я очень хотел бы изменить твое... твоё положение.

Алиенора потянулась через шахматную доску, чтобы взять сына за руку. С тыльной стороны его кисть оставалась по-юношески гладкой, но принадлежала она активному человеку, и потому ладонь была мозолистой и шершавой.

– Я тоже. Но надо быть реалистами. Пока верх взял твой отец, и ты должен вести себя так, чтобы не навредить своему будущему. Если это значит, что надо сотрудничать с Генрихом, так и делай, но никогда не забывай о своей цели.

Он скривил рот. Эта привычка осталась у него с детства, такой гримасой сын встречал все неприятности.

– Отец поставил мне задачу поддерживать в Пуату порядок, а у меня не хватает сил, чтобы справиться с мятежами. Эймери де Туар взялся за оружие, потому что папа отказался признавать наследственные права его жены и за их счет обогатил нашего младшего брата.

Алиенора тоже поморщилась:

– Твоему отцу можно доверять только в одном – в том, что он всем усложнит жизнь. Генрих отправит тебя в Пуату, но контроль над финансами оставит себе и таким образом будет держать тебя на привязи. С ним всегда будь настороже, сын.

– Это само собой, мама.

Они закончили партию. Ричард победил, потому что Алиенора намеренно дала ему такой шанс, желая увидеть его реакцию. Когда сын отодвинул доску и пригубил вина из кубка, она сказала:

– Твой отец просит, чтобы мы расторгли наш брак. Я отказалась. Скорее ад замерзнет, чем я соглашусь на это. Я так ему и заявила. Вот почему он заперся со своими епископами. Хочет сослать меня в аббатство Эймсбери настоятельницей.

Ричард чуть не подавился вином. Глаза его вспыхнули гневом.

– Боже правый, мама, так вот что он имел в виду под словом «помириться»!

– Не думаю, что монастырская жизнь подойдет мне.

Алые пятна поползли по скулам молодого человека.

– Он не может... Я немедленно пойду...

– Нет, ты никуда не пойдешь! – твердо перебила его Алиенора. – Я сама с этим разберусь.

Пятна на лице Ричарда приобрели багровый оттенок. Контролировать свою горячность сын научился, да только характер не изменишь.

– Но он просто втоптывает твоё достоинство в грязь! И издевается над всеми нами. Я не допущу этого!

– Сколько раз я тебе говорила: сначала посмотри, а уже после прыгай. Тебе надлежит держаться в стороне от этого дела, потому что ты нуждаешься в его средствах, чтобы справиться с Пуату. Пока военная власть в твоих руках, ты имеешь власть короля, несмотря даже на зависимость от Генриха. Не волнуйся. Аннуляции брака он не получит.

Ричард шумно выдохнул:

– Ты говорила братьям?

– Еще нет. У меня пока не было возможности побеседовать с ними. Но я хочу, чтобы вы все вели себя сдержанно.

Все еще разъяренный, Ричард сбросил с доски одну из фигур. Потом на его лице отразилась откровенная неприязнь.

– Наверное, до тебя доходили слухи о том, будто он затевает женитьбу на Адель. Все относится к этому как к безумному розыгрышу, но я не уверен в том, что отец шутит.

– Кто знает, на что он способен, – презрительно проговорила Алиенора, – хотя брак с Адель мудрым поступком уж никак не назовешь.

Ричард воинственно вскинул голову:

– Зато я точно не женюсь на ней. Есть невесты и повыгоднее. Лучше подыскать супругу из земель на границе с Аквитанией, чем связываться с этой французской мышью.

– Согласна. Никогда мне не хотелось видеть сыновей женатыми на Франции. Для Гарри и так уже слишком поздно, и если говорить с практической точки зрения, Маргарита для него неплохая партия. Но когда твой отец заставил тебя обручиться с Адель, я поклялась, что сделаю все, чтобы тебе не пришлось идти с ней под венец.

– Этого не будет. – Ричард решительно сжал кулак. – Пока отец тянет время, поскольку не хочет лишаться власти надо мной. – Как ни хорохорился Ричард, в его взгляде из-под насупленных бровей все-таки сквозило беспокойство. – И ко всему еще эта девица Клиффорд... Ты не думаешь, что он может жениться на ней?

Ответом ему была сардоническая усмешка матери.

– Пока я не соглашусь аннулировать брак, все это не более чем досужие разговоры. Но опять же, сомневаюсь, что Генрих пойдет на это. Взять в любовницы девушку из незначительного рода – одно дело, но превратить ее в королеву – совсем другое. Нет, он хочет расторгнуть наш брак, чтобы вырвать корни моей власти и лишит меня всякого влияния. Для него куда удобнее поселить меня в Эймсбери под присмотр монахинь, чем держать взаперти в

Саруме, – приличнее, как он сам говорит. И зачем ему жена, если с ним рядом есть послушные сыновья?

Ричард нахмурился:

– Он не должен так обращаться с тобой.

– Подобные соображения никогда его не останавливали. Мы ничего не можем поделать, так уж обстоят дела. По крайней мере, на сегодня. – Алиенора постучала указательным пальцем по шахматной доске. – Стратегия. – Она подождала, чтобы убедиться, что сын понимает ее. – Не растрчивай время впустую, а заставь его работать на себя, пока ты подкарауливаешь благоприятный момент.

Облаченная в простое одеяние из тонкого батиста, Розамунда де Клиффорд сидела на кровати Генриха и заплетала шелковистые волосы в одну длинную косу. На пальце сверкало золотое колечко с жемчугом, которое когда-то принадлежало матери короля. Она тихо напевала себе что-то под нос.

Коса закончилась пушистой кисточкой на уровне талии. Розамунда приложила к животу ладонь и улыбнулась, прислушиваясь к тому, как внутри ее растет новая жизнь. Ребенок Генриха, принц королевской крови, зачатый среди рождественских торжеств, прямо в годовщину рождения Иисуса. Почти десять лет она была любовницей короля, но понесла всего во второй раз. В первый раз у нее случился выкидыш, когда она еще и не подозревала о беременности. Зато теперь Розамунда уже на четвертом месяце, и ее живот начал понемногу округляться. Придет осень, и она подарит Генриху нового наследника. К тому времени он наверняка уже сделает ее королевой.

Генрих сказал, что считает ее женой, даже несмотря на то, что их не сочетали браком, и в подтверждение этих слов подарил ей кольцо своей матери. Пока Розамунда была моложе, ей и не хотелось ничего большего, но теперь она не чувствовала себя удовлетворенной. Ей недостаточно сидеть на королевских приемах по правую руку от Генриха и проводить ночи в его опочивальне, потому что без благословения Церкви она всего лишь наложница. Это совсем не то же самое, что законная супруга. Королева имеет титул и привилегии, хотя не заслуживает их после всего, что наделала, подговаривая сыновей к бунту против отца и пороча его имя. К тому же Алиенора больше не может рожать, иссушенная годами и отвергнутая супругом. Зато она, Розамунда, носит под сердцем ребенка и способна дать Генриху все, что ему нужно. Для всех будет лучше, если Алиенора согласится на расторжение брака и остаток своих дней проведет в монастыре.

Из-за двери послышались голоса – Генрих желал придворным спокойной ночи. Розамунда поспешила убрать туалетные принадлежности и расправить покрывало. Но как только король вошел, у нее упало сердце: губы его были сжаты в тонкую линию, и он прихрамывал, щадя ногу с больным пальцем.

Розамунда подбежала к нему, чтобы подать кубок с вином и помочь снять накидку.

– Сир, у вас усталый вид, – тихо произнесла она. – Пойдемте, я разотру вам ступни.

Генрих хмуро кивнул и плюхнулся в кресло перед очагом. Розамунда стянула с него сапоги и чулки. Большой палец на его правой ноге распух и покраснел вокруг ногтя.

– Сир, вы должны призвать лекаря.

– Завтра, все завтра. – Он сделал всего один глоток и отставил кубок в сторону. – Сейчас я не хочу, чтобы меня щупали и тыкали, мне и без этого очень больно.

Сидя перед королем на полу, Розамунда поставила его здоровую ногу себе на колени и стала осторожно массировать.

– Вы говорили с королевой?

– Говорил, но без толку, – буркнул он. – Она отказывается расторгать брак. Ничего другого, если честно, я и не ожидал.

Розамунда проглотила комок горького разочарования. На самом деле она не верила, что Алиенора согласится – у ее соперницы не осталось ничего, кроме права отказывать, – но все равно надеялась на иной исход.

– Мне жаль, сир.

Генрих устало провел рукой по лбу:

– Понятно, что сразу она не согласится, но еще несколько месяцев в Саруме сделают ее сговорчивее.

Подняв на мгновение голову, Розамунда заметила в его глазах стальной блеск, всегда сопровождавший любое упоминание королевы. Она хотела спросить, сколько времени придется ждать аннуляции брака, однако прикусила язык, зная, что лучше не давить на Генриха, когда он раздражен и плохо себя чувствует. И все же... Ждать еще несколько месяцев она не может, если хочет, чтобы ребенок был законнорожденным.

– Как скажете, сир, – проворковала Розамунда. – Я буду молиться об успешном завершении дела. – Потом она направила на него полный нежной заботы взгляд. – Я хочу дать вам то, чего не могла дать она. Хочу дать это открыто, перед людьми и Богом. Хочу помочь вам и получить законное право находиться всегда рядом. Не могу видеть, как вы измучены и больны.

Он глянул на нее из-под полуопущенных век. Розамунда не сумела прочитав этот взгляд, хотя прикладывала немалые старания к тому, чтобы изучить его душу.

– Ты королева моего сердца. – Король притянул ее к себе на колени. – Никто не заботится обо мне так, как ты. Не переживай, все будет хорошо.

Генрих не сказал, что женится на ней. Не сказал, что она наденет корону.

Он распустил завязки на горловине ее сорочки и уткнулся лицом в теплую белую грудь. Розамунда обняла его, прижалась щекой к его редеющим волосам и послала небесам жаркую молитву о том, чтобы ее просьба была исполнена.

Глава 6

*Винчестерский замок,
пасхальные торжества, апрель 1176 года*

Алиенора наблюдала за тем, как Иоанна играет с мохнатой собачонкой Маргариты – бросает щенку кожаный мячик. Юбка девочки так и порхала вокруг ее ног, щеки порозовели от веселья. Иоанна стала высокой и крепкой, но признаки расцветающей женственности еще не проявились. Тем не менее держалась она с самоуверенностью юной дамы, которая знает себе цену.

В комнату заглянула Изабелла и после секундного колебания подошла к Алиеноре и присела в реверансе.

– Вы хотели меня видеть, госпожа? – натянута произнесла она.

– Хотела. – Алиенора указала Изабелле место на мягкой скамье рядом с собой.

Это была их первая встреча после неприятного разговора, состоявшегося три дня назад. Алиенора не раскаивалась в брошенных ею тогда словах, но задним числом понимала, что позволила раздражению взять верх над разумом. Вокруг нее так мало людей, к которым она может обратиться за помощью, а Изабелла всегда была верной подругой. Не ее вина, что некоторые черты ее характера выводят Алиенору из себя. Изабелла стремилась к совершенству. Если на столе появлялось несмываемое пятно, она закрывала его нарядной салфеткой или подсвечником и делала вид, что его нет. Но этим свойством наделила Изабеллу природа, вместе с добротой и беззаветной преданностью тем, кого она любит.

– В прошлый раз мы немного недопоняли друг друга, – произнесла Алиенора. – Хочу заверить тебя, что искренне ценю твою дружбу и твои советы.

Изабелла разглаживала на коленях платье и молчала, только подбородок у нее подрагивал.

Алиенора вручила ей спутанный моток ниток для вышивания:

– Посмотри, не получится ли у тебя разобраться с этим. Ты такая ловкая, к тому же терпения у меня никакого, о чем тебе известно.

Изабелла взяла нитки и аккуратными движениями принялась выискивать кончик. Алиенора надеялась, что сумела хорошо запутать моток и Изабелле придется просидеть за этим занятием достаточно долго, чтобы отношения между ними успели наладиться.

– Амлен предупредил тебя о послах из Сицилии? О том, что они едут с брачным предложением для Иоанны?

– Да, он упоминал. – Кропотливость Изабеллы принесла плоды: она сумела найти убежавший конец нити.

– Если переговоры пройдут успешно, ты будешь сопровождать ее на Сицилию, так мне сказали. – (Изабелла с опаской взглянула на нее.) – Я была бы рада этому... правда. Иоанна любит тебя и доверяет, и я знаю, что с тобой ей легче будет начать новую жизнь.

Всю скованность Изабеллы как рукой сняло, в глазах моментально заблестели слезинки.

– Обещаю хранить в памяти каждую мелочь, как сокровище, чтобы по возвращении все пересказать вам. Я привезу вам шелков из мастерских Палермо. Генрих не посмеет отобрать у вас подарок от меня и Амлена.

Алиенора печально кивнула. Да, Изабелла тоже изо всех сил старается навести разрушенные мосты. И вероятно, ей неловко за то, что она отправится в путешествие, тогда как для подруги горизонт немногим шире тюремных стен. Даже если бы Алиенора была сво-

бодна, то с Иоанной ей все равно пришлось бы распрощаться на пристани. Королева рождает дочерей и теряет их, прежде чем они станут взрослыми.

Изабелла принялась за узел в самой середине мотка:

– Иоанна уже знает?

Алиенора помотала головой:

– Может, только догадывается. Генрих собирался поговорить с ней сегодня.

И потом жизнь дочери навсегда изменится. Сейчас она наблюдает за последними часами детства Иоанны.

– Она становится настоящей красавицей, – заметила Изабелла. – Иоанна любит похихикать и бывает легкомысленной, как все девочки, но сердце у нее благородное и есть воля поступать так, как надо.

У Алиеноры с языка готово было сорваться резкое замечание. Опять Изабелла бормочет общие фразы. Да, все, что она сказала, правда, но главное не это. Чтобы выжить, Иоанне нужна сталь в характере, но в меру, иначе девочка сломается.

Изабелла вернула нитки Алиеноре:

– Я сделала все, что могла, но вот эту часть в середине не высвободить. Придется отрезать.

– Вот и с сердцем так же, – бросила Алиенора и обратила взор к дверям, где стоял Генрих.

Король вернулся с охоты, его движения еще были быстрыми и решительными. Удостоив Алиенору лишь кратким холодным взглядом, он сел перед огнем и приказал Иоанне подойти к нему.

Дочь тут же приблизилась и встала, склонив голову. От ее веселья не осталось и следа. Оно сменилось настороженностью, ибо ее отец – король и он непредсказуем.

– Сир. – Она присела перед ним в реверансе.

Амлен, который вошел следом за Генрихом и встал справа от него, послал девочке ободряющую улыбку. У него дернулось веко, но, возможно, это было всего лишь подмигивание. Алиенора ничего из этого не упустила. Она была благодарна Амлену за попытку поддержать Иоанну.

– Дочь моя, – после тяжелой паузы произнес Генрих и провел пальцами по усам, – я хочу обсудить с тобой дело государственной важности.

Иоанна рискнула взглянуть на отца:

– Да, папа.

Он поманил ее к себе и взял за руку, сжал девичью кисть между своими жесткими ладонями:

– Тебе предстоит выйти замуж за Вильгельма, короля Сицилии, если переговоры с его послами закончатся к всеобщему удовлетворению. Он мой союзник и добрый друг, с ним тебе будет хорошо.

Горло у девочки судорожно сжалось.

– Благодарю, сир, – едва смогла она прошептать. Алиенора видела страх в ее глазах, но бесконечно гордилась тем, что дочь нашла в себе силы для верного ответа. – Это честь для меня.

– Хорошо. – Генрих еще раз сжал ее руку, отпустил и встал сам. – Твоя мать и графиня де Варенн сообщат тебе все, что девице нужно знать в связи с этим.

Удовлетворенный тем, что исполнил свою роль в деле извещения дочери о предстоящей ей судьбе, Генрих не стал задерживаться в женских покоях. За ним еще не закрылась дверь, а он уже отдавал приближенным распоряжения о том, какие копыя надо взять на следующую охоту. Амлен последовал за королем, но все же бросил короткий взгляд на дам через плечо.

Иоанна смотрела поочередно то на Изабеллу, то на Алиенору. Девочка все еще не пришла в себя после того, что случилось. На нее обрушилось нечто молниеносное, необратимое и огромное.

– Сицилия – замечательный остров, – сказала Алиенора. – Немного похожа на Аквитанию. Не хочу разлучаться с тобой, но твой отец прав, это хорошая партия.

– У тебя будет множество нарядов, – подхватила добросердечная Изабелла. – Появится своя свита. Поначалу все покажется очень непривычным, но мы поможем тебе подготовиться, и я буду сопровождать тебя. Это уже решено.

Иоанна кивнула. Она постепенно приходила в себя.

Алиенора послала Изабелле благодарный взгляд. Недавняя размолвка была почти забыта. По крайней мере, в том, что касается судьбы Иоанны, они едины.

– У тебя еще есть немного времени. На Сицилию ты отправишься не раньше конца лета. Как верно сказала тетушка Изабелла, дел у нас много. Иди ко мне. – Алиенора усадила дочь под окном. – Я расскажу тебе о Сицилии все, что помню, а ты можешь спрашивать меня, о чем захочешь. С твоим будущим супругом я незнакома, но отец его был очень добр ко мне, когда я оказалась в его королевстве на пути из Иерусалима. Уверена, тебе там понравится.

Иоанна опять кивнула и выпрямила спину, будто примеряясь к весу короны и сопутствующих ей обязанностей.

– Да, мама, – ответила она, как подобает хорошей дочери.

– Конечно, между нами пролягут моря и страны, но есть же еще письма и гонцы. И у тебя будет собственный двор, тебя будут окружать известные тебе люди. – Она сжала ладонь Иоанны гораздо нежнее, чем минуту назад это сделал Генрих. – Твой долг – исполнить волю отца так хорошо, как только сможешь. Такова роль королевы. Я знаю, ты понимаешь это.

– Да, мама, – повторила Иоанна и закусил губу.

Алиенора жалела дочку. Она поцеловала девочку в порыве сочувствия, но объятия не затягивала. Ведь у королевы есть еще одна роль: сохранять достоинство в самых трудных обстоятельствах. Иоанне еще предстоит научиться этому.

Алиенора гуляла по саду Винчестерского замка и упивалась запахами, звуками и картинами свежего весеннего утра. Неумоимо жужжали пчелы, перелетая с цветка на цветок, которые, словно снегом, усыпали яблони и наполняли воздух тонким ароматом. К счастью, Генрих не запретил ей выходить в сад, хотя и следил за каждым ее шагом и не допускал, чтобы супруга беседовала с влиятельными лицами. Он продолжал всеми возможными способами внушать ей, что в их шахматной партии перевес у него и что для нее единственный выход – это согласиться на расторжение брака. Вчера за ужином Генрих унизил ее, посадив за дальний конец стола, пока сам беседовал с торговцем золотом из Винчестера. В тех случаях, когда Алиенору нельзя было не замечать, Генрих относился к ней с демонстративным пренебрежением, и это было еще хуже.

– Мама...

К ней по садовой тропинке направлялся Гарри в дорожном плаще и шляпе с перьями. И это означало, что вскоре ее положение еще ухудшится. Сыновья один за другим разбежались после празднеств по своим делам. Алиенора лишалась их поддержки. Ричард уже отбыл в Пуату с новой порцией денег для борьбы против мятежных вассалов. Теперь вот Гарри собирается к нему. Только сделает небольшой крюк, чтобы навестить тестя во Франции. Остался Жоффруа, но и ему предстоит отправиться в путь – в Бретань.

– Ты готов? – Ее улыбка была вымученной.

В саду она укрылась, чтобы обрести достаточно спокойствия для прощания с сыном. Гарри выглядел виноватым. Он понимал, что матери будет тяжело без него, однако в нем бурлило радостное возбуждение. Ему не терпелось уехать. Генрих и его снабдил деньгами,

хотя деньги у Гарри утекают как вода между пальцами, потому что у него нет никаких обязательств, которые научили бы его оценивать реальность. Полновесные монеты разойдутся на одежды, парады, лошадей, охоту и путешествия.

– Да. Ты проводишь меня?

«Ты – королева, – напомнила себе Алиенора. – Этим ты сильна. И этому учишь дочерей».

– Конечно! Я желала бы, чтобы ты остался, но знаю, что это невозможно.

Она положила ладонь на согнутую в локте руку старшего сына и вышла с ним из сада к конюшне, где уже все собрались: и те, кто уезжал с Гарри, и те, кто хотел пожелать ему доброго пути. Бывают короткие прощания, бывают долгие. Взгляд Алиеноры переметнулся к Иоанне. Дочь только что обняла супругу Гарри и присела на корточки, чтобы попрощаться с мохнатой собачонкой Маргариты. Королева подозревала, что с собакой ей горше прощаться, чем с невесткой, хотя, заполучив корону королевы Сицилии, она сможет завести столько собак, и больших и маленьких, сколько захочет.

Гарри подарил Иоанне красивый перстень с резной печаткой в виде льва.

– Я буду сопровождать тебя часть пути до Сицилии после того, как ты переплывешь Узкое море. И обещаю приехать к тебе в гости, когда ты станешь королевой, – сказал он, еще раз обнял сестру и шагнул к Алиеноре.

– Пусть дорога твоя будет безопасной, сын мой, – проговорила она. – Возможно, из-за моего положения я не смогу тебе написать, но помни: ты всегда в моем сердце.

Сын одарил ее своей самой светлой улыбкой, которая любого убедила бы в том, что для Гарри нет человека важнее того, кому он так улыбается. А потом посерьезнел:

– Я не забуду, мама, душой клянусь! Не забуду. – Он сжал ее руки в своих. – Он мой отец, но я и сын своей матери.

– Именно поэтому ты выше, чем он.

Гарри громко расхохотался, поцеловал мать и повернулся к коню, чтобы запрыгнуть в седло.

– Береги его! – горячо воскликнула Алиенора, обращаясь к Уильяму Маршалу, который в последний раз осматривал упряжь и снаряжение и отдавал команды оруженосцам. – Я вверю его твоим заботам.

– Госпожа, это дело всей моей жизни и моя честь, – с поклоном ответил Маршал. – Я сделаю все, чтобы ваш сын был в безопасности.

Они обменялись многозначительными взглядами. Гарри нужно обезопасить как от себя самого, так и от других – вот что было сказано ими без слов. Уильям вытащил из-под воротника маленький крестик с драгоценными камнями и приложил к нему губами. Этот крест ему подарила Алиенора в те дни, когда у нее имелись средства, чтобы платить тем, чью службу она ценит. Затем запахнул ворот и занялся своей лошадью.

В последний момент приехал попрощаться со старшим сыном и сам король. Махнув Гарри, чтобы тот оставался в седле, Генрих угрюмо буркнул:

– Храни тебя Господь! И постарайся не спустить все деньги хотя бы в этот раз.

Гарри шутливо отсалютовал отцу и взялся за поводья.

Королева смотрела, как они выезжают – внушительная кавалькада с соколами и борзыми, с серебряными колокольчиками на упряжи. Над головами всадников колыхались шелковые стяги. У Алиеноры перехватило горло при виде этой красоты и доблести, а еще оттого, что она не могла поехать с ними.

– Что ж... – Генрих повернулся к жене, едва стража закрыла ворота. – У тебя было время, чтобы подумать насчет Эймсбери. Готова ли ты дать ответ?

Алиенора глянула ему прямо в глаза:

– Готова, но он будет прежним. Эймсбери не обсуждается. Ты получишь аннуляцию, если позволишь мне уехать в Аквитанию.

На его лице смешались гнев и раздражение.

– Значит, ты обрекаешь себя на жизнь в заточении. Ты отправишься в Сарум – сегодня же.

– То есть Иоанну ты тоже наказываешь?

– Думаешь, ей нужна такая мать, как ты? – оскалился Генрих. – Все, чему ты можешь ее научить, это как не быть королевой.

Алиенора выпятила подбородок:

– Делай как знаешь, но ты меня не сломаешь.

– Не сломаю? Посмотрим. – И с этими словами он ушел, двигая плечами, как борец перед боем.

Мгновение спустя Алиенору окружили охранники. Они схватили ее за руки и вывели со двора прямо на глазах у всех, кто собрался там для проводов Гарри, включая Иоанна и Иоанну.

Алиенора высоко держала голову. Что бы ни говорил Генрих, она покажет дочери, как ведет себя настоящая королева, особенно под принуждением.

Без каких-либо церемоний ее усадили в повозку с простым холщовым навесом. В этот раз ей не досталось ни лошади, ни эскорта, только суровые солдаты, исполняющие волю своего господина. Три недели она провела в позолоченной клетке среди певчих птичек и орлов королевского двора. Теперь настала пора возвращаться в продуваемую всеми ветрами крепость. Направив взгляд на грязную холстину навеса, Алиенора постаралась изгнать все мысли до единой. Это нужно сделать, чтобы выжить. Либо умрет она, либо Генрих, и тогда это прекратится.

Глава 7

Замок Сарум, август 1176 года

Жизнь Алиеноры вновь оказалась втиснута в отупляющую рутину Сарумского замка. Опять протянулись бессчетные стежки по грубой льняной ткани, потекли, как прежде, дни заточения в четырех стенах, за исключением редких моментов, когда ей позволяли погулять в окрестностях замка или посетить службу в соборе – все под строгим надзором. Связь с внешним миром оборвалась. Алиенора приручила белую голубку и кормила ее крошками на подоконнике. Воркование и пируэты птицы были единственным ее удовольствием, пока однажды рыцари из замковых конюшен не напустили на голубку ловчего сокола. С тех пор королева не прикармливала голубей.

Иногда до нее долетали разрозненные фрагменты новостей – такие же никчемные, как обрывки ниток на скамье, где Алиенора шила нескончаемые рубашки и сорочки для бедняков. Генрих уехал в свой охотничий замок в Кларендоне, Ричард одержал в Бутвиле победу над мятежниками графства Пуату. Но почти никаких подробностей, а те, которые все-таки просачивались, передавались через столько рук, что теряли всякую достоверность. Пару раз тоскливое бытие Алиеноры разнообразили визиты церковнослужителей. Только вот являлись они с миссией от Генриха, чтобы повторить его заверения в том, что ее тяготам придет конец, едва она согласится стать настоятельницей аббатства Эймсбери – к всеобщему благу. Как ни странно, Алиенора ждала этих визитов. Лишь так, через посланников, она могла досадить супругу, расстроить его планы и лишний раз заявить о том, что ее позиция остается неизменной.

Одним жарким августовским днем она вышла после молитвы из собора. Солнце било по камням, словно молот по раскаленной добела наковальне. Неподвижный воздух обжигал. Прикрывшись ладонью от ослепительного света, она зашагала к замку. С ней шла Амирия, и в отдалении следовали стражники. И вдруг Алиенора встала как вкопанная. Перед ней возникла Изабелла! А рядом с подругой – Иоанн, и Иоанна, и их кузены Белла и Уильям!

Сначала она решила, что это мираж, сотканный из перегретого воздуха. Однако взмокших, красных от жары солдат, распрягающих коней, никак нельзя было принять за эфемерные видения. Да и сама Изабелла, хотя и опрятная, как всегда, все же выглядела как бабочка, только что вылупившаяся из куколки и еще не успевшая расправить крылья.

Чтобы не броситься со всех ног им навстречу, Алиеноре пришлось призвать всю свою волю. Степенно, как подобает королеве, она приблизилась к дорогим ее сердцу посетителям.

– Какой сюрприз! Приезд ваш меня безмерно радует, – произнесла она голосом, который едва не срывался от волнения. Что опять задумал Генрих?

– Мы приехали навестить вас перед тем, как отправиться на Сицилию, – ответила Изабелла после того, как женщины обнялись. – У меня есть позволение. – Она показала Алиеноре запечатанный свиток пергамента. – Вот охранная грамота от Генриха. Это Амлен уговорил короля. Знаю, вы уверены, будто я делаю только то, что угодно моему мужу, но смотрите: я попросила его в правильное время и правильным образом, и он согласился сделать так, как хочу я. Порой уступками и миром можно добиться многого.

Алиеноре было и смешно, и досадно. Очевидно, их прошлая размолвка не давала Изабелле покоя.

– Это зависит от того, что ты теряешь, когда идешь на уступки. Но все равно я благодарна тебе. Я готовилась к тому, что никогда больше никого из вас не увижу.

Она заключила в объятия Иоанна и Иоанну, не переставая гадать, какими могли быть мотивы Генриха, когда он разрешил им визит в Сарум. Должно быть, надеялся, что несколько

месяцев одиночества сломят ее и она теперь более склонна принять условия короля. Если так, то его ждет глубокое разочарование. Перенесенные испытания только укрепили ее решимость стоять на своем.

Алиенора привела гостей в свою комнату в северной башне замка. Оглядев спартанскую обстановку, Изабелла ничего не сказала, но в ее глазах промелькнул ужас. И сочувствие.

– Да, такая она, келья нераскаявшейся грешницы, – бросила Алиенора. – По крайней мере, здесь прохладно даже в самый жаркий день.

Иоанна молча села у окна. Весь ее вид выражал глубокое потрясение. Она не ожидала, что ее мать находится в столь жалких условиях.

Горничная Изабеллы втащила большую плетеную корзину. Подруга сняла сверху сложенную скатерть и велела Амирии расстелить ее на столе – голом, как все в этом помещении.

– Я привезла хорошего вина, – объявила графиня, твердо настроенная поддерживать радостную атмосферу. Она извлекла из глубин корзины глиняную бутылку. – И жареного гуся, и белого хлеба. Стража не посмела отобрать эти угощения у супруги брата короля, прибывшей с его охранной грамотой.

Алиенора вздернула бровь:

– Разве это не акт неповиновения?

– Вовсе нет. – Изабелла мотнула головой. – Я всего лишь пользуюсь своим законным правом. – Она поднесла подруге свернутый конусом пергамент, в котором лежали коричневые квадратики. – Амлен знает, что вы обожаете имбирное печенье, и поэтому передает вам вот это.

Алиенора втянула теплый аромат восточных пряностей, смешанный с медовой сладостью. Их с Амленом взгляды не всегда совпадают. Будучи братом короля, тот поддерживает Генриха. И порой ведет себя как ханжа и педант. Тем не менее человек он чуткий и немстительный.

– Ты должна поблагодарить его от моего имени. Передай супругу, что его дар я оценила. – Алиенора чувствовала, что еще чуть-чуть – и она расплечется. – Он очень добр, а доброту я сейчас редко вижу.

Изабелла порозовела от похвалы:

– Обязательно передам. А это от меня.

Она протянула королеве бутылочку из горного хрусталя, обернутую в кусок пурпурного шелка. Флакон украшала витиеватая резьба, а когда Алиенора вытащила пробку, восхитительная композиция из розовых, мускатных и древесных ноток разом перенесла ее в сады Пуатье со шпалерами из плетущихся роз и жимолости.

– Это дорогой моему сердцу подарок, – произнесла она, когда вновь обрела голос. – Ты дала мне утешение, которое останется со мной до последнего моего дня в этих стенах. – Алиенора опять обняла Изабеллу и украдкой смахнула набежавшие слезы.

Когда стол был накрыт, они приступили к еде.

– А меня скоро обручат, – заявил Иоанн, отламывая себе кусок хлеба.

Алиенора удивленно посмотрела на младшего сына, хотя сама по себе идея не нова. Однажды он уже был помолвлен – с маленькой Аделаидой Морьенской, однако та умерла еще в начале заточения Алиеноры в Саруме. Разумеется, Генрих должен был найти для сына новую невесту. И конечно же, с супругой он советоваться не собирался.

– Правда? С кем?

– С Хависой Глостерской. – Он недовольно выпятил нижнюю губу. – Она моя троюродная сестра, но папа говорит, что сможет получить разрешение на брак.

Алиенора нахмурилась:

– Хависа Глостерская?

– Девочка родилась, пока вы пребывали в Саруме, – пояснила Изабелла.

– Ах вот оно что. – Хотя о ребенке она ничего не знала, ее отца помнила по встрече в Винчестере.

– Ей всего три года. – Иоанн посыпал хлеб солью. – Конечно, и она может умереть до свадьбы, как случилось с первой невестой. Папа говорит, что в таком случае даст мне Изабеллу де Клер. А это означает, что моими станут Чепстоу, и Пембрук, и Ирландия. Изабелла старше Хависы – ей четыре года. – Он откусил хлеб. – И еще Нормандия, – добавил мальчик с набитым ртом.

– Когда же состоится твоя помолвка?

– Через несколько недель, в Лондоне, – ответил Иоанн, дожидаясь. – Главное, не сама невеста, а ее земли. Правда, владения Глостеров больше.

Он рассуждал со знанием дела, то есть все эти факты он разузнал самостоятельно, а не повторял с чьих-то слов. Прочитать выражение серо-зеленых глаз младшего сына было трудно, и его неизменная полуулыбка-полунасмешка тоже не поддавалась расшифровке. Даже в раннем детстве он всегда вел себя как взрослый – интриговал, манипулировал. Если Иоанн гневался, то объект его гнева догадывался об этом, только когда обнаруживал какое-то свое имущество испорченным или когда садился на гвоздь, таинственным образом вылезший из его стула. И при этом Иоанн умел быть неотразимо милым и забавным.

– Кажется, ты все тщательно изучил, – заметила Алиенора.

– Я хотел знать. – Он положил на стол свой нож. – И еще я знаю, зачем папе так хочется расторгнуть ваш брак.

Алиенора поднесла к губам чашу с вином:

– Зачем же?

– Розамунда де Клиффорд беременна. – При этих словах в его глазах вспыхнул огонек. – Роды ожидаются осенью, и папа хочет жениться на ней и сделать ее королевой.

Обдумывая новость и пытаясь взять себя в руки, Алиенора потягивала вино.

– И это стоит того, чтобы отправить послов в далекий Рим? Почему-то я сомневаюсь, что у твоего отца имеется такое намерение.

– Розамунда все время с ним, – возразил Иоанн. Мальчик смотрел на мать сквозь прищур. – Она всегда в его опочивальне трогает и ласкает его.

– Это вовсе не означает, что твой отец женится на ней, даже если она родит ему ребенка. Не о чем беспокоиться, сын мой.

– Я не беспокоюсь. – Он пожал плечами, однако Алиенора видела, что Иоанн расстроен или ревнует. – Розамунда – никто, – процедил он. – Тупая шлюха.

Изабелла негромко запротестовала: то были неуместные слова для общей трапезы. И в них чувствовалось затаенное ожесточение.

– Да, Розамунда никто, – согласилась с сыном Алиенора. – И потому недостойна твоего внимания. Значение она приобретет, только если ты сам будешь думать о ней больше, чем она того заслуживает.

Иоанн продолжал хмуриться, но закончил обед в молчании, после чего убежал с дворянским братом Уильямом обследовать замок.

Алиенора сочла за лучшее сменить тему беседы и стала расспрашивать Изабеллу о том, как идут приготовления к поездке на Сицилию.

– О, сделано уже очень много, – подхватила графиня. Как и Алиенора, она всей душой хотела направить беседу в более приятное русло. – У Иоанны теперь целых четыре новых платья, да, солнышко мое?

Иоанна засветилась от удовольствия и вступила в разговор.

– Король Вильгельм прислал торговцев с рулонами камчатного полотна! – воскликнула девушка и стала рассказывать матери о расписных сундуках для своего наследства:

простыней и покрывал, прикроватных пологгов, подсвечников, столового белья и серебряной посуды. Теперь, когда у Иоанны было время привыкнуть к мысли о грядущих переменах, ее восторг от предстоящего брака с королем Сицилии заметно перевешивал страх перед неизвестностью.

Алиенора радовалась за дочь, и в то же время ей было грустно, потому что она знала, что такое быть женой короля, что скрывается за роскошной одеждой и драгоценностями и чего стоят так называемые королевские привилегии.

– Обязательно пиши мне. Помогу тебе, если смогу, и я навсегда твоя мать. Хочу, чтобы ты никогда об этом не забывала.

Ее сердце переполняла боль, ведь здесь, в замке Сарума, у нее нет ни капли влияния. И какой пример она подает дочери?

Алиенора подарила Иоанне два гребня, которые сумела спрятать в багаже, когда выезжала из Винчестера. Они были покрыты резным орнаментом в виде сплетенных веток, где каждый листок венчали крошечные сапфиры и рубины.

– Вспоминай обо мне каждый раз, когда будешь пользоваться ими, и молись обо мне, как я буду молиться о тебе, – сказала она, прижимая к себе Иоанну. Дочь обняла ее в ответ, но сдержанно, как будто защищаясь от предстоящей разлуки.

– Белла не сможет с нами поехать, – заметила Изабелла, указав на свою дочку. – Кто-то должен приглядывать за младшими детьми, пока мы в отъезде, и мудрость велит оставить Беллу дома.

Сама Белла сидела молча и смотрела на свои руки, сложенные на коленях.

– Конечно, она огорчена, – продолжала ее мать. – И будет скучать по Иоанне, как, я уверена, Иоанна будет скучать по ней. Но это часть взросления. Будущей женщине нужно учиться нести ответственность и исполнять свой долг. Ей будет доверена важная роль хозяйки дома. – Она с гордостью взглянула на старшую дочь, и Белла ответила скромной улыбкой.

После того как детей уложили спать, подруги еще долго сидели и болтали.

– Ты слышала о Розамунде? – спросила Алиенора.

Изабелла стала вертеть на пальце кольцо.

– Да... но узнала совсем недавно. Клянусь, до Пасхи мне ничего не было известно, и Амлену тоже.

– Генрих ему не рассказывал?

Изабелла занялась полировкой камня в оправе кольца.

– Амлен держится в стороне от амурных дел короля. Он служит своему брату, а не девице, что лежит с ним в постели.

Эти слова Изабеллы заставили Алиенору улыбнуться. Она живо представила себе, как Амлен пытается говорить с Генрихом, делая вид, что льнущей к нему полураздетой любовницы не существует.

– Может, Розамунда действительно рвется к короне, но она ее не получит, – проговорила Алиенора с плохо скрываемым презрением. – Уж я-то Генриха хорошо изучила. Даже если сейчас он души не чает в любовнице, в мыслях он уже где-то на новых нетронутых пастбищах. Женитьбу на ней он видит как очередную ловушку... Ну все, достаточно уже уделили им внимания. Какие еще есть новости?

Изабелла начала рассказывать о замке Конисбро, к строительству которого приступил Амлен на их землях в Йоркшире.

– Там он будет отдыхать от службы при дворе. И это надежная крепость. В будущем мы передадим ее Уиллу. – Она вздохнула. – По правде говоря, Амлен так увлекся строительством, что порой мне кажется, будто я вышла замуж за каменщика. Вы бы слышали, с каким восторгом он описывает устройство каминов.

Алиенора засмеялась:

– Нет-нет, без его дифирамбов в честь камня и глины я уж как-нибудь обойдусь, хотя и полюбила его всей душой за присланное печенье.

Утром они все вместе сходили на службу, а потом гости, поглядывая на собирающиеся тучи, сели на лошадей и приготовились к обратному пути в Винчестер.

Алиенора в последний раз поцеловала Иоанну.

– Я горжусь тобой, – произнесла она. – И ты собой гордись.

– Да, мама, – послушно отвечала дочь, однако взгляд ее уже был за воротами.

Иоанну тоже достался материнский поцелуй.

– Что бы ты ни делал, превыше всего ставь честь, – напутствовала его Алиенора. – И как бы ни сложилась твоя помолвка с Хависой, будь к ней добр и великодушен.

– Конечно, мама. – Иоанн ответил ей теплой открытой улыбкой, но при этом был так же далек, как Иоанна с ее устремленным вдаль взором.

Когда они уехали, Алиенора двинулась вдоль крепостной стены, стянувшей холм, словно обруч тяжелой короны. Она королева и обходит свои, пусть невеликие, владения.

Глава 8

*Винчестерский замок,
сентябрь 1176 года*

Король поцеловал Розамунду в мягкие розовые губы и крепко прижал ее к себе, насколько позволял ее круглый, как полная луна, живот. Девушка провела пальцами по бороде Генриха и улыбнулась, хотя ей было тревожно и немного грустно. Он по-прежнему называл ее своей королевой, но ей так и не удалось сподвигнуть Генриха на то, чтобы сделать эти слова реальностью. Вместо этого любовник осыпал ее драгоценными украшениями, тканями для новых нарядов, ласками и пустыми обещаниями. Розамунде оставалось лишь надеяться на то, что Генрих изменится после рождения чудесного малыша мужского пола. Ее сын затмит старших детей короля и положит начало новой династии. Она часто делилась своей мечтой с ребенком, растущим в ее утробе, и в ответ тот стучал ножкой и вертелся. Никогда, ни вслух, ни в мыслях, не называла она его словом «бастард». Ведь на ее пальце сверкает кольцо Генриха, и она его супруга по сути, хотя и не давала брачных клятв перед алтарем.

– Я пошлю вам весточку, когда ребенок родится, – сказала Розамунда. – А вы думайте о нас, как выпадет свободная минута.

– Конечно, я часто буду вспоминать вас и молиться о вашем благополучном разрешении. – Генрих положил ладонь ей на живот, и этот жест был приветственным и прощальным одновременно.

Розамунда чувствовала, что мыслями король уже в пути, поэтому она взяла его голову двумя руками и повернула лицом к себе, так чтобы их взгляды встретились. Ей важно было получить его заверения.

– Обещаете?

– Обещаю. – На краткий миг нетерпение на его лице сменилось сожалением. – Я бы остался, если бы мог. Но дела государственные не терпят отлагательства.

«А я терплю, – подумалось Розамунде. – Я всегда буду терпеть и ждать».

– Понимаю. – (По крайней мере, Генрих посмотрел ей в глаза и услышал ее слова.) – Поезжайте с Богом.

– И пусть Он хранит тебя.

Король поднес ее руку к своим губам, поцеловал нежные пальцы и ушел. Она встала у окна, чтобы проследить за тем, как исчезает вдали его силуэт. Король Англии, ее любовник, отец ее ребенка, человек, от которого зависит все, что для нее важно на этом свете.

Часом позже слуга принес от Генриха подарок: венок из пшеничных колосьев, среди которых каплями крови алели плоды дикого шиповника. Этот кустарник все лето пышно цвел в живых изгородях. Розамунда надела венок на голову, представляя, будто это настоящая корона из золота, возложенная на нее руками Генриха, и мечтательно улыбнулась.

Через несколько дней Розамунда проснулась еще до рассвета – ее разбудили схватки. А когда они усилились, началось кровотечение. Повитухи, обмениваясь многозначительными взглядами, хлопотали над роженицей и уверяли ее, что все в порядке, а та не видела красный ручеек, истекающий из ее тела с каждой новой схваткой.

– Уже скоро, скоро, госпожа, – приговаривала дама Алисия успокаивающим тоном. – Вот только попейте отвара и отдохните чуть-чуть. – Она отвернулась от постели Розамунды и вполголоса приказала одной из камеристок позвать священника, чтобы был рядом, если что.

Солнце достигло осеннего зенита и покатилося на запад, просовывая сквозь деревья нежаркие лучи. На кровати билась в агонии Розамунда и звала Генриха. Между ее бедер разлилось кровавое озеро.

Младенец родился достаточно легко и оказался мальчиком, но был бледен и не подавал признаков жизни. А вслед за ним хлынул красный поток. Повитухам так и не удалось его остановить, как ни мяли они живот Розамунды в надежде заставить матку закрыться.

Прибыл священник. От запаха и вида крови лицо у него перекошилось. Тем не менее он быстро совершил последний обряд и вложил в руки несчастной крест.

– Да помилует Бог вашу душу, госпожа, – жалостливо прошептала дама Алисия. Со слезами на щеках она опустилась на колени у постели Розамунды, перебирая четки.

Лицо роженицы посерело, а дыхание стало слабым.

– Скажите Генриху, что я прошу у него прощения, – едва слышно выговорила она, когда священник отошел. – Скажите ему, что я умерла с мыслью о нем... скажите, что я умерла как жена, исполняющая свой долг. Мне так стыдно, что я подвела его.

Обитатели монастыря Годстоу любили Розамунду. Дело было не только в ее молодости, красоте и добром нраве. Она всегда поминала монахинь в своих молитвах и в праздничные дни посылала им подарки. Благодаря ей монастырь получил покровительство короля и превратился в богатый и влиятельный центр окрестных земель.

Опечаленные сестры приняли тела Розамунды и ее мертворожденного рыжеволосого младенца и похоронили их на самом почетном месте: в алтарной части храма. Обручальное кольцо после долгих прений монахини оставили у покойницы на пальце. За монастырскими стенами догорал золотой сентябрь.

Белла вздернула носик и сделала вид, будто не замечает смешки и негромкие шуточки брата Уилла и кузена Иоанна. Вообще-то, предполагалось, что мальчики заняты шахматами, но они то и дело отвлекались от доски, посматривали через комнату на Беллу и заговорщически переговаривались. Они явно затевают что-то нехорошее.

Всю неделю кузены бродили по королевскому замку, путались у всех под ногами и устраивали всевозможные проказы. Лидером парочки обычно был Иоанн, а Уильям только следовал за товарищем, но порой и у него возникали шальные идеи: например, «случайно» оставить ворота открытыми, чтобы свиньи пробрались в огород и потоптали капустные грядки. Когда озорников призывали к ответу, они неизменно отпирались и клялись в своей невинности, правда им никто не верил. А буквально днем ранее, вспомнила Белла, Иоанн связал одной веревкой кота, собаку и петуха и потом с упоением наблюдал за последовавшей кровавой бойней. Дядя Генрих, насколько могла судить Белла, находил все подобные выходки забавными и списывал их на мальчишескую непоседливость. И вообще, ему было недосуг выслушивать жалобы домочадцев на поведение двух сорванцов.

Белла знала, что, будь ее отец дома, Иоанну и Уиллу их проделки не сошли бы с рук. Увы, родители вернутся с Сицилии только к Рождеству. Время от времени Белла жалела, что они не взяли ее с собой, но с другой стороны – ей досталась бы роль прислуги, все внимание захватила бы Иоанна. Зато когда папа и мама приедут, Белле не придется больше соперничать с красавицей-кузиной, и наверняка ей привезут много подарков – костяные гребни, драгоценности и яркие шелка из знаменитых сицилийских мастерских. Вот чего с нетерпением ждала Белла.

Иоанн что-то шепнул и, когда Уилл повернулся, чтобы посмотреть на сестру по указке товарища, стащил с шахматной доски одну из фигур двоюродного брата и сжал ее в кулаке. Поняв, что Белла видела его хитрость, Иоанн послал ей грозный взгляд, на что девочка ответила высокомерным презрением. Между ней и Иоанном никогда не было теплых отношений.

Кузен дергал ее за волосы, плевал ей в чашку, ломал ее вещи, а она в отместку ябедничала на него своему отцу, щипала его и до последнего времени толкала. Но теперь Иоанн стал слишком сильным для этого, да и Белла в отсутствие отца, который всегда защищал ее, вела себя более осмотрительно.

Недавняя помолвка Иоанна с Хависой Глостерской и планы Генриха сделать младшего сына королем Ирландии наполнили мальчика непомерным самодовольством. Он даже усвоил новую развязную походку, которую Белла терпеть не могла.

Девочка взяла в руки корзинку с рукоделием, намереваясь заняться вышиванием ленты для котты, – это был подарок отцу, который Белла готовила к его возвращению. Но едва она приподняла крышку, как в нос ей ударило ужасное зловоние. Белла закричала: на ткани лежаладохлая крыса. Из полуразложившегося трупа на орнамент, который с таким усердием вышивала Белла, натекла отвратительная жидкость. Девочка схватила корзинку и швырнула ее через комнату. Крыса выпала на лету и ударила Иоанна в грудь, оставив на его накидке грязное пятно. Мальчишка с воплем отпрыгнул назад, но быстро пришел в себя, схватил мертвого грызуна за хвост и запустил обратно в Беллу. Уилла же разобрал такой хохот, что он едва стоял на ногах.

Посреди этого безобразия в комнату вошел коренастый юноша с волнистыми каштановыми волосами.

– Что тут творится? – закричал он, уперев руки в бедра. – Что это вы так расшумелись, деревенское отродье?

– Я думал, это тебя так зовут, – с подленькой ухмылкой протянул Иоанн. – Это же твоя мать была шлюхой из простонародья.

Белла испуганно раскрыла глаза от оскорбительного поведения кузена, но в глубине души восхитилась. Сама она на подобный вызов старшим никогда не решилась бы. Джеффри Фицрой – старший сын короля, но рожденный вне брака. Он занимал должность королевского канцлера, был назначен епископом Линкольна и приходился Иоанну единокровным братом.

Джеффри подошел к Иоанну, схватил его за плечи и как следует встряхнул.

– У меня нет времени на твои глупые выходки! – отчеканил он. Его серые глаза светились гневом. – Да, глупые, ничего умного в твоих словах нет, а насмеяться можешь сколько угодно.

Иоанн вертелся в его железной хватке, пытался вырваться, но безуспешно.

– Не трогай меня! Я все расскажу папе!

– Давай беги ябедничать, и посмотрим, что из этого выйдет, – издевательски усмехнулся Джеффри.

Иоанн побледнел от злости, но, понимая, что силы неравны, смолчал. Тогда Джеффри тряхнул его напоследок еще раз и отпустил. Взъерошенный проказник отскочил в сторону и стал приводить в порядок растрепанную одежду. В комнате стояла отвратительная вонь.

– Он засунул дохлую крысу в мою рабочую корзинку и испортил мое рукоделие! – Белла намерена была сделать все возможное, чтобы Иоанн получил по заслугам. – Мне придется выбросить вышивку, а это была кайма к папиной новой котте!

Ей даже не пришлось притворяться расстроенной – голос дрожал по-настоящему, ведь она вложила столько труда в подарок для отца. Всем своим видом Белла внушала Джеффри, что он ее герой и что она верит в его способность вершить правосудие.

Джеффри заглянул в корзинку и с отвращением отпрянул.

– Тебе возместят ущерб. Я лично прослежу за этим.

Белла молча смотрела на него. Чем можно возместить ее время и старания?

В их беседу встрял своевольный Иоанн:

– Да не слушай ты ее. Из-за ерунды разоралась. Дурацкая вышивка – кому она нужна!

Джеффри перевел на него тяжелый взгляд:

– Если бы испортили твою вещь, ты не считал бы это ерундой. Ты бы шум поднял до небес. Нет, ну зачем так было делать? Пользы от этого никакой, и это не смешно. Тебе давно пора уже вырасти из подобных шалостей.

Иоанн дернул плечом.

– Ну и ладно. Извиняюсь, – бросил мальчик таким тоном, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что виноватым он себя не считает. – Я не хотел никого обидеть. Это была шутка.

– Нет, ты хотел, хотел! – не отступалась Белла. – И я не прощу тебя. Никогда!

Иоанн тут же вскинулся:

– Подумаешь! Как будто мне не все равно.

– Успокойся! – рявкнул Джеффри. – Тебе не должно быть все равно, потому что в будущем тебе понадобятся друзья и союзники. Что ты будешь делать, когда все от тебя отвернется из-за гадостей, которые ты устраивал им в прошлом?

Иоанн упрямо сжал губы, и Джеффри, видя, что его слова не достигают цели, махнул рукой:

– Предупреждаю всех вас: не попадайтесь королю на глаза и ведите себя тише воды ниже травы. Он только что получил дурную весть, и настроение у него ужасное.

Вот тут Иоанну стало интересно.

– Что за весть?

Джеффри вздохнул:

– Розамунда де Клиффорд скончалась при родах, и младенец тоже.

– Хорошо. – Улыбка Иоанна была холодна. – Она получила по заслугам. Шлюха, как и все остальные, что были до нее. Отец скоро забудет ее, он всегда их забывает. До Рождества в его постели уже будет другая.

– Смотри, чтобы твои слова не дошли до отца, а то неделю сесть не сможешь. – Джеффри опять покачал головой. Младший брат вызывал у него глубокую неприязнь и озадаченность. – Откуда в тебе столько яда?

Иоанн опустил глаза. Он не желал продолжать спор и больше не проронил ни звука.

– Веди себя как следует, – напутствовал его Джеффри, – и другим жить не мешай.

Белла знала, что для Иоанна это все пустые слова. Ух как она ненавидит его! Но... этот его взгляд сквозь прищуренные веки, будто блеск острой стали... Он притягивал Беллу и заставлял дрожать от страха и восхищения. Ей очень нравилось, что Иоанн не боится ходить так близко к краю.

Генрих сидел в своей опочивальне перед огнем. Его голова бессильно упала на грудь, тело сотрясали мучительные конвульсии. Он не мог поверить, что Розамунда покинула его, что их последняя встреча оказалась прощальной. С такой глубокой раной Генрих не в силах был справиться. А ведь он король. Если сломается под тяжестью своего горя, вместе с ним рухнет и его королевство.

Уже несколько часов он пребывал в одиночестве. Единственным человеком, который посмел бы войти к скорбящему королю, был Амлен, а он уехал на Сицилию, чтобы выдать Иоанну замуж и убедиться в ее благополучном устройстве в новой жизни. С утра Генрих пытался развеять боль верховой ездой, но ему не стало легче. Только понапрасну коня заморил. Ну почему Господь не забрал вместо Розамунды Алиенору? Это было бы справедливо.

В его постели сменилось много женщин, с одними он провел больше времени, с другими меньше. Но настоящие, близкие отношения были у него только с двумя любовницами, и обе они умерли. Генрих воспринимал это как предательство. При всем своем могуществе

приказывать смерти он не мог, и когда люди умирали, они забирали с собой в могилу часть его души. А он оставался жить с незаживающей раной.

Скрипнула дверь. Генрих поднял голову, готовый накинуться с бранью на того, кто нарушил его покой. К удивлению короля, это оказался младший сын. Мальчик на цыпочках крался в комнату.

– Чего тебе надо?

Иоанн замер.

– Ничего, папа. Просто я оставил тут свой нож. – Он указал на кожаные ножны, лежащие на табурете перед камином.

Генрих потер переносицу:

– Из-за такого пустяка ты решился побеспокоить меня?

– Я хотел посмотреть, как ты себя чувствуешь, – обезоруживающе добавил Иоанн.

– Тогда смотри.

Король и сам уставился на сына в тусклом сиянии свечей. Они уже почти не давали света, потому что никто не заменил коптящие огарки. Мальчик походил на полудикого кота, который крадется в тени, наострив уши. Если Иоанн интересуется самочувствием кого бы то ни было, значит на это у него есть корыстная причина. Но Генриха ничья корысть сейчас не волновала.

– Дам я тебе один совет, – сказал он. – Ожесточи свою душу. Мир – суровое место. Никому не доверяй, особенно тем, кто улыбается тебе, потому что в один прекрасный день они все украдут у тебя, и когда это произойдет, предательство покажется тебе таким горьким, что ты не сможешь дышать.

Иоанн взял с табурета ножны и вытащил нож, чтобы осмотреть лезвие и убедиться, что оно не заржавело от крысиной крови. Совет отца ему не нужен. Он и сам уже понял, как устроен мир: власть имущие делают все, что хотят, а у кого власти нет, могут быть только жертвами. Если ты не хочешь стать такой жертвой, наноси удар первым.

– Мне ты можешь доверять, папа, – сказал он. – Я тебя не предаю.

Генрих посмотрел, как сын убирает нож в ножны, и вздохнул:

– Ты хороший мальчик. Иди сюда. – Иоанн сел рядом с отцом напротив очага. Отец взлохматил ему волосы. – Из всех моих детей ты самый младший, но это не значит, что я меньше ценю тебя. Может, даже совсем наоборот. Я вижу в тебе себя и понимаю, кем ты способен стать. А от матери у тебя ничего нет.

Иоанн тоже не находил в себе ничего от матери. Слова Генриха стали для него драгоценным даром, ради которого стоило пойти на риск и заглянуть в отцовскую опочивальню. Однажды он сам станет королем, и его владения не ограничатся одной только Ирландией. И править он будет лучше, чем отец.

В Саруме Алиенора слушала, как в надвигающихся сумерках воеет за стенами башни ветер. Знойное лето миновало, и осенний шторм азартно обрывал с деревьев первые желтые листья. Королева шила до тех пор, пока могла различить нитку на ткани. Амирия отправилась за едой и свечами, но узница привыкла сидеть в темноте. Свечи нужно экономить. Это раньше она не думала о воске и лампадах, они светили ей до поздней ночи, порой до первых петухов... Мысль о еще одной зиме в Саруме была невыносима.

Запахавшаяся после подъема по крутой лестнице камеристка внесла поднос с ужином и выданные им на вечер свечи. Выставляя на стол хлеб и вино, она бросила:

– Пока я была во дворе, мне сообщили одну новость.

Алиенора посмотрела на камеристку с осторожным любопытством. Новость новости рознь, но, очевидно, эта – достаточно важная, коли заинтересовала Амирию.

– Какую?

– Говорят, Розамунда де Клиффорд умерла при родах, и младенец – мальчик – тоже не выжил.

Алиенору не захлестнула волна триумфа, сила ее чувств была сравнима разве что с тонким ручейком. Какое это имеет значение? Все плен.

– Упокой, Господи, ее душу, – пробормотала она. А про себя закончила: «И будь проклят Генрих».

Амирия занялась розжигом свечей.

– Мадам, простите меня. Я думала, вы обрадуетесь, услышав это.

– Скорее, опечалилась.

Служанка задумчиво кусала губы. Очевидно, она была чем-то взволнована и в конце концов не выдержала:

– Ее похоронят в Годстоу, и король говорит, что оплатит строительство усыпальницы для нее и ежедневные молитвы за упокой ее души. Это же неприлично!

– Ну да, неприлично, да и ей от этого лучше не станет. – Алиенора представила, как Розамунда возлежит в гробу посреди храма, словно королева. Часто ли будет навещать ее могилу Генрих? Так же часто, как могилу Томаса Бекета? Чаше, чем приезжал он в Редингское аббатство, где похоронен его первенец? – Мне жаль ее, и это правда.

Она приступила к скромной трапезе из хлеба и сыра, мечтая о говядине, тушенной с тмином и имбирем, о сдобренном специями вине и о своем любимом засахаренном горошке. В Саруме королева не голодала, однако еда была совсем не аппетитной. Имбирное печенье, подаренное Изабеллой и Амленом, давно уже закончилось, хотя Алиенора пыталась растягивать удовольствие.

После ужина она помолилась перед переносным алтарем. В ее комнате он был одним из нескольких предметов роскоши, которые ей позволено было иметь при себе: отделанный сапфирами и горным хрусталем, с костью от пальца святого Марциала под мраморной крышкой. Алиенора молилась о Розамунде, поскольку таков был ее христианский долг. Генриха она презирала и ненавидела за то, что тот выставлял любовницу напоказ всему двору, но сама Розамунда обладала лишь преходящей властью спальни. Алиенора никогда не видела в ней сколько-нибудь серьезной угрозы для себя как королевы. Бедная, глупая девчонка.

Вернулась камеристка, относившая грязные тарелки судомойке, и объявила, что узнала еще одну новость.

Алиенора удивленно вскинула брови.

– Это поистине пир во время голода, – язвительно заметила она. – Что на этот раз?

Тон королевы заставил камеристку смутиться.

– Торговец вином говорил одному из стражников, что ваш сын Молодой Король и его королева ожидают ребенка к следующему лету.

Два чувства разом охватили Алиенору: радость при мысли о внуке от старшего сына и горечь оттого, что эту новость ей пришлось узнать таким жалким образом – как сплетню, подслушанную у прислуги. Где посланец с торжественным уведомлением? Какие еще взлеты и падения семейной и политической жизни остались ей неизвестны? Ребенок явится на свет у родителей, которые не имеют собственной земли. Они живут только за счет тех средств, что согласится выдать им Генрих, и тратят их, кажется, прежде, чем успеют переписать.

– Это и в самом деле хорошая новость, – ответила она, потому что нужно же было что-то сказать.

Разумеется, Алиенора не могла надеяться на то, что теперь Генрих поддержит Гарри и даст ему в управление какие-то владения. Будет очень неправильно, если Маргарита родит сына отцу, у которого нет и ярда собственной земли. Генриху всего сорок три года, а его отцу, Генриху I, было почти семьдесят, когда он умер.

И все-таки новая жизнь – это всегда новая надежда.

– Поднимем же тост. – Алиенора велела служанке наполнить кубок вином. – За моего сына, его жену и их будущего ребенка. Пусть они процветают и благоденствуют!

Глава 9

Замок Сарум, июль 1177 года

За крепостными стенами раскаленное солнце выжигало синеву с неба. Трава на холмах пожухла, белым маяком горел в бесцветном зное собор. Хотя пора гроз еще не наступила, в воздухе уже чувствовалось нарастающее напряжение. Благодаря толстой каменной кладке внутри крепости было относительно прохладно, но Алиенора изнемогала от сидения взаперти и призвала Амирию отложить шитье и выйти на прогулку.

Когда дамы покинули укрытие замка, на них обрушился жар солнца, словно удар огромного кулака. Два стражника, прислонив оружие к стене, уселись в тени на корточках и коротали службу за бесконечной игрой: бросали мелкие камешки в более крупный. При виде королевы они вяло изобразили положенное приветствие и больше не обращали на нее внимания. На этом пекле они впали в летаргию, и сил у них хватало только на то, чтобы наблюдать за служанками у колодца. Девушки подобрали юбки, так что оголились стройные икры, и со смехом плескали друг на друга водой. Под радугой брызг пробежал мальчонка в одной рубашке. Алиеноре он остро напомнил ее сыновей, когда те были в том же нежном возрасте. Она ностальгически улыбнулась.

В последние две недели в замке начались работы по строительству новой проездной башни и внутренней стены вокруг замка. Появление каменщиков разнообразило скучные будни королевы. Ей даже стало казаться, что Сарум не такая уж Богом забытая глушь, что и здесь происходит нечто, заслуживающее внимания. Однако, зачем Генриху понадобилось перестраивать крепость, оставалось загадкой. Не видит же он в ней, Алиеноре, угрозу столь серьезную, что без новых стен и защитных сооружений с ней не справиться? Нет, наверное, это предупреждение для остальных: чтобы ни у кого и в мыслях не было освободить ее.

Девушки у колодца прервали на минутку веселье и присели перед королевой в реверансе. Маленький мальчик, еще не доросший до понимания этикета, продолжал самозабвенно брызгаться. Когда его мать попыталась поймать и остановить его, Алиенора подняла руку:

– Пусть играет. Я бы и сама с ним поиграла, если бы могла.

Она пошла дальше, понимая, что стесняет служанок своим присутствием. На лесах вокруг подрастающей башни трудились каменщики. Один работник разделся до брэ, и Алиенора оценила его жилистую мускулатуру. Льняная ткань облепила ягодицы и бедра, так что и там воображению почти ничего не оставалось. В глазах Алиеноры блеснуло одобрение, Амирия же отвела взгляд.

Внезапно дозорный на башне схватил рог, висевший у него на перевязи, поднес к губам и издал долгий, протяжный звук.

– Король! – послышались крики. – Прибыл король! Кланяйтесь своему господину!

Полураздетый работник упал на колени, его товарищи побросали инструменты и тоже встали рядом с ним на колени. Солдаты поспешно распахнули ворота, а от королевских покоев примчались стражники, на бегу натягивая шлемы.

Несмотря на жару, Алиеноре показалось, будто на нее опрокинули ведро ледяной воды. Что здесь делает Генрих?

Рыцари королевского эскорта по двое входили во двор замка. Среди них гарцевал на коне Генрих. Он прибыл не с целым двором, а лишь с небольшой свитой в количестве двух десятков человек. Его единокровный брат Амлен был в их числе.

Наблюдая за тем, как Генрих спешивается, Алиенора отметила, с каким трудом он прыгнул на землю. Лицо его обгорело на солнце до густо-малинового цвета, несмотря на

соломенную шляпу. И он отрастил живот, отчего стал похож на пожилого мужчину. Как обычно, в каждом жесте Генриха сквозило нетерпение, однако его энергичные движения стали какими-то тяжеловесными, словно шар из цельного железа.

Когда оруженосцы и конюхи забрали у спешившихся всадников лошадей, Генрих двинулся к крепости. При ходьбе король сильно припадал на правую ногу, но едва он заметил супругу, то сразу постарался скрыть хромоту. Алиенора встала перед замком в такой позе, будто была хозяйкой, принимающей гостей, а не узницей. Этикет она тем не менее соблюла и присела перед Генрихом в реверансе, однако выпрямилась, не дожидаясь его разрешения. На лице Генриха проступило раздражение.

– Сир, какая неожиданность! – произнесла Алиенора. – Добро пожаловать. – Любезные слова шли вразрез с саркастическим тоном. – Прошу зайти и отдохнуть с дороги.

Генрих смерил ее холодным взглядом:

– Перестань! Я здесь не для того, чтобы играть с тобой в игры.

Губы Алиеноры сжались в узкую полоску.

– Я тоже. И мне хорошо известно, для чего здесь я. – Она обвела рукой незаконченное строительство. – Все эти новые сооружения производят сильное впечатление, но скажи, неужели ты настолько меня опасаясь, что чувствуешь потребность в укреплении замка?

Они зашагали в сторону главной башни. Беленые стены в лучах безжалостного солнца слепили им глаза. Служанки уже ушли от колодца, забрав упирающегося малыша с собой. От их недавнего веселья оставалось лишь несколько пятен влаги на плитках двора, но и те быстро высыхали.

– Тебя я ничуть не опасаясь, как тебе известно, – сухо процедил король. – Любую крепость надо обновлять время от времени. То же самое сейчас делают в Кларендоне, чтобы и он был готов ко всему, что бы ни случилось.

Алиенора получила подробный ответ, но у нее сложилось впечатление, что мысли Генриха заняты чем-то другим.

Они вошли в главный зал, но Генрих не остановился там, а прошествовал дальше, в помещение без всякой обстановки, если не считать простого стола и пары сундуков. Там он отстегнул пояс и бросил его на один из сундуков, следом полетела шляпа.

– Бог мой, как жарко!

Генрих поморщился и принялся растирать ногу. Его беспокоит старая травма, поняла Алиенора, и больной ноготь на правой ступне. Генриха часто лягали кони, и один такой инцидент привел к тому, что на бедре образовалась незаживающая язва. А ей сопутствовали приступы лихорадки и воспаления.

Слуги принесли разбавленное водой вино, и Алиенора села к столу. На пыльном полу под ее ногами блестела застывшая лужица свечного воска. Она пока не понимала, зачем они здесь. Лицо следовавшего за королем Амлена напоминало крепко запертую дверь. Рыцари из свиты остались в зале.

– Чем обязана честью видеть тебя? – поинтересовалась она у супруга. – Не думаю, что ты приехал, потому что соскучился.

Генрих осушил свой кубок и наполнил его снова.

– Разумеется, не поэтому. Если бы не одно недопонимание между нами и не мое желание видеть, как продвигается строительство, я бы поскакал прямо в Кларендон.

– Недопонимание? – Она изобразила полное неведение. – Что это может быть, сир?

Он провел мозолистой ладонью по лицу, утирая пот. На лбу и скулах остались грязные дорожки.

– За день до моего отъезда из Вудстока пришли новости – из Франции. Из Парижа.

– Это про Маргариту? Она родила?

Генрих кисло усмехнулся:

– Странно, что ты еще не в курсе. Уверен, несмотря на все меры к тому, чтобы жизнь твоя текла в уединении, ты находишь источники для получения новостей. Да, она родила – в первый день июля. Это мальчик, нарекли его Уильямом. Теперь наш наследник обзавелся собственным наследником.

Алиенора предпочла бы узнать эту новость от кого угодно, но только не от Генриха. Но, по крайней мере, он не скрыл от нее это важное событие, и свершилось оно совсем недавно. У Гарри родился сын, ее внук. От старшей дочери Матильды у нее уже имелись внуки, но им не суждено было носить английскую корону, в отличие от этого новорожденного младенца.

– Я счастлива. И очень рада за Гарри и Маргариту. – Для ее сына рождение ребенка стало достижением, над которым Генрих не имел никакой власти. – Ну уж теперь-то ты отдашь Гарри его наследство, чтобы ему было где растить сына?

Генрих откинулся на спинку скамьи с неприступным видом.

– Подумаю над этим.

«Но ничего не сделаешь».

– Я напишу Гарри.

– И я буду рад отправить твое послание со своим самым быстрым гонцом.

«Только сначала прочитаешь написанное».

– Как великодушно с твоей стороны, – нейтральным тоном отозвалась Алиенора.

Он задумчиво потер подбородок:

– Людовик настаивает на том, чтобы Ричард женился на Адель, но я не склонен давать согласие.

Алиенора едва удержалась, чтобы не соорудить гримасу. Она обещала Ричарду, что он никогда не женится на этой девушке, но из Сарума мало что могла предпринять.

– Люди говорят, что ты спишь с ней и именно поэтому стремишься расторгнуть наш брак – хочешь сделать ее своей королевой.

– Люди много чего говорят, язык-то без костей.

– Я даже слышала, будто с ней ты находишь утешение после кончины Розамунды.

Его обгоревшие на солнце щеки побагровели, а глаза ярко заблестели.

– Никто не заменит мне Розамунду. – Генрих смотрел на Алиенору жестко, почти враждебно, но она видела, что муж по-настоящему страдает, хотя и старается скрыть это. – Дочка Людовика – бесхарактерная курица, Розамунде она и в подметки не годится. Но раз тебя так волнует этот вопрос, открою тебе: троюродная кузина Розамунды Ида – вот кто для меня единственное утешение в эти дни.

У Алиеноры сообщение супруга вызвало только презрение. Кто такая Ида, она не знала, но предполагала, что новая избранница Генриха – очередная доверчивая, впечатлительная девочка, с которой он может без помех проявлять свою власть и волю. Все они у него такие.

– Адель – часть управления государством. Никто не смеет диктовать мне – ни Людовик, ни мой сын. Я решаю, когда быть свадьбе, а не Людовик, не Ричард и не папа римский.

Алиенора промолчала, потому что его позиция в отношении этого брака совпадала с ее желаниями. Но доверять ему нельзя. В любую секунду он может переменить мнение, если того потребуют его интересы.

Пока слуги накрывали для гостей стол, Генрих решил отлучиться, чтобы лекарь осмотрел его больную ногу. Алиенора сделала вывод, что старая травма беспокоит его сильнее, чем он показывает.

– Его нога никогда не заживет, если он будет подолгу сидеть в седле, – бросила она Амлену.

Тот передал слуге пустой кубок для новой порции вина. Его лицо тоже обгорело на солнце, но все же не так сильно, как у белокожего Генриха.

– Я пытаюсь заставить его чаще отдыхать, да только он меня не слушает.

Они оба умолкли. Беседовать им было неловко – во-первых, из-за положения Алиеноры, а во-вторых, из-за того, что Амлен беззаветно предан Генриху, а его жену королева считает своей сестрой и ближайшей подругой.

– Здорова ли Изабелла?

– Здорова, – ответил Амлен. – Она сейчас в Конисбро. Там еще много недоделок – работают каменщики, как и здесь, в Саруме. Но главный зал вполне пригоден для жизни. Изабелла привезла для вас с Сицилии шелковые ткани и другие подарки. Вручит вам при первой же вашей встрече. – Он усмехнулся. – И тогда же она поведаст вам все подробности нашей миссии – такие, которые мужчина счел бы незначительными, но которые столь важны для женщин.

Алиенора улыбнулась:

– Уверена, что, несмотря на этот мужской недостаток, вы все-таки сможете рассказать мне, хорошо ли устроилась Иоанна.

Амлен несколько опешил от неожиданной трактовки его слов, но потом кивнул, признавая остроумие собеседницы:

– Иоанна влилась в новую жизнь так, будто родилась там. Все были рады ей; король – прекрасный человек и весьма любезный, к Иоанне он был очень добр. Королевский дворец достоин всяческого восхищения. Я никогда не видел столько картин и колонн, таких пышных садов.

Выведать у Амлена что-нибудь, помимо самых общих описаний, труднее, чем вырвать коренной зуб. Нельзя утверждать, что он совсем невосприимчив к прекрасному, просто ему недостает поэтического видения и языка.

– Да, это все я видела и сама в давно минувшие годы, в другой жизни. Теперь вот думаю, не совершила ли я ошибку, не оставшись в свое время на Сицилии. Очень рада слышать, что супруг моей дочери хорошо к ней относится. Это то, чего я желала ей всем сердцем.

– Иоанну ожидает там благоденствие, – ответил Амлен. – В путешествии ваша дочь выказала здравый смысл и крепость духа, а когда мы прибыли на место, свою роль она исполнила безупречно. – Смущаясь, он добавил: – Расставаясь, Иоанна взяла меня за руку и попросила передать привет всем, кто остался в Англии, и отдельно – госпоже матушке.

Алиенора на мгновение зажмурилась от пронзившей сердце боли. Госпоже матушке, которую девочка почти не знала, поскольку большую часть времени они не были вместе.

Вернулся Генрих. После обработки и перевязки раны он хромал сильнее, чем раньше. Алиенора стала догадываться, что краснота на его лице не столько следствие солнечного ожога, сколько симптом лихорадки. Король сел, не в силах сдержать гримасу боли, и обвел всех присутствующих грозным взглядом: чтобы никому и в голову не пришло комментировать его состояние. Взмахом руки приказал оруженосцу налить ему вина с водой.

Трапезу прервало появление слуги в сопровождении гонца. В последнем Алиенора признала Вигэна, одного из писцов Генриха, который часто исполнял поручения личного характера. Одежда Вигэна потемнела от пота, а кожаная сумка покрылась дорожной пылью, поднятой копытами его коня.

– Сир. – Вигэн опустился на колени и со склоненной головой протянул Генриху письмо.

Генрих взломал печать и развернул свиток. На его лице не отразилось никаких эмоций, оно оставалось неподвижным, словно высеченное из камня.

– Сир, простите меня. Я пытался перехватить гонца с первой вестью из Франции, но он слишком сильно опережал меня.

– Прочь с глаз моих! – отрезал Генрих.

Вигэн был рад исполнить этот приказ и скрылся из виду быстрее перепуганного зайца.

Король посидел несколько минут молча, закрыв лицо ладонью, потом обратился к Алиеноре:

– Младенец скончался. Его нашли бездыханным в колыбели.

– Нет – воскликнула она и зажала рот рукой.

– Он прожил всего три дня, – сдавленным голосом произнес Генрих.

– Упокой, Господи, его бедную маленькую душу! – (По крайней мере, он глотнул воздуха жизни и, значит, был крещен и попадет на небеса, однако это слабое утешение для тех, кто остался на земле.) – Несчастные Гарри и Маргарита... Боже милостивый, какое горе!

Генрих мгновенно вскинулся:

– Теперь ты видишь, почему я не могу доверять ему? Стоит лишь опереться на него, как тут же понимаешь, что вместо опоры у тебя под рукой пустота. Вот только что был ребенок – и нет его.

– Ты это не всерьез! – Алиенора пришла в ужас от этих слов. – Это в тебе говорят разочарование и горе. Наш с тобой первенец прожил всего три года. Скажешь ли ты о себе то же самое?

Он сжал кулаки:

– Меня не было рядом, когда он умер. Не перекладывай на меня свою вину.

Алиенора отпрянула, как от удара. От жестокости супруга у нее пропал дар речи.

Генрих с трудом поднялся и бросил Амлену:

– Мы не будем здесь останавливаться. Скажи конюхам – пусть седлают. Мы едем в Винчестер.

– Примите мои соболезнования. – Амлен глянул на Алиенору, показывая, что его слова адресованы и ей тоже. – Подобные новости всегда разрывают сердце.

На это Генрих раздраженно вспыхнул:

– Тут ничего не поделать! Если ты упал с коня, то надо забраться обратно в седло, вот и все. Ребенок родился, ребенок умер. Сколько ни горюй, назад его не вернешь. Пусть пробуют еще, как только Маргарита пройдет обряд очищения.

Амлен ничего не возразил, лишь его глаз нервно подергивался.

– Пойду распоряжусь насчет лошадей, – бросил он, покидая комнату.

– Неужели в тебе нет ни капли жалости? – прерывающимся голосом спросила Алиенора и сама себе ответила: – Конечно нет, что за глупый вопрос.

– Да жаль, жаль, что ребенок умер! – взорвался Генрих. В его глазах горел лихорадочный блеск. – Он ведь был моим внуком и должен был добавить славы моей династии. Но бессмысленно рыдать над тем, что закончилось, не успев начаться. Прочитай молитву, госпожа королева, и забудь. Они молоды. У них будет еще дети.

– Говори что хочешь, только не рассчитывай, что Господь всегда будет на твоей стороне.

Разъяренный супруг сжал челюсти и похромал прочь из комнаты.

Генрих убежал, но Алиенора знала, что это бесполезно: то, от чего он бежит, всегда будет гнаться за ним и однажды настигнет.

Глава 10

Замок Сарум, зима 1178 года

Декабрь был железным месяцем. Мороз сковал землю в первую же неделю зимы. Хотя самая длинная ночь года уже миновала, световой день едва рос, и Алиенора не могла избавиться от ощущения, будто вся ее жизнь погрузилась во мрак. За восемнадцать месяцев к ней наведальось всего несколько посетителей, новости из внешнего мира почти не доходили. Крохами информации порой делился епископ Солсбери, однако по большей части ее держали в неведении о том, что происходит вне пределов замка. Алиенора слышала только, что Генриху грозило отлучение от Церкви, если он откажется женить Ричарда на Адель, но этого так не случилось, как, впрочем, и женитьбы.

Строительство новых сооружений завершилось, и теперь весь замок охватило второе, внутреннее кольцо стен, отчего мир Алиеноры сузился еще больше. Генрих уезжал в Нормандию, в конце лета вернулся, а Рождество провел в Винчестере. Королева думала, что он призовет ее на празднества, но за ней так никто и не приехал.

Рождество Христово она отметила службой в соборе. Внутри храма зажгли свечи, и он стал похож на сердце заиндевелога драгоценного камня. Дыхание вырывалось облачками пара. К концу церемонии Алиенора продрогла так, что едва могла двигаться. Казалось, что суставы и мышцы заledenели.

Не было ни гостей, ни увеселений, ни музыки, ни пира. В ту ночь на Сарум опустился ледяной туман, и замок высился бледной костяной короной, намертво застрявшей в липкой мгле. Алиеноре представлялось, что она исчезает, становится призраком. Что весь замок вот-вот растает, и она вместе с ним, погребенная под двумя рядами стен, и только другие проклятые души будут знать, что с ней. Младенец Иисус родился, но где же свет?

На третий день после Рождества, когда утренние сумерки сменялись вечерними, Алиенора закуталась в меховую накидку и отправилась на прогулку, чтобы размять ноги и отвлечься от монотонного созерцания серых стен. Соборный колокол пробил начало вечерней службы, и звук еще долго висел в воздухе. Она миновала одинокого стражника. Тот хлопал ладонями в перчатках в тщетном стремлении сохранить тепло.

На пути к главным воротам Алиенора пересекла внутренний дворик, с недавних пор зажатый высокой каменной оградой. Выйдя за ее пределы, она обнаружила, что ворота распахнуты и через них в крепость въезжают всадники и спешиваются в клубах пара. Затем две гнедые упряжные вкатили нагруженную повозку. Ее содержимое скрывалось под парусиной. В повозке ехали двое юношей, и они поспешно соскочили на землю, чтобы взять лошадей под уздцы.

Среди низких голосов Алиенора признала мальчишеский тенор, и сердце ее сжалось в сладком предчувствии. В следующий миг она отыскала глазами красивого молодого человека в алом плаще, а рядом с ним мальчика в синем. Жоффруа, Иоанн. Увидев ее, они ускорили шаг и через две секунды уже опустились перед матерью на колени.

– Госпожа матушка, – приветствовал Жоффруа. К двадцати годам его голос звучал как голос взрослого мужчины.

Иоанн повторил приветственные слова брата и направил на мать непроницаемый взгляд.

Алиенора попросила их подняться и обняла.

– Какая приятная неожиданность! – Королева прикусила язык, прежде чем с него сорвалось замечание о том, что она уже потеряла надежду увидеться с кем-нибудь до наступления

весны. – К приему гостей я совсем не готова, но вы получите лучшее, что имеется в моем распоряжении.

– Мы привезли тебе подарки. – Жоффруа кивнул на груженую повозку. – Там меховые покрывала, и вино, и фазаны, и оленина.

– Папа разрешил, – счел нужным уточнить Иоанн. – Он сказал, что если Жоффруа удержит достигнутое перемирие хотя бы в течение минуты, то нам будет позволено съездить в Сарум.

Жоффруа покраснел:

– Я просто упомянул, что мы все равно недалеко от Сарума и что мне нужно навестить маму, ведь я совсем недавно вернулся из-за Узкого моря.

Иоанн с ехидством глянул на брата:

– И еще ты говорил, что это богоугодное дело.

За это Иоанн получил подзатыльник.

– А что еще я должен был сказать отцу? Ты же знаешь его. И ты тоже решил поехать со мной, чтобы чинить неприятности, как мне теперь кажется, или чтобы шпионить для папы.

Иоанн изобразил оскорбленную невинность и потер затылок:

– Я не виноват, что папа любит меня больше, чем тебя.

– Надеюсь, вы перестанете ссориться хотя бы при мне, – остановила их перепалку Алиенора.

– Ой, мама, прошу прощения, – ангельским голосом ответил Иоанн и надел на лицо подходящую случаю маску.

Он неисправим, с невольной улыбкой подумала Алиенора.

– Так или иначе, вы сумели приехать ко мне, и я тронута. Заходите, отогрейтесь и расскажите мне все новости.

Среди подарков, привезенных Жоффруа, были такие деликатесы, как вино с пряно-стями, копченый угорь, фазаны и обожаемые Алиенорой каштаны. Она сразу же и поджарила эти каштаны на сковороде над огнем в очаге.

Для праздничного увеселения Жоффруа привез собственную труппу менестрелей, а также шута с обезьянкой и двух акробатов, которых нанял в Саутгемптоне. Поначалу Алиенора смеялась через силу. Трудно было возвращаться к жизни после существования как в могиле, но постепенно она вновь стала видеть краски, а слова опять обрели значение.

Иоанну только что исполнилось двенадцать, а у Алиеноры, кроме молитв, не было ничего, чтобы отметить это событие. Генрих подарил сыну прекрасный охотничий нож в узорных ножнах, и мальчик на протяжении всего ужина хвастался и размахивал им. Вторым подарком отца стал черный иноходец в упряжи из красной кожи и чепрак из золотистой ткани. Алиенора узнала, что Иоанну предстоит поселиться в доме юстициара Ранульфа де Гланвиля – в целях продолжения образования и подготовки к управлению Ирландией. В рассказах младшего сына то и дело звучало: «Папа сказал, что...», и Алиенора отчетливо различала в его взглядах влияние Генриха. В общем и целом Иоанн превратился в уменьшенную копию отца. И его отношение к ней изменилось – стало более отстраненным, более оценивающим. И все-таки он захотел навестить ее, и в глазах Алиеноры это служило доказательством того, что связь между ней и сыном не прервалась.

Что до Жоффруа, то его мысли во многом оставались тайной. Окружающим он позволял увидеть лишь их малую часть, но то, что разглядела Алиенора, казалось приятным и искренним. Сына и в самом деле огорчали противоречия между родителями, и его ужасали условия, в которых содержалась мать.

– Ты лишена самого насущного, и это недопустимо. Я так и сказал отцу.

– Что же он ответил?

– Обещал поговорить с тобой в Винчестере во время пасхальных торжеств, а пока согласился, чтобы я привез тебе меха и ткани для новых одежд, а еще масло для лампад.

Все это были уступки, которые ничего не стоили Генриху, зато такими подачками он укрощал гнев Жоффруа. Итак, на Пасху ее призовут в Винчестер. Алиенора не хотела радоваться этому известию, однако чувствам не прикажешь – она обрадовалась.

– Гарри тоже проведет Пасху с нами, – продолжал Жоффруа. – Он обещал приехать – перед тем, как начнутся главные рыцарские состязания этого года.

Алиенора поджала губы. Гарри растрачивает жизнь на участие в турнирах, но разве можно винить его за это? Чем еще ему заниматься, если его отец отказал ему в праве на землю и ответственность? Ричард и Жоффруа моложе его, но успели добиться большего, и даже Иоанн скоро перегонит Гарри – когда станет королем Ирландии.

– Прошлым летом я тоже участвовал с Гарри в нескольких турнирах, и опыт был весьма поучительным, – поделился Жоффруа впечатлениями. – Во время сражения нельзя терять самообладание ни на секунду. Это жестокая игра, но теперь я понимаю, почему столько мужчин увлекается турнирами. Когда ты поднимаешь копьё и прищипориваешь коня, то весь наполняешься славой и силой.

У Алиеноры сжалось сердце.

– Ведь это так опасно...

Жоффруа провел пальцами по мягкой бородке.

– Да, – признал он. – И в этом часть притягательности турниров. Но на войне гораздо опаснее. Еще турниры добавляют в жизнь остроту ощущений и некий распорядок.

Все равно Алиенора вздрогнула от неприязни к занятию, которым так восхищался сын. Молодые люди ездят по стране: колокольцы в сбруе коней, знамена, сверкающие доспехи, жонглеры, акробаты, танцоры, оруженосцы и пажи. Яркие пустые триумфы, осененные мрачной тенью смерти.

– Уильям Маршал поистине непревзойденный воин. – Тема заметно увлекла Жоффруа. – Не видел никого, кто бы метал копьё так, как он, да и конем управляет мастерски. Если мой брат выиграет все турниры в этом году, то только стараниями Маршала, который всю осень занимался с Гарри и его рыцарями. Есть такие, кто считает, будто Маршал слишком уж выслуживается, но они просто завидуют его успехам.

У Алиеноры все это вызывало бесконечный интерес, но одновременно лишало ее спокойствия.

– Лишь бы он помнил о своей главной задаче: заботиться о безопасности твоего старшего брата, – заметила она.

Жоффруа задумался:

– Эту задачу он выполняет лучше, чем кто-либо другой в свите Гарри, но всем ясно, что настоящий герой – это Маршал, а мой брат всего лишь его ученик. Не думаю, что Гарри это нравится.

– А как твой отец относится к тому, что ты вместе с Гарри принимал участие в турнирах?

Наполняя кубок вином, Жоффруа усмехнулся:

– Это отец предложил, сразу после того, как меня посвятили в рыцари в Вудстоке. Посоветовал развлечься. Конечно же, он хотел, чтобы я шпионил за Гарри, – я не дурак и понимал, что стоит за его предложением.

– Он не опасался, что вы двое сговоритесь и пойдете против него?

Жоффруа хохотнул:

– С какими силами? Он знает, что в данное время мы у него на коротком поводке. Кроме того, нет ничего плохого в том, чтобы показать принцам других государств, каких красивых, смелых сыновей вырастил король Англии. Наследник короля Людовика боится лошадей. Он

слабак во всем, что касается меча, и его недостатки особенно заметны на фоне нашей семьи. А отец любит подчеркнуть свое превосходство при каждом удобном случае.

Алиенору согрел прилив гордости, но остудила осторожность.

– Ему не следует терять голову. Не стоит задевать честолюбие Людовика. Порой кажется, что из него можно веревки вить, однако он умеет выжидать и сына вырастит таким же.

В глазах Жоффруа засветился неподдельный интерес.

– Я всегда думал, что ты считаешь Людовика тряпкой.

Его мать покачала головой:

– Тряпкой он никогда не был. И знавала я нескольких монахов, которых безгрешными не назовешь. – Алиенора потянулась к чаше с вином. – Как дела у Ричарда? Он проведет Пасху с нами?

– Скорее всего, это будет зависеть от того, сумеет ли он отвлечься от своих кампаний в Пуату, – пожал плечами Жоффруа. – Там по-прежнему продолжают мятежи, и вряд ли он сочтет празднование Пасхи в лоне семьи наилучшим способом провести время. Тем не менее ему нужно будет приехать к отцу с докладом – и за деньгами.

И вот тогда, когда все будут в сборе, Генрих вытащит ее, свою заложницу, из крепости и продемонстрирует сыновьям как предупреждение: будьте послушны моей воле.

Она прикоснулась к руке Жоффруа:

– А ты как, сын мой?

Он ответил с кривой усмешкой:

– Я как всегда – самый тихий. Жоффруа Мыслитель. У меня нет шарма и претензий на английскую корону, как у Гарри, я не страстный борец и не наследник Аквитании, в отличие от Ричарда. Но, к счастью, у меня есть наследство, за что я должен благодарить свою будущую супругу. – Он разглядывал вино в кубке. – Пока можно сказать, что я готов ждать.

Иоанн на протяжении диалога старших хранил молчание и играл с новым ножом.

Глава 11

*Винчестерский замок,
апрель 1179 года*

Прогуливаясь по саду Винчестера, Алиенора наслаждалась пышным цветением весны. Клумбы скрылись под ковром из фиалок и бальзаминов, мягкие газоны пестрели маргаритками. Небо было прозрачно-голубым, с нарядными облачками тут и там. Рядом с Алиенорой шагал Гарри, сцепив руки за спиной и склонив голову к матери. Как всегда, на лице его играла улыбка, однако королева чувствовала, что под ней скрываются горе и смятение.

– Соболезную твоей потере. – Она прикоснулась к его локтю. – Я писала тебе, но не знаю, получил ли ты письмо.

Он глубоко вздохнул:

– Мама, я тоже не знаю. Я мало что помню о тех днях. Сын пробыл в этом мире краткий миг. Я видел его, свою плоть и кровь, он лежал в колыбели – а потом его не стало. Его жизнь погасла так же легко, как огонек свечи. – (Алиенора сочувственно сжала его руку.) – Должно быть, Господь распорядился так, чтобы у меня было все и ничего, – сделал горькое предположение Гарри.

– Это неправда, никогда так не думай! У тебя будут еще дети.

– Да. – Он обаятельно улыбнулся. – Ты слышала о том, как хорошо я выступаю на турнирах? Наверняка Жоффруа рассказывал тебе.

– Рассказывал, да, но сыновья, рискующие жизнью в турнирах, не то, о чем хочет услышать мать, хотя она гордится их мастерством.

– Турниры – отличный способ обзавестись союзниками и друзьями, а еще там можно нанять хороших воинов в свои отряды. Там ты видишь, чего стоит человек.

Алиенора строго взглянула на старшего сына:

– Насколько я могу судить со слов твоих братьев, король не успевает пополнять твою казну. Она высыхает быстрее, чем лужа жарким днем.

Гарри обиженно насупился:

– Ричард в Пуату воюет который год, и ты не жалуешься. Ему, как и мне, постоянно не хватает денег, и он, как и я, приезжает к отцу с протянутой рукой, и у тебя это не вызывает критики. Я прокладываю себе путь не войной, а политикой и дипломатией, вот и вся разница между нами.

– Я, как любая мать, переживаю за своих детей, – поспешила утешить его Алиенора. – Я беспокоюсь за вас обоих. Хотела бы я, чтобы все было по-другому.

– Что же мне делать, если у меня нет земель, где я мог бы править? – спросил Гарри. – Отец использует меня как дипломата во время турниров и при французском дворе. Я его представитель в тех краях, куда он сам не может показаться. Примерно такую же роль играл для него Томас Бекет, пока не променял королевскую службу на служение Богу, а потом и на мученичество. Если я отправлюсь помогать Ричарду, то войсками командовать будет он, а не я. Когда я нахожусь при дворе короля Людовика, то слышу, как за моей спиной перешептываются люди: мол, у меня нет ни власти, ни влияния – лишь улыбка на лице и отцовские деньги в кармане. Они кланяются мне, а про себя насмеваются. Ничего не изменилось, мама, если только к худшему. – Слезы наполнили его глаза. – Теперь все говорят, что я даже не способен родить здорового сына.

Алиеноре больно было видеть, как страдает Гарри, но жалобы всегда вызывали у нее раздражение.

– Не стоит прислушиваться к тому, о чем сплетничают придворные у тебя за спиной. И я ничем не могу тебе помочь. Однажды попробовала и заплатила за это своей свободой. У тебя хотя бы есть улыбка на лице и деньги в кармане, я и этим не могу похвастать. Гарри, наберись терпения и жди, как это делаю я, но старайся все же не тратить время впустую.

Гарри сразу скис.

– Ты говоришь мне это с тех пор, как меня короновали, а было это девять лет назад.

У Алиеноры в висках появилась пульсирующая боль.

– Другого совета у меня нет, – произнесла она утомленно. – Прости.

Тропинка повернула, и мать с сыном оказались перед беседкой. Летом ее увивали розы и жимолость, но пока ажурные стенки оставались голыми, и в настоящий момент украшением служили две молодые дамы, окруженные толпой ухажеров. Группа молодежи оживленно щебетала и смеялась, но при появлении Алиеноры и Гарри все разом стихли и поспешно склонились в поклонах или присели в реверансах.

Алиенора окинула их взглядом. Там была Адель, помолвленная с Ричардом. Бракосочетание постоянно откладывалось, что стало причиной глубоких трений между Англией и Францией. Шестнадцатилетняя девушка была стройной и светловолосой, как ее отец, с серыми глазами и мелкими, заостренными чертами лица. Алиеноре она казалась похожей на мышь. Вторая дама была миниатюрной и живой, с ангельским ротиком, ямочками на щеках и большими карими глазами. Незнакомка испуганно глянула на опальную королеву и опустила глаза. Рядом с ней стоял Роджер Биго, сын графа Норфолка, но пока лишенный возможности вступить в наследство из-за того, что шесть лет назад его отец поддержал мятеж Гарри. И он тоже выглядел смущенным, будто его застали за поеданием меда в чулане.

Мохнатый терьер размером не больше крысы с тьяканьем подскочил к Алиеноре. Его тут же схватила на руки Адель и прижала к груди.

– Мы вывели Тринкета на прогулку, – в смятении произнесла она.

Алиенора чувствовала себя непрошеной гостьей, хотя у нее были все права находиться в саду. Но чего еще следовало ожидать от молодых людей? Естественно, они ищут укромные места, чтобы пообщаться. Она нетерпеливо махнула рукой:

– Я разрешаю вам удалиться.

Они церемонно попрощались и вылетели прочь, словно облако ярких красок. Красивая темноволосая девушка так и не оторвала глаз от земли. Роджер Биго что-то проговорил ей на ухо, она покачала головой и ускорила шаг. Гарри смотрел им вслед, прищурившись.

– Ты хотел бы пойти с ними?

– Нет, мама. – Опять на его губах заиграла ослепительная улыбка. – Лучше я побуду с тобой.

– Не знаю, верить ли этим словам, – сказала она полушутливым тоном. – Кто была эта девушка с Адель? Я ее раньше не видела.

Губы Гарри изогнулись в презрительной усмешке.

– Ида де Тосни. Новая любовница отца. Троюродная сестра Розамунды де Клиффорд.

– Понятно. Он сообщил мне. – Еще одна девица нежного возраста. Еще одна наследница, доверенная попечению Генриха. До чего же он предсказуем. – Твой отец намерен заменить ею Розамунду?

– Ида – милая девочка. У меня сложилось впечатление, что она не стремилась в постель короля. Скорее, даже сожалеет, что так получилось.

– Роджер Биго глаз с нее не сводил. – Алиенора села на скамью и оглядела расцветающий сад.

– Думаю, когда отец устанет от Иды, то пристроит ее в жены тому, кто будет заинтересован, – бросил Гарри. – Биго уже сейчас выражает такое желание. Но на его месте я вел

бы себя поосторожнее. Опасно обхаживать молодую курочку, пока она ходит в любимицах петуха.

Алиенора внимательно посмотрела на сына. Сам он вроде бы не спешил обзавестись любовницей, хотя супруга его оставалась в Париже, а отношения между ними строятся не на страсти, а на долге. Или же если он все-таки имеет других женщин, то не выставляет эти связи напоказ, как его отец.

– С ними он забывает о возрасте, – продолжал Гарри. – Вот почему у него всегда самые быстрые лошади – чтобы оставаться впереди.

– И они постоянно лягают его. Он не понимает, как можно поделиться властью, как можно уступить хоть каплю контроля. И женщин потому выбирает вовсе не из-за их молодости. Просто они делают так, как скажет король, – юные дурочки полностью в его власти и не борются за самостоятельность.

В отличие от его пожилой супруги, которую Генриху приходится держать под замком, возводить вокруг нее толстые стены и шпионить за ней. Алиенора горько усмехнулась. Вот какова расплата за то, что она заставила короля бояться.

Позже, когда все собрались в зале, Алиенора улучила момент и отвела Уильяма Маршала в сторону, чтобы поговорить с ним.

– Хочу напомнить тебе о том, что твой долг – заботиться о Гарри, – проговорила она. – Он взрослый человек и не скажет мне спасибо, если услышит мои слова. И все-таки: турниры опасны. А мне кажется, что сейчас старшего сына притягивает все, что связано с риском.

– Госпожа, я поклялся защищать милорда до последней капли крови, – перестав улыбаться, сердито ответил Уильям.

– Уильям, тогда сосредоточься на его безопасности. Я слышу много похвал твоей доблести и умению обращаться с оружием, и я вижу, как смотрят на тебя мужчины в этом зале – и женщины тоже. Лесть и восхищение легко могут вскружить голову. Я не хочу, чтобы ты или мой сын подвергали жизнь опасности. Помни: ты отвечаешь за вас обоих. Не надо объяснять мне, будто это само собой разумеется, потому что это не так. Я должна назвать вещи своими именами и удостовериться, что ты понял меня.

Уильям коротко кивнул:

– Я вас понял, госпожа. Служа молодому милорду, я служу вам. Клянусь, я вас не подведу!

Величественным жестом Алиенора дала понять, что удовлетворена. Она знала, что галантный ответ Уильяма – не просто слова. Многие молодые рыцари восприняли бы ее предупреждение в штыки, но Маршал, достаточно уверенный в своей мужественности, отреагировал так, как нужно.

После пасхальных торжеств Алиенора вернулась в Сарум и приготовилась провести еще одно лето на продуваемом всеми ветрами холме. В крепость ее проводил Гарри и провел там целых три дня. Вместе они съездили на соколиную охоту, что для королевы было редким и ни с чем не сравнимым наслаждением, потом сын отправился обратно в мир рыцарских турниров и дворцовых интриг. А она осталась за двойным кольцом стен.

Между тем в Саруме опять появились каменщики – король повелел возвести еще одну мощную башню в дальнем углу замка. Алиенора разглядывала фундамент будущего строения и удивлялась: зачем Генриху так укреплять Сарум? Вряд ли он сам собирается проводить здесь время.

В августе ее порадовал неожиданным визитом Ричард. Он прибыл под развевающими стягами из разноцветного шелка, издав давая понять каждому встречному, что с его

присутствием следует считаться. Алиенора позабыла обо всех церемониях и бросилась в его объятия с криком, в котором было поровну радости и боли.

Его руки, крепкие и сильные, обхватили ее, и она припала к сыну, невыразимо счастливая от встречи с ним. И тут же отстранилась – ей не терпелось как следует разглядеть его.

– Дай же мне посмотреть на тебя!

Три года прошло с их последней встречи, и от юнца, которого помнила Алиенора, в этом высоком красавце не осталось ничего. Черты его лица были правильными, тело – гибким, движения – плавными, но в них ощущалась сила. В Ричарде были та же порывистость и энергичность, что и в Гарри, но их смягчали высокий рост и грациозность движений.

Он улыбнулся ей:

– Ну как, мама, нравится тебе то, что ты видишь?

– Разве может не понравиться такой красавец? – Смеясь и плача, она обнимала Ричарда снова и снова, а потом взяла за руку и повела в главную башню замка. – Но даже если исключить материнскую пристрастность, мне трудно представить, чтобы хоть кто-нибудь мог найти в тебе недостаток.

– Даже отец? – спросил он.

– Что он еще сделал?

Ричард затряс головой:

– Ничего, я просто пошутил. – Его внимание привлекла новая высокая стена. Он рассматривал ее с задумчивым интересом.

– Генрих говорит, что хочет улучшить оборону крепости, поскольку она не реконструировалась со времен его деда. Но меня эта стена подавляет. Я и без нее знаю, что нахожусь здесь как узница. Еще он строит тут совершенно неприступную башню – то ли меня хочет в ней заточить, то ли спрячет там свою казну...

Они вошли под прохладные своды большого зала. Слуги принесли напитки и разместили свиту принца. Кто-то уже забрался на вершину башни и водрузил там его боевой штандарт. Ричард скинул легкий дорожный плащ и отдал оруженосцу.

– Итак, – начала Алиенора, когда слуга поставил перед ними блюдо с медовыми лепешками, – какие у тебя новости? Я изголодалась по вестям из внешнего мира. Информацию, что проникает сюда, приходится собирать буквально по крупичкам. Твой отец делает все, чтобы отрезать меня от жизни. Что происходит в Пуату?

Ричард впился зубами в лепешку, прожевал кусок и проглотил.

– Там все еще идут мятежи, но люди уже начинают понимать, что чем сильнее они пытаются давить на меня, тем решительнее отпор и что ресурсами и тактикой я превосхожу их. Сейчас вроде установилось затишье. Не думаю, что это надолго, однако многие бунтовщики поклялись отправиться с оружием в Иерусалим.

Увлеченность сына военными делами тревожила Алиенору. Ричард был настоящим воином почти с первых дней жизни – не из необходимости, а по склонности характера. Помпезные турниры в его глазах были не более чем никчемной мишурой, ведь истинная доблесть проявляется только на поле боя.

– Говорили, будто Тайбур неприступен, но он пал, – рассказывал Ричард. – Я взял его и сровнял с землей, и Жоффруа де Ранкон сдался и преклонил передо мной колени.

С практической точки зрения Алиенора вполне одобряла действия сына. Когда-то в прошлом ее связь с семейством де Ранкон была очень крепка, а правду об отношениях с отцом Жоффруа она никогда и никому не откроет. Но время и изменчивый политический ландшафт истерли узы близости, молодое поколение уже не ощущает их. В Аквитании всегда было беспокойно, каждый землевладелец стремился захватить как можно больше власти.

То, что Ричард сумел покорить Тайбур, было поистине удивительно, ведь крепость славилась своей непобедимостью. В Тайбуре Алиенора провела свою первую брачную ночь

– совсем еще дитя, с таким же юным и неопытным первым мужем, который неловко копошился в темноте, и оба они были охвачены страхом и возбуждением. Может, и хорошо, что разрушена эта цитадель, полная шепотов и воспоминаний.

– Ты молодец!

Действительно, такая победа – великое достижение для человека, которому не было еще и двадцати двух лет.

Он дернул плечом, отказываясь от похвалы, но выглядел довольным. Уничтожив одну лепешку, Ричард взялся за следующую.

– Я не доверяю ни одному из мятежников, даже когда они все покинут Пуату и двинутся маршем на Иерусалим, но в их отсутствие я хотя бы смогу установить собственное правление.

– Если отец позволит тебе.

– Он сказал, что не против. Конечно, и ему доверять нельзя, но кажется, он доволен моими успехами. Говорит, что предоставит мне решение всех вопросов, потому что считает способным правителем.

– Вот как. – На Алиенору эти слова не произвели впечатления. Ричард – ее наследник, и после ее смерти Аквитания достанется ему, и только ему, независимо от любого другого наследства с отцовской стороны. Так что ее не удивляло то, что супруг старается удержать Ричарда и не дать ему уйти в лагерь матери. – Я знаю, что ты не просто способный, а талантливый правитель, но не забывай: ты по-прежнему у отца на поводке. Генрих лишь ослабил его на время.

– Да, мама, это я хорошо помню. – Ричард соорудил недовольную гримасу. – Мы даже поссорились с ним, но не из-за моего правления в Аквитании.

– Тогда из-за чего?

– Из-за тебя. – Сын потемнел лицом. – Я убеждал его, что постыдно держать тебя здесь. Я просил, чтобы он освободил тебя, если ему в самом деле нужен мир и поддержка всей семьи.

Алиенору это заявление сына позабавило.

– И что же ответил отец?

– То же, что твердит всегда, когда его загнали в угол и ему нечего сказать: мол, он как следует подумает и даст мне ответ позднее. Мол, дело тут не только в прощении и милосердии и ему приходится учитывать более отдаленные последствия. И все это означает лишь одно: он ничего не сделает.

– Но это же так просто. Пока я заперта в Саруме, я не могу быть помехой его планам. Не думаю, что Генрих хоть когда-нибудь вспомнит о прощении и милосердии в том, что касается меня.

– Я предупредил его, что собираюсь навестить тебя, и он не возражал, только мы оба понимали, что это не более чем мелочная уступка, потому что мое главное требование он не исполнил. Но, мама, я все равно освобожу тебя. Обещаю!

Алиенора не ответила. В искренности и решимости сына она не сомневалась, однако отлично осознавала, что возможно в этом мире, а что – невозможно. Военное искусство позволило Ричарду превратить крепость Тайбур в гору камней, но открыть запоры Сарума ему все-таки не по силам.

– Итак, теперь, когда ты отчитался перед отцом и получил его разрешение править от собственного имени, вернешься в Пуату?

Ричард кивнул.

– Я как раз на пути туда. Повозки с моим багажом поехали прямо в Саутгемптон...

Он опустил глаза, будто в нерешительности, продолжать ли дальше. От Алиеноры это не укрылось.

– Что-то еще? Скажи мне.

Ричард провел растопыренными пальцами по волосам, оставив борозды в медных кудрях.

– Пока я был с отцом, к нему прибыли посланцы из Франции. Людовик собирается в Англию в паломничество на могилу святого Томаса. Этот его немощный сын сгорает от лихорадки, и французский король надеется вымолить для него исцеление. Мне во время его визита лучше быть за пределами Англии, потому что Людовик захочет увидеть дочь, а если и она, и я окажемся рядом с ним в одно и то же время, он запросто сможет устроить свадьбу.

– И это будет ужасно. – Алиенору передернуло при мысли о том, что ее бывший и нынешний супруги встретятся на английской земле. – Странно, что Генрих дал позволение на приезд Людовика.

– Он говорит, что это прекрасная возможность лично обсудить все дипломатические вопросы, но при этом у него, как у хозяина, будет преимущество. Кроме того, он якобы сочувствует Людовику как отец отцу. – Ричард закатил глаза, демонстрируя свое отношение к последнему аргументу. – Им в самом деле нужно встретиться, так что лучше использовать преимущество и сделать это поскорее. Конечно, Людовик будет молиться не только за жизнь сына. Он попросит святого о победе французских войск над нашими, а папа со своей стороны будет молиться об обратном.

– Несомненно, но Людовик никогда не мог устоять перед алтарями и усыпальницами. Он думает, что так его просьбы быстрее дойдут до Всемогущего. Когда мы путешествовали в Святую землю, он останавливался у каждой святыни, чтобы вознести молитву и пополнить свою коллекцию еще одной горстью земли или еще одним фрагментом мощей. Король Франции одержим этим. Его армия отправилась обратно на родину, а он остался, потому что не все святые места успел посетить. – Алиенора покачала головой, снова охваченная раздражением. – Аббат Сугерий все писал ему, просил вернуться поскорее, потому что во Франции назревало восстание. В конце концов Людовик послушался, но с большой неохотой. А сейчас он на многое согласится, лишь бы помолиться у могилы Томаса Бекета. Ведь это ему в первую очередь Людовик обязан рождением сына – именно Томас благословил его брачное ложе. – (Ричард слушал ее, открыв рот.) – Людовику всегда требовалась санкция Церкви для соития. – Она развела руками. – К сожалению, в случае со мной и его второй супругой старания священнослужителей принесли ему только дочерей. И даже папа римский не сумел помочь. А вот Филипп родился ровно через девять месяцев после того, как Людовик даровал Бекету убежище во Франции во время ссоры архиепископа с твоим отцом.

Тут Ричард усмехнулся:

– Так в некотором смысле Томас Бекет – родитель Филиппа? Какая ирония!

Он сумел рассмешить мать.

– О, твой приезд словно поток свежего воздуха. До чего приятно поболтать с тобой.

– Мама, я бы увез тебя в Аквитанию, если бы только мог. Спрятал бы в багажных повозках и в ту же секунду, как мы высадились бы на том берегу Узкого моря, отпустил бы на свободу.

Ее смех угас.

– Всей душой я рвусь к свободе, но сколько она продлится?

Ричард прикоснулся к ее узкой ладони:

– Мама, я говорю совершенно серьезно. Я хочу вызволить тебя отсюда. Это обещание, которое я намерен исполнить.

Алиенора не отвечала, и Ричард сжал ее руку. Она смотрела на его гладкие пальцы, тем не менее уже натруженные в ратных походах. Их украшал сапфировый перстень святой Валерии – одна из регалий графов Пуату.

Намерение – это одно, а его осуществление – совсем другое. Но если она верит в сына, тогда его слова – еще одна соломинка, за которую можно ухватиться, пока ее с головой не затянуло в глубины отчаяния.

Глава 12

Замок Сарум, ноябрь 1179 года

Алиенора молилась, стоя на коленях в королевской часовне, посвященной святому Николаю. Снаружи бился о крепостные стены холодный сырой ветер. Низкие тучи закрыли солнце, и через маленькое окошко над алтарем почти не проникал дневной свет. Зато внутри горели свечи и освещали яркую роспись на стенах часовни – сцены из жизни святого.

Королеву подавляла мысль о подступающей зиме, с ее бесконечными ночами и почти полным отсутствием новостей извне. Прямо перед ней святой проталкивал мешок с золотыми монетами в окно дома, где жил бедняк с тремя дочерьми. У девушек не было приданого, и из-за этого им пришлось бы торговать телом. Вот если бы ей в окно кто-нибудь забросил мешок с надеждой!

Буря в конце концов улетела к морю, оставив после себя полоску золотого заката под угольно-черным облаком. Алиенора вернулась в свою комнату и уселась с Амирией за партию в мельницу, хотя играть не хотелось. В душе царил серая скука – до того момента, пока не явился Роберт Модит с известием, что прибыла графиня де Варенн.

– Приведите же ее ко мне! – Алиенора уцепилась за эти слова, как тонущий пловец за веревку. – И проследите, чтобы для нее подготовили покои. Вот тот мешок золота, о котором я мечтала! – Она засмеялась, видя озадаченные лица Амирии и Модита. Те явно опасались, что королева теряет рассудок. А Алиенора послала беззвучную благодарность святому Николаю.

Изабелла с дочерьми направлялась в свое норфолкское имение – замок Акр, где ее дожидался Амлен. Оттуда они планировали вместе отправиться ко двору на рождественские торжества, но Изабелла решила, что может сделать небольшой крюк и проведать подругу. Ее сын Уильям остался вместе с Иоанном – оба мальчика получали образование, живя в доме королевского юстициара Ранульфа де Гланвиля.

– Я так рада видеть тебя! – вскричала Алиенора, и они обнялись. – И тебя, и всех моих племянниц! Как вы выросли!

Белла в свои пятнадцать лет стала настоящей красавицей. Ее шелковистые темные волосы, заплетенные в косы, высоко подняли и уложили. Такая прическа обнажала изящный изгиб шеи и подчеркивала сине-зеленые глаза, а чистая кожа словно светилась изнутри. Адела и Матильда – одиннадцати и девяти лет – были миленькими и живыми девочками, но слишком юными, чтобы соперничать с прелестной старшей сестрой.

Изабелла улыбнулась в ответ, но как будто через силу.

– Да, выросли, – проговорила она.

– Здоров ли Амлен?

– Да, и он посылает вам наилучшие пожелания – и имбирное печенье.

– Он позволил Белле покрасить его бороду в синий цвет, – объявила Адела. – А после мама сердилась на папу, потому что ему надо было встречаться с королем Франции.

Алиенора переводила взгляд с девочек на их мать. Впервые за много недель и месяцев ее разбирал искренний смех.

– Правда? В синий цвет?

– Это было глупо, – чопорно сказала Изабелла. – Он должен был остановить ее, да и Белла сама могла бы понять, что не следует этого делать. Что подумали бы люди?

– Ничего ужасного не случилось, – возразила Белла. – Мама, ты всегда так серьезна! – Она обернулась к Алиеноре. – Мы наблюдали за тем, как красят ткань, и папа рассказал мне, что давным-давно люди красили растением вайда свою кожу. Тогда я заметила, что у него

седеет борода, и он позволил мне покрасить ее кончик. Только и всего. – Девушка бросила на мать непокорный взгляд.

– Нельзя быть такой безответственной, – стояла на своем Изабелла. – Все вокруг смеялись. А твоему отцу пришлось сбрить бороду, чтобы иметь возможность предстать перед королем Франции. Надо думать о последствиях.

Белла сжала розовые губки и склонила голову, якобы признавая себя виноватой. Но Алиенора подметила в девушке независимый характер и даже в чем-то посочувствовала ей.

– Генрих тоже способен на такое, – поделилась она с племянницей. – Однажды он приехал в дом Томаса Бекета, весь заляпанный грязью после охоты, и швырнул на обеденный стол только что убитого зайца. И это было в те дни, когда они с Бекетом еще дружили.

Изабелла неодобрительно покачала головой, а Белла тайком послала Алиеноре заговорщическую улыбку.

– Я уверена, никто и не заметил того, что Амлен побрился, – примирительным тоном закрыла тему королева. – А вы были в Кентербери? Видели Людовика?

Изабелла кивнула:

– Раньше я его никогда не встречала, поэтому не могу судить о том, изменился ли он, но мне показалось, что здоровье у него слабое.

– В чем выражалась эта слабость? – удивилась Алиенора.

– При высоком росте Людовик сильно сутулится, и он очень худой – должно быть, постится много. На ногах едва держался, его придворным приходилось все время стоять рядом с ним, чтобы подхватить, если он пошатнется. Король Франции по виду совсем старик.

Обычно упоминание имени первого супруга вызывало у Алиеноры острую ненависть. Она не могла простить ему отношения к ней и того, что по его вине их блистательный, многообещающий брак распался. Тем не менее бывали моменты более светлые, когда она вспоминала их первые совместные годы. Мальчик и девочка, связанные воедино в угоду интересам других людей, растерянные и испуганные, они сумели найти утешение друг в друге.

– Жаль это слышать, – пробормотала она.

– Его глубоко растрогало посещение усыпальницы архиепископа, – продолжила графиня. – Он плакал, не скрывая слез. Мне показалось, что Генриха это покорило.

– Людовик всегда был любителем пустить слезу и пасть ниц перед могилами мучеников, – бросила Алиенора. – Думаю, он чувствовал себя обязанным всплакнуть над телом Бекета, хотя рыдания его могли быть вполне искренними. А с дочерью он встречался?

– Да. И остался доволен ее манерами. Она была воплощением благовоспитанности и почтительности. Но до этого он видел ее, когда она была младенцем на руках у няньки.

– И еще она особа женского пола, что для моего первого мужа всегда представляло немалое затруднение, – вздохнула Алиенора. – Он говорил о браке Ричарда и Адель?

– Амлен сказал, что Людовик и Генрих обсуждали эту тему. По-видимому, Людовик заявил, что дело тянется слишком долго и пора исполнить то, о чем договорились.

– А Генрих что?

– Он согласился.

Алиенора выпрямилась при этих словах:

– Он же обещал, что не сделает этого! Сам клялся мне, что не хочет этого брака!

– Нет-нет, – поспешила успокоить ее Изабелла. – Генрих согласился только на словах, чтобы утихомирить Людовика. Он сказал, что действительно пора бы заключить брак, но, к сожалению, Ричард пока занят в Пуату. Еще он признал, что Людовик как отец имеет все основания беспокоиться, и пообещал, что постарается в ближайшее время назначить дату церемонии. Ну а король Франции либо слишком устал, либо из дипломатических соображений не стал добиваться большего. Они наметили свадьбу на будущий год, однако Генрих

потом прошептал Амлену, что все будет так, как он сам решит, и что никто не смеет диктовать ему свою волю.

Алиенора знала, что в это «никто» включены и они с Ричардом. Но, по крайней мере, опасность миновала хотя бы на время.

Не без смущения Изабелла перешла к очередной новости:

– Вам следует знать, госпожа, что Ида де Тосни удалась в Вудсток. Ожидают, что где-то между Рождеством и Сретением она родит королю ребенка.

Но этому известию уже не под силу было разбередить старые раны в душе Алиеноры. Ей просто стало немного жаль девушку – очередную жертву короля Англии.

– Вряд ли он станет держать Иду при себе, даже после обряда очищения. Своих женщин он меняет почти так же часто, как слуги меняют простыни на его постели. Отдаст ее замуж за кого-нибудь из числа придворных, а тем временем на глаза королю попадет новая протеежка. – Она обратилась к племянницам, которые и без того ловили каждое ее слово: – Со стороны может показаться, что быть любовницей великого правителя – завидная доля. Да, она в центре всеобщего внимания, у нее множество шелков и драгоценностей, за столом ей подносят лучшие угощения. Но ее положение опасно, потому что она целиком и полностью зависит от прихоти короля, а он в любой момент может выкинуть ее, как ненужную вещь.

– Разве это не одно и то же, что быть королевой? – спросила Белла.

Неожиданный вопрос заставил королеву внимательнее приглядеться к старшей племяннице. В бирюзовых глазах светилась жажда знания и почти взрослое понимание. Алиенора сообразила, что употребила слово «опасно», а девочка, которую балуют, лелеют и всячески оберегают любящие родители, наверняка хотела бы выйти за рамки размеренной жизни, прикоснуться к чему-нибудь по-настоящему волнительному, даже если придется нарушить какие-то правила.

– Все это – богатство, внимание, власть – я имела не от мужа. Они были у меня еще до брака с ним. А он забрал их у меня. Вот так устроен мир. Поэтому надо быть настороже.

Щеки Беллы порозовели.

– Мой дядя пожертвовал монастырю Годстоу крупную сумму в память о Розамунде де Клиффорд. Для нее воздвигли прекрасную усыпальницу, а король превратил ее в настоящий храм.

– Белла, хватит! – прошипела графиня.

Алиенора взмахом руки остановила обеспокоенную подругу:

– Нет, лучше задавать вопросы прямо, а не прятать их по темным углам. – И она опять повернулась к Белле. – Розамунда много лет была любовницей твоего дяди. Он вовсе не имел намерения жениться на ней. После смерти бедняжки Генрих оказывает ей такие почести, каких никогда не оказывал при жизни. Но что она выгадала, получив королевскую усыпальницу? Все равно она труп, гниющий под могильной плитой. – Тут Алиенора презрительно фыркнула. – Король умеет возводить храмы для мертвых. Один для Томаса, другой для любовницы – и один для меня, здесь, в Саруме, хотя я пока еще жива... Не все покойники Генриха готовы лежать тихо.

Когда девочки пошли спать, Изабелла и Алиенора сели перед жаровней с догорающими углями и стали играть в мельницу, попивая вино. В былые времена они любили коротать таким образом вечера в королевском дворце.

– Надеюсь, Белла вас не расстроила, – первым делом извинилась Изабелла. – У нее такой возраст, когда она уже не девочка, но еще не женщина. То она играет, как дитя, а то требует относиться к ней как к взрослому человеку. Нелегко с ней.

Алиенора только отмахнулась:

– Я давно уже не обижаюсь на такие вещи. И я хорошо помню себя пятнадцатилетней – до чего же скучно мне было в обществе взрослых женщин. Хотя тогда меня уже повенчали с Людовиком.

– Мы начали присматривать ей супруга, – призналась Изабелла, – но дело это небystрое, и мы хотим, чтобы она была хорошо устроена.

– Будь я свободна, Белла могла бы стать одной из моих фрейлин. Тогда у нее было бы больше возможностей. Но сюда я ее не зову, тут она вряд ли встретит достойного молодого человека, скорее зачахнет от скуки. – Алиенора нагнулась к графине, чтобы донести до нее свою мысль. – Вы с Амленом обязательно должны находить ей занятия, помимо шитья и заботы о младших детях. Пусть она станет хозяйкой замка – отдайте ей одно из ваших поместий, пусть она сама управляет им. Это будет интересное дело для нее и подготовит к взрослой жизни.

Изабелла с озабоченным видом поджала губы:

– Думаю, вы правы. Надо подумать об этом.

Дамы возобновили игру, но вскоре ее прервало появление Роберта Модита. На лице его застыло скорбное выражение.

– Госпожа, из Франции пришли печальные вести. Я сожалею, что приходится сообщать их вам. Короля Людовика разбил паралич.

Алиенора безмолвно смотрела на придворного, а Изабелла ахнула.

– Неизвестно, будет ли он жить, – продолжал Модит. – Он пришел в сознание, за ним ухаживают лекари, но говорить он не может. Это все, что рассказал гонец.

Алиенора слышала его слова, но они не проникали в сознание. Перед внутренним ее взором возник семнадцатилетний Людовик – высокий, узкобедрый, изящный, со светлыми кудрями до плеч и сапфировой диадемой на голове, перекликающейся с густой синевой его глаз. В юности он был красавцем, и тем долгим, жарким летом она любила его. Все плохое случилось позже.

– Да ниспошлет ему Господь исцеление, – произнесла она. – И благодарю тебя за вести. – Заученные фразы сами срывались с ее губ. – Я буду молиться о нем.

Модит поклонился и вышел из комнаты.

– Моя дорогая госпожа, что я могу сделать для вас? – Изабелла протянула к королеве руку.

– Я опечалена, но не убита горем, – отрезала Алиенора. – Завтра я велю отслужить молебен о его скорейшем выздоровлении.

Она поднялась со скамьи и встала у самой жаровни, ловя остатки тепла. Ее сковал холод, как будто недуг Людовика и из нее вытянул часть жизненных сил. Но это пройдет. Одновременно в уме Алиеноры уже закипела работа.

– Наследнику Людовика всего пятнадцать лет, и он легко поддается влиянию. Кто знает, что теперь будет? Те могущественные фигуры, что окружают Филиппа, получают возможность разыграть свою партию.

– Гарри и Маргарита будут в его свите, – заметила Изабелла, – и он знаком с ними уже не первый год.

– Верно, и Гарри, если захочет, может очаровать даже сухое дерево, однако у него будут сильные соперники. – Она на минуту погрузилась в размышления. – Генриху будет непросто с Филиппом, поскольку по возрасту французский наследник ближе к нашим сыновьям. Контролировать Филиппа так, как он контролирует сыновей, у него все-таки не получится. При этом между ними не существует уз и обязательств старинного знакомства. Людовик на тринадцать лет старше Генриха, а Филипп на тридцать два года моложе его. Баланс возраста сместился, причем не в его пользу, и теперь все совершенно изменится.

– Вы обеспокоены?

– Я не могу ни на что повлиять, так что мне нет смысла волноваться. – Она посмотрела на Изабеллу. – А вот Генриху есть о чем переживать.

Следуя за Иоанном по темному коридору, Белла дрожала от восхитительного ужаса. Воздух здесь казался густым от запаха сырых камней. Подростки сбежали из королевских покоев, где взрослые обсуждали свои скучные дела, и пошли гулять вокруг Ноттингемского замка. Но декабрь затянул послеполуденное небо облаками, и в конце концов они пролились дождем. Тогда Иоанн бросил Белле вызов: осмелится ли она исследовать вместе с ним пещеру? Вот так они оказались в одном из множества туннелей, прорытых в мягком песчанике, на котором был построен замок. Лампада в руке Иоанна давала достаточно света, чтобы можно было двигаться, однако мрак впереди и сзади казался особенно жутким.

– Осторожно, – прошептал Иоанн. – Не наступи на крысу.

Беллу передернуло. Девушка представила, как под тонкой подошвой ее туфель яростно дергается мохнатое существо. Конечно же, он сказал это нарочно, чтобы испугать ее, а Белла была полна решимости не показывать, что своей цели кузен достиг.

– Сам не наступи, – храбрясь, ответила она.

Ей захотелось прикоснуться к стене пещеры. Под пальцами она ощутила шершавый камень, изрезанный следами от кирок, которыми прорубали этот подземный проход.

– Тут есть кое-что похуже крыс, – шепнул Иоанн. – Здесь приковывали преступников в ночь перед казнью.

– Я тебе не верю. Это всего лишь место для хранения. – Белла украдкой оглянулась.

– Ага, для хранения трупов. Если как следует прислушаться, то можно услышать, как звенят кандалы несчастных узников. – Иоанну только что исполнилось тринадцать лет, и в голосе его то и дело проскакивала юношеская хрипотца.

– Все равно ты меня не напугаешь, – сказала Белла, а сама невольно напрягла слух. Но услышала только их дыхание, шуршание двух пар обуви и далекое журчание текущей воды.

Иоанн завернул за угол, поднырнул под толстую каменную арку, потом под еще одну и вывел их в просторный зал, вырубленный в породе.

– В этом городе люди строят целые дома под землей, – сообщил он. – Они устраивают там арены для петушинных боев и питейные заведения.

Сырые камни источали удушающий запах плесени. Белла остро ощущала близость Иоанна. Пламя лампы бросало на его лицо тени, образуя странную маску, наполовину золотую, наполовину черную.

– А еще говорят, что эти туннели тянутся на многие мили, и если знать дорогу, то можно уйти из города, и никто об этом не догадается. – На миг циничное выражение на его лице сменилось искренней увлеченностью. – С такой подземной сетью ходов враг может сидеть у тебя под кроватью... или прямо в кровати. – Он встал напротив Беллы.

У нее по спине побежали мурашки от страха и чего-то еще, не очень понятного Белле. И правда, жутковато становится, как представишь темный, таинственный мир у себя под ногами. Она обвела взглядом неровную окружность пещеры. Вдоль стен по всему периметру был оставлен выступ – нечто вроде скамьи.

– Как скучно, – притворно протянула Белла. – Не было тут никаких узников, прикованных к камню. Это старое хранилище, только и всего.

Она попробовала протиснуться мимо Иоанна, чтобы пойти обратно тем путем, которым они добрались сюда, однако кузен расставил руки и загородил проход. Лампада от его движения закачалась, по стенам запрыгали тени.

– Даже если так... все равно люди, бывало, спускались сюда, ничего не подозревая, и больше их никогда не видели.

– Дай мне пройти! – Она толкнула его. Постепенно страх брал верх над разумом. – Хватит с меня твоих глупостей!

Иоанн тихо засмеялся:

– Значит, ты считаешь это глупостями? Но разве ты сама не сглупила, когда согласилась пойти со мной?

– Иоанн, я серьезно. Пропусти меня. – И вот уже страх перерос в панику.

– А если не пропущу, то что? Пожалуешься своему папочке? И что же ты ему скажешь? – Он наблюдал за Беллой алчно, как кот, играющий с мышью.

От страха у девушки кружилась голова, но при этом внизу живота разливалась странная сладкая тяжесть.

– Он больше не спустит с тебя глаз, раз ты даже с кузенком не можешь погулять без того, чтобы не попасть в неприятности.

Белла ахнула от несправедливости этого заявления:

– Да как ты смеешь!

– Я принц, сын короля! – Он поднял лампу повыше. – Когда здесь держали узников, свет к ним не попадал. Они сидели в крошечной темноте. Ты знала об этом, кузина?

– Не было тут никаких узников, ты все врешь!

Иоанн указал на короткую цепь, вмурованную в камень под самым сводом. Заканчивалась она тяжелым браслетом кандалов.

– Не было? Будь ты повыше ростом, твое запястье как раз оказалось бы на уровне этой цепи. Тебе интересно, что чувствуют люди в кандалах? Интересно?

Белла старалась не выдать своего страха.

– Не болтай ерунды. – И она проскочила мимо него в туннель.

Одним резким выдохом Иоанн загасил пламя лампы и погрузил их обоих в непроницаемый мрак. Крик вырвался из горла Беллы прежде, чем она успела помешать этому. Было так темно, как будто ей на глаза положили толстую черную ткань.

– По-твоему, это ерунда? – промурлыкал Иоанн.

– Я хочу обратно. – Никогда в жизни Белла не испытывала такого страха. Зная коварство Иоанна, она опасалась, что тот может уйти вперед и спрятаться где-то в туннеле, чтобы прыгнуть на нее. Или просто бросит ее здесь одну.

– Как ты думаешь, люди без глаз примерно так себя ощущают, как мы сейчас? – спросил он.

Что-то звякнуло. Белла догадалась, что он поставил лампаду на землю.

– Ну хватит, – еле выдавила она. – Я хочу обратно.

Сквозь мрак к ней потек его голос – тихий, хриплый:

– Когда у тебя нет глаз, приходится полагаться на другие органы чувств. – (Она ощутила, как его пальцы слегка коснулись ее щеки, а потом спустились по горлу ниже.) – Сегодня мой тринадцатый день рождения. Неужели ты не хочешь подарить мне один поцелуй и узнать, какие чувства он вызывает?

Белла дрожала, балансируя на грани паники и какого-то иного физического ощущения, которое взорвалось внутри ее тела. Снаружи, при свете дня, она бы полностью владела собой и ситуацией, но здесь, в полной темноте, командовал Иоанн.

– Всего один, – уговаривал он. Его ладонь порхнула над ее грудью и легла на талию. – А потом мы сразу уйдем отсюда. Никто ничего не узнает. Тут самое подходящее место для секретов, и это будет наш с тобой секрет.

Белла стояла не шелохнувшись. Что ей делать? Побегать что есть силы в надежде, что найдет дорогу? Или уступить? Ее мать пришла бы в ужас, если бы узнала, только она и так от всего приходит в ужас. И вообще, что мать понимает? Дома Белла ее слушалась, была пай-девочкой, но внутри ее медленно закипало недовольство. Именно поэтому ее тянуло к

Иоанну. С ним опасно. Он мог сказать: «Сделай это, тебе ничего не будет». Только кузен мог оставить ее в темноте и шантажировать «всего одним поцелуем». Если она уступит, то все переменится, и в то же время – ведь это секрет! – все будет как прежде, по крайней мере внешне. Одна жизнь на свету, другая во тьме.

Белла протянула руки, чтобы нащупать в темноте лицо Иоанна, и потом положила одну ладонь ему на затылок, притянула его к себе и прижалась губами к его губам. У него оказался мягкий, нежный рот, касаться его было совсем не противно. Как будто целуешь теплую и слегка влажную подушку. Иоанн крепче сжал талию Беллы, она прильнула к нему, и поцелуй продолжился.

В конце концов Белла отстранилась, чтобы глотнуть воздуха.

– Вот тебе поцелуй и даже больше. А теперь выводи меня отсюда.

Она чувствовала, что его грудь сильно и часто вздымается, слышала его неровное дыхание – и поняла, что отныне имеет над ним особую власть.

– А если не выведу?

– Тогда я сама найду выход и пожалуюсь папе, и угадай, кому он поверит – тебе или мне?

– Да уж ты наговоришь, не сомневаюсь. Тоже мне, папенькина дочка. Ладно, пойдем.

Иоанн взял ее за руку, и вместе они двинулись по туннелям к свету, на ощупь, наталкиваясь друг на друга – и было это и случайно, и намеренно. Каждый раз, когда их тела соприкасались, Беллу будто пронизывала молния, и она точно знала, что кузен чувствует то же самое. Ведь недаром же он первым попросил ее о поцелуе.

Потом Иоанн, по-прежнему держа Беллу за руку, сжал пальцы с такой силой, что она ойкнула. В ответ девушка ущипнула его – по-настоящему, впиваясь в тело ногтями. Он невольно вскрикнул и отскочил, а затем обхватил ее, прижал к стене и сорвал еще один поцелуй. На этот раз Белла укусила его, но не слишком сильно.

– Значит, тебе нравятся игры, да? – спросил Иоанн.

– Это не игра.

Белла различила в темноте выход, вдохнула полной грудью свежий воздух, омытый дождем. Где-то залаял пес. Она оттолкнула Иоанна и быстро зашагала к привычной размеренной жизни. А потом с шага перешла на бег. Белла полагала, что Иоанн побежит за ней, но тот остался сзади, так что в холодный декабрьский вечер она вынырнула одна. Поднеся пальцы к губам, девушка убеждала себя, что все еще чувствует вкус Иоанна, и оглядывалась через плечо. Он так и не появился.

А Белла не собиралась ждать его и вернулась в замок. Скользнула тихо в теплую, светлую комнату, сняла накидку, подошла к отцу, чтобы поцеловать его в щеку. Амлен играл с Генрихом в шахматы и рассеянно похлопал ее по руке. Белла присоединилась к матери и другим дамам, которые занимались рукоделием и сплетничали. В их окружении она опять стала идеальной скромной дочерью с опущенными глазами и невинным выражением лица, только губы едва заметно изогнулись в хитрой улыбке. Поглядывая на женщин, Белла думала о том, что они ничегошеньки не знают о желании и о восхитительных, захватывающих дух чувствах, которые оно рождает. Она жалела их и в то же время презирала, а еще ей было чуть-чуть страшно, поскольку жизнь ее радикально изменилась. Ну хотя бы в этом году ей не придется скучать на рождественских празднествах.

Глава 13

Замок Сарум, июнь 1180 года

Дверь открылась, и Алиенора с удивлением увидела, что Роберт Модит привел в ее покои целую процессию из слуг с тюками и сундуками. За ними следовала пышущая здоровьем девушка с оливковой кожей, красными губами и лучистыми карими глазами, которая присела в глубоком реверансе и склонила голову.

– Что происходит? – спросила Алиенора.

– Дары от короля, госпожа, – коротко ответил Модит.

Стараясь не выдавать своего потрясения, Алиенора отошла от окна и стала рассматривать, что распаковывают слуги. В одном сундуке были сложены меха, в том числе соболь и белка из далекой Руси. Другой ломился от рулонов ткани для зимних платьев. Из третьего извлекли алый балдахин для кровати и канделябры из эмалированного серебра, большую медную чашу, шахматы, блюда и даже несколько книг.

Все это было очень подозрительно. С чего бы Генриху смягчаться? В то, что он вдруг решил мириться, Алиенора не верила. Ведь вплоть до последнего времени все его усилия были направлены на то, чтобы заставить ее принять постриг и стать настоятельницей в аббатстве Эймсбери.

– Кто ты? – Она вспомнила о молодой незнакомке. – Говори.

– Госпожа, меня зовут Бельбель из Руана, – отозвалась девушка музыкальным голосом, довольно низким для женщины. – Я белошвейка и камеристка. Король послал меня прислуживать вам и шить новые одежды для вашего гардероба.

Двое потных от усилий слуг втащили еще один сундук, а затем конюх внес седло из красной кожи и такого же цвета сбрую с отделкой из серебра.

– Король милостью своей повелел, что вы, госпожа, отныне вольны выезжать на верховые прогулки с эскортом, соответствующим вашему титулу, – объявил Модит, – и шлет необходимую упряжь.

Алиенора заметила, как заходили желваки на его скулах, и даже пожалела его, но лишь на мгновение, потому что ее охватил восторг. Что бы ни стояло за этими дарами Генриха, они безусловно скрасят ее заточение.

Когда комендант удалился, Алиенора занялась своей новой камеристкой.

– Итак, – сказала она, – в моей свите прибавление, и это не может не радовать. Тем более что с этим прибавлением предвидится пополнение моего гардероба. – Алиенора внимательно смотрела на девушку. – Но какова истинная причина твоего приезда сюда?

Белошвейка опять сделала реверанс. Ее платье из густо-красной шерсти было простым, но прекрасно пошитым. Оно подчеркивало фигуру и при этом не выглядело безвкусным или вызывающим.

– Поверьте, госпожа, я здесь для того, чтобы служить вам так, как вы пожелаете. Но лучше всего я управляюсь с иглой и ниткой. Именно поэтому король выбрал меня.

– Король лично оценивал ваше мастерство? – Алиенора скептически изогнула бровь. Она вполне допускала, что Генрих мог подослать ей эту женщину в качестве шпионки, но какие у него могли быть отношения с ней? Вкусы супруга королева знала отлично – он предпочитал более юных и менее дородных девиц.

– Да, госпожа. – Женщину не смутил недоверчивый тон собеседницы. – Мне поручили сшить для короля котту, и моя работа ему очень понравилась. Он сказал, что вам необходимы новые платья и что он отправит вам ткани и швею.

– Весьма интересно, особенно учитывая, с каким небрежением король относится к своему внешнему виду. Он даже в церковь мог пойти, не переодеваясь после охоты, несмотря на грязь и кровь на его одежде.

– Если мне дозволено будет выразить свое мнение... Королю понравилось то, как моя котта скрывает недостатки его фигуры, – с удивительным самообладанием заявила Бельбель.

А вот это похоже на правду, усмехнулась про себя Алиенора. Когда она в последний раз видела Генриха, его широкая грудь уже не казалась таковой по сравнению с объемным животом. Наверняка это беспокоит муженька, ведь он в каждом юноше видит соперника.

– Ну что же, тогда я надеюсь, что подобное чудо ты сможешь совершить и для меня и сделаешь мою фигуру такой, какой она была тридцать лет назад.

В глазах Бельбель зажглись веселые искорки и готовность принять вызов.

– Госпожа, это будет не работа, а удовольствие.

– Кажется, вместе с белошвейкой я приобрела льстеца! – заметила Алиенора и улыбнулась. – Амирия найдет тебе место для ночлега и покажет, где сложить вещи.

В последующие недели Алиенора пришла к выводу, что Бельбель – это настоящий подарок судьбы. Девушка оказалась живой, умной и чуткой. За шахматной доской она была достойным противником, игре отдавалась целиком и не считала необходимым проигрывать королеве. Прямодушная по характеру, она тем не менее знала, когда надо промолчать, и проявляла такт, если того требовали обстоятельства. Белошвейка с такой же готовностью сидела и тихо шила вместе с Амирией, с какой молилась в церкви или сопровождала Алиенору на верховых прогулках.

Но главным искусством Бельбель было ее умение превращать кусок ткани в прекрасное одеяние. Благодаря точному крою и аккуратным строчкам она создавала изысканные наряды, которые неизменно приводили королеву в восхищение. Бельбель умела так заложить складки и разместить кружева, что казалось, будто Алиенора и вправду помолодела на пару десятков лет, вновь обрела точеную фигуру с узкой талией и высокой грудью. В новых платьях она ощущала себя сильной и привлекательной – такой, какой когда-то была. И все-таки что-то смущало ее.

– Не понимаю, почему король вдруг осыпал меня такими роскошными подарками, – призналась она Бельбель, которая, стоя перед Алиенорой на коленях, подворачивала подол своего последнего творения – платья из зеленого шелка с золотым орнаментом. – У него должен быть какой-то скрытый мотив.

– Возможно, он считает, что пора наладить между вами отношения, – предположила швея.

Алиенора пыталась найти в словах Бельбель тайный смысл. Та почти не рассказывала о том, как ей удалось получить заказ на пошив котты для самого короля, – упомянула только, что ее порекомендовали Генриху другие клиенты.

– Ты слышала, как он говорит об этом?

Бельбель воткнула в ткань серебряную булавку и отклонилась назад, оценивая результат.

– Нет, госпожа, но мне показалось, что ему одиноко.

– Одиноко? – переспросила Алиенора.

– У него есть придворные и приближенные, но их общество не то же самое, что общество королевы. Порой король выглядит таким потерянным...

Алиенора отошла к окну, чтобы посмотреть на серый сентябрьский день.

– Простите меня, госпожа, что позволила себе лишнего.

– Ничего. – Алиенора покачала головой. – Я просто размышляю над тем, что ты сказала.

Генрих как заблудшая душа. Алиенора часто призывала на его голову всевозможные проклятия. Однако в последнее время тугой узел ненависти внутри ее слегка ослаб. Если супруг подумывает о примирении, то, возможно, ей тоже имеет смысл пойти на какие-то уступки. Еще несколько месяцев назад она и мысли такой не допустила бы, но жизнь не стоит на месте. Паралич превратил Людовика в немощного старика. Прибыла Бельбель с сундуками, полными роскошных вещей. Жоффрау женился на Констанции Бретонской, и, скорее всего, у молодой пары вот-вот появится первенец. Время, словно кисть: оно размышляет и закрашивает то, что когда-то на холсте жизни выступало отчетливо.

– Вот ты умная девушка. – Алиенора опять обернулась к Бельбель. – Разве тебе не приходила в голову мысль занять пустующее место рядом с королем? Разве ты не хотела бы стать его любовницей?

Бельбель поморщилась:

– Конечно, госпожа, такая мысль посещала меня, но не задерживалась дольше чем на минуту. Во-первых, у меня ничего бы не получилось – я не обладаю теми достоинствами, что ищет король. Мне слишком много лет, я слишком много знаю, слишком независимая на его вкус. Может быть, белошвейка я отличная, но это не значит, что из меня выйдет столь же великолепная любовница.

Да, она действительно умна, раз ей хватило рассудительности не добиваться столь заманчивого на первый взгляд положения. Алиенора отдавала себе отчет в том, что Генрих мог прислать Бельбель в Сарум для того, чтобы иметь здесь свои глаза и уши. Только это мало что меняло – королевских шпионов в замке предостаточно. А слова Бельбель и в самом деле дали ей пищу для размышлений.

С наступлением сумерек Алиенора отправилась в часовню, но едва она приступила к молитве, как к ней с визитом явился Джоселин, епископ Солсберийский. Он состарился на королевской службе, и годы его не пощадили. С большим трудом он опустился перед алтарем на колени; суставы руки, которой он осенил себя крестным знаменем, опухли и деформировались. Епископский перстень с крупным аметистом на среднем пальце правой руки впился в истонченную блеклую кожу. Священник склонил голову в беззвучной молитве и так дождался, пока Алиенора не закончит молиться. А потом сообщил ей о том, что из Парижа прибыл гонец с вестью: Людовик, король Франции, скончался.

– Мы молимся о том, чтобы душа его нашла покой на небесах, но не сомневаемся, что так и будет.

Алиенора ожидала это известие уже не один месяц, и все равно оно потрясло ее. Бывший супруг больше не дышит земным воздухом. В глазах у нее потемнело. Внутри словно образовалась пустота, в которую, как вода в песок, утекали все чувства.

– Упокой, Господи, его душу, – произнесла она голосом, срывающимся от внезапных, неожиданных слез.

– Дочь моя... – В старческих глазах епископа отразились беспокойство и сочувствие.

– Не думала, что так расстроюсь, – пробормотала Алиенора. – Но с ним в могилу ушла часть моей жизни, ушли наши общие воспоминания. – Она сглотнула слезы. – Не все эти воспоминания добрые, но мы с Людовиком вместе хранили их, а теперь осталась только я.

– Дочь моя, когда вы доживете до моих лет, то привыкнете к этому. – Епископ Солсбери взял ее ладонь в свои корявые от старости руки. – Давайте же помолимся о том, чтобы Господь принял его душу, а нам даровал силы превозмочь горечь утраты.

Алиенора склонила голову, и перед ее внутренним взором понеслись потоком, будто слова молитвы, воспоминания – хорошие и плохие. Прекрасный юный принц улыбается ей сладчайшей в мире улыбкой. Любовник обнимает ее в постели, дрожа от желания. Отец их новорожденной дочери смотрит на малютку с глубоким разочарованием, граничащим с

отвращением. Кающийся грешник с выбритой тонзурой возвращается после того, как сжег жителей Витри в их собственной церкви. Паломник простерся ниц перед святыней. Постаревший, ставший совсем чужим супруг расторгает узы брака с ней, после чего новые, еще более тесные узы свяжут ее с молодым Генрихом.

– Спаси тебя Бог, Людовик, – прошептала она. – И, о Боже, помоги мне.

Глава 14

*Замок Льюис, Суссекс,
июль 1181 года*

Белла поднялась со своего сиденья под окном и выглянула во двор – туда въезжали на лошадях Иоанн и ее брат Уилл с небольшой группой приятелей. Мгновенно ее охватил внезапный восторг. Скучный день вдруг заискрился. Она отбросила шитье, приказала женщинам оставаться на месте и помчалась встречать гостей. Однако у самой двери Белла остановилась, перевела дух, поправила платье и только потом вышла на крыльцо – столь же величественно, как выходила навстречу королю ее тетя Алиенора.

– Добро пожаловать. – Исполняя роль хозяйки замка, привечающей высокого гостя, она грациозно присела перед Иоанном. – Мой отец в отъезде, но будет счастлив видеть вас, когда вернется. А пока, в его отсутствие, прошу оказать мне честь и погостить у меня.

Иоанн склонил голову набок. Его губы изогнулись в насмешливой улыбке.

– Благодарю вас. Мы будем признательны, если сможем здесь подкрепиться и провести ночь под вашим кровом. – Все это было сказано самым вежливым тоном, и никакой фривольности в обмене ритуальными фразами не было, если не пытаться ее найти. – Мы направляемся навстречу моему отцу, который сейчас на пути из Нормандии. – Иоанн огляделся. – Вашей матери здесь нет?

– Она с моими сестрами в Конисбро.

Лицо Беллы горело под его многозначительным взглядом, и она обернулась к Уиллу. Тот как раз отдавал распоряжения конюхам. Она заключила брата в сестринские объятия, но думать могла только об Иоанне. Даже не видя его, девушка кожей ощущала его присутствие.

– Я знала, что ты приедешь, – обронила она вполголоса, когда шла рядом с Иоанном к главной башне замка.

Кузен еще прибавил в росте, и его подбородок уже окаймлял мягкий пушок. Белла не видела его около полугода: Иоанн продолжал обучение в доме Ранульфа де Гланвиля, а она осваивала роль хозяйки замка здесь, в Льюисе, пока отец разъезжал по округе по делам. Поначалу новые обязанности доставляли Белле удовольствие, но довольно быстро наскучили. Бывали дни, когда девушке казалось, будто она похоронена заживо. Теперь ей стало понятнее, каково приходится ее тете Алиеноре.

В последний раз они с Иоанном виделись ранней весной. Тогда он увлек ее в темный угол, где ей сразу вспомнились пещеры Ноттингема, и прижался к ней самым недвусмысленным образом. После этого она избегала его, но потом стала беззастенчиво с ним заигрывать, наслаждаясь ощущением собственной власти. Однако кокетство оказалось обоюдоострым мечом, и скоро ее влечение к Иоанну превратилось в грызущий голод. И вот наконец кузен здесь, и все опасные способы продолжения их игры в подземелье дурманили Белле голову.

Она проследила за тем, чтобы приехавших устроили как можно удобнее, накормили и обеспечили водой для мытья после дороги. Хотя поначалу гостей отвели в главную башню, вскоре все перебрались в сад. Там выставили освежающие напитки и сладости. Тут же появились шахматные доски и кости. Белла спела для гостей, аккомпанируя себе на арфе, а потом передала инструмент рыцарю, который тоже пожелал выступить. Ее брат уселся с парой товарищей играть в кости, и минуту спустя азарт целиком захватил его.

– Папина гнедая кобыла вчера ожеребилась, – негромко сказала она Иоанну, который наблюдал за игроками, сложив руки на груди, но сам не изъявлял желания присоединиться к ним. – Не хочешь взглянуть на жеребенка? Папа считает, что из него выйдет неплохой боевой конь.

Взгляд Иоанна на миг задержался на Уилле.

– Конечно, – ответил он Белле.

Шагая бок о бок, они покинули сад и направились к конюшням.

– Так ты здесь одна хозяйничаешь? – спросил Иоанн.

– Да, я здесь одна. – Девушка обмирала от страха и возбуждения. – Но отец скоро придет.

– Но пока его нет.

– Нет.

Кобыла стояла в чистом стойле, устланном свежей соломой. Сбоку от нее пошатывался на длинных ножках жеребенок. Он был вороным с белой звездочкой между глаз. При появлении людей кобыла корпусом загородила своего малыша.

– И правда красавец, – сказал Иоанн. – Должно быть, кобылу обслужил хороший жеребец.

У Беллы сердце екнуло от подтекста сказанного Иоанном.

– Конь из конюшни Биго во Фрамлингеме.

– Но мы сюда пришли не для того, чтобы говорить о лошадях, так ведь? – Он втолкнул ее в пустующее стойло по соседству.

– Разве нет?

Иоанн взял Беллу за талию и притянул к себе:

– Нет, если только ты не хотела поговорить со мной о скачках.

– Кто-нибудь зайдет, кто-нибудь зайдет. – Она оттолкнула его в притворном протесте.

– Ты уже думала об этом, когда позвала меня сюда. – Иоанн тяжело задышал. – Тебе нравится рисковать, а иначе мы так и сидели бы в саду с остальными. Если твой отец должен скоро вернуться, значит у нас нет ни минуты лишней.

Иоанн прижался губами ко рту Беллы и провел кончиками пальцев по ее позвоночнику. Она обвила рукой его шею и погладила ниспадающие кудри. Собственная дерзость, опасность, страсть опьяняли. Когда его рука прикоснулась под платьем к голой коже ее бедра, Белла вздрогнула, но не отпрянула. И когда он уложил ее на сено и задрал на ней юбки, девушка не возражала, пока кузен не оказался сверху.

– Нам нельзя... – Белла уперлась руками ему в плечи.

– Тогда зачем привела меня сюда? – хрипло спросил Иоанн. – Ты же знала, что произойдет. – Он стал целовать ее в губы и в шею и медленно, мучительно медленно двигать бедрами так, что они все плотнее прижимались к ее чреслам. – Тебе понравится, обещаю. – И он прикоснулся к ней пульсирующей горячей плотью.

Беллу окатила новая волна желаний. Девушка хотела, но боялась совершить этот самый важный и самый дерзкий шаг в своей жизни. Слишком быстро, слишком бесповоротно, но ведь она же сама добивалась этого...

– Я...

Новым поцелуем Иоанн заставил Беллу замолчать и резко вошел в нее. Чтобы не закричать, Белла вцепилась в него и закусилась тканью его накидки. Было больно, о Господи, так больно, но и приятно тоже. И пока Иоанн нависал над ней, продолжая толчки, утверждая свое верховенство и свою волю, она ощущала себя невероятно могущественной, потому что содеянное связало их навсегда.

Прошло три месяца. В Конисбро Изабелла де Варенн выпрямилась и, потирая поясницу, с облегчением обвела взглядом упакованные сундуки, которые отправятся вместе с семейством в Винчестер к зимним торжествам при дворе. Все готово, за исключением мелочей и того, о чем вспомнится в последнюю минуту.

Она обернулась, чтобы уточнить у старшей дочери, упаковала ли Белла костяную шка- тулку с лентами и булавками, но той нигде не было видно.

Домой Белла вернулась вместе с отцом, который в последние недели лета, как и весь двор, сопровождал Генриха в его поездке с юга на север. Однако воссоединение с дочерью принесло не только радость. Время единоличного управления замком Льюис не сделало Беллу более уравновешенной, скорее наоборот, хотя, вероятно, долгое путешествие с придворными тоже могло повлиять на характер девушки. Так или иначе, Изабелла чуть волосы на себе не рвала от отчаяния – с момента возвращения старшая дочь была невыносима.

– Где Белла? – спросила графиня у младших девочек.

– Ее опять тошнит, – ответила Матильда.

– Что значит «опять»? – Изабелла нахмурилась. Признаков нездоровья она у дочери не замечала, но надо признать, что все ее внимание было поглощено сборами, а Белла всячески избегала общества матери.

– Ее тошнит каждое утро. То в окно высунется, то в уборную убегает. И нам велела ничего не говорить тебе, потому что это – она так сказала – пустяки. – Матильда прикусила губу и глянула на Аделу. – А по-моему, сестра очень больна, я должна была сообщить маме.

Холодный кулак страха стиснул сердце Изабеллы, когда она поспешила из комнаты в эркер, где была устроена уборная. Там она и нашла Беллу, которая скорчилась над отверстием в полу и, обхватив живот руками, старалась не издавать ни звука. Потрясенная Изабелла обняла вздрагивающие плечи дочери:

– Что с тобой? Почему ты не сказала мне, что больна?

– Мама, я не больна. – Белла оттолкнула ее и встала.

Изабелла присмотрелась к ней. Бледное лицо, темные круги под глазами. Изабелла перевела взгляд ниже. Там еще ничего не было видно, может, чуть шире стала талия, зато грудь заметно округлилась.

– О мой Бог, – прошептала графиня, – только не говори мне, что ты понесла!

Дочь выпятила подбородок и вскинула голову.

Изабелла спохватилась, что здесь находятся Адела и Матильда. Девочки выглядывали из-за ее спины и таранились на старшую сестру. Пришлось сначала заняться ими.

– Так, отправляйтесь на прогулку вместе с Сарой и возьмите собак, пусть побегают по двору. А мне нужно поговорить с Беллой.

– Мама, а что случилось с ней? Она...

– Идите! – прикрикнула Изабелла и замахала на девочек. Ей казалось, что ее саму сейчас затошнит.

Когда младшие дети, оглядываясь и перешептываясь, ушли, Изабелла отвела дочь в комнату и усадила на кровать. Графиня все еще не могла поверить в то, что ее догадка верна, однако все доказательства – теперь она их отчетливо видела – были налицо. Ее дочь, ее красивая, послушная дочь, папина принцесса...

– Как это случилось? – потребовала она объяснения. – Кто это сделал с тобой? Почему ты молчала? – Должно быть, это изнасилование. Бедная девочка держала все это при себе. Немудрено, что с ней так трудно в последнее время. – Расскажи, кто это был, и он понесет заслуженную кару.

Белла не произнесла ни слова в ответ на вопросы матери, но последняя фраза заставила ее открыть рот.

– Это кузен Иоанн, – бросила она.

Изабелла уставилась на нее в полном недоумении:

– Как такое может быть, он ведь совсем еще ребенок!

Белла дернула плечом:

– Нет, мама, он совсем не ребенок.

Все разом оборвалось. Как будто полоснули ножом по веревке.

– Он силой сделал это?

Дочь промолчала, однако выражение ее лица было достаточно красноречиво: там читались и строптивость, и страх, а в легком изгибе губ таилось горькое и разрушительное торжество.

И мир Изабеллы разом рухнул. Должно быть, все происходило у нее под носом, а она ничего не видела. А значит, сама виновата во всем. Сама широко распахнула дверь перед несчастьем.

– Я тебе доверяла, а ты обманула меня, – выговорила она дрожащим голосом. – Ты опозорила наш дом, ты обрекла меня страдать от горя. За всю любовь и заботу, которой мы окружали тебя, ты отплатила тем, что обесчестила нас. И Иоанна тоже, хотя я понимаю, что он свою роль также сыграл. Это подло... так подло!

По-прежнему Белла молчала, и по-прежнему ни капли раскаяния не видно было ни в ее позе, ни во взгляде.

– Ты имела в этой жизни все блага, какие только можно вообразить, и все разрушила – ради чего? Ради похоти? Ради каких-то детских представлений о любви? Зачем? – Неожиданная беда разорвала сердце Изабеллы на мелкие кусочки. – Тебе не приходило в голову, что твой поступок уничтожит не только твою репутацию, но и доброе имя твоих сестер?

Белла опустила голову и поджала губы.

Изабелле казалось, что ее жизнь была прекрасным отражением в зеркале, а теперь стекло потрескалось и помутнело, и то, что в нем видно, похоже на искаженный мир ночного кошмара.

– Такое не спрячешь. Придется рассказать обо всем твоему отцу, и нам предстоит жить с последствиями твоего поступка.

Только тогда Белла взглянула на мать, и Изабелла увидела, что дочь встревожили ее слова.

– Да, – обреченно подтвердила она, – ты не только разрушила свою жизнь, но и погубила свою честь. Ты уничтожила все.

Изабелла пряталась от горьких мыслей, занимаясь приготовлениями к отправке багажа в Винчестер. Конечно, теперь ко двору, скорее всего, поедет только Амлен, она это понимала. Тем не менее все новые и новые тюки, сундуки и коробки выстраивались под дверью, готовые к погрузке. Изабелле нужно было убедиться, что она может хоть что-то контролировать. К тому же ей требовалось какое-то дело, чтобы не сорваться в безумие. Наконец приехал Амлен. Она отослала всех слуг и Аделу с Матильдой, так что с отцом семейства остались только она и Белла.

Графиня налила ему вина и опустилась на пол, чтобы снять с него сапоги и заменить их на пару мягкой домашней обуви. Он испустил вздох наслаждения, поднес к губам кубок и замер, когда увидел лицо жены.

Она произнесла натянуто:

– Твоя дочь хочет сообщить тебе нечто такое, что чужим ушам не предназначается, хотя, боюсь, слухи уже поползли.

Амлен отставил вино и обернулся к Белле. Девушка все это время молча сидела на кровати, но теперь встала, сжала перед собой руки, набрала в грудь воздуха и упрямо выдвинула подбородок:

– Отец, я беременна.

Изабелла видела, как потрясли мужа эти слова, видела, как он перестал дышать и как заставил воздух вновь наполнить легкие. И первым делом уставился на нее, свою супругу, желая получить объяснения и заверения, что все хорошо. Но этого она не могла ему дать.

– Прости меня! – Слова и слезы полились одновременно. – Это правда: Белла ждет ребенка. Я не хотела ей верить, но ничего не поделаешь – это так. Сказала она только то, что это был ее кузен Иоанн и что все случилось с ее согласия.

Амлен перевел взор на дочь, которая стояла перед ним дрожащая, но с упрямым видом.

– Ах ты, потаскуха! – Его голос был низким от ярости. Он сделал шаг вперед и хлестнул дочь по лицу.

Резкий звук пощечины заставил несчастную Изабеллу вскрикнуть, Белла же безмолвно рухнула на кровать и прижала к щеке ладонь.

– Как ты посмела выбросить репутацию семьи в сточную канаву?! – проревел Амлен. – Какой повод мы тебе дали, чтобы ты захотела так отомстить нам? Ты имела все, что желала, и даже больше, но не ценила это ни во что и потому отплатила монетой блуда! Отныне тебе одна дорога – в церковь. Иди и вымаливай у Господа прощение, ибо от меня ты его не дождешься. Придется тебе самой искупать свой грех, самой спасти душу. Исповедуйся и покаяйся. Иоанн же мне ответит, я узнаю, что им двигало, почему он совершил такую низость, предав наше доверие и честь.

– Папа... – прошептала Белла. Тирада отца пробила щит, за которым она пыталась спрятаться. Дочь протянула к Амлену руки, но тот повернулся к ней спиной.

– Графиня, уведи ее в церковь, и пусть исповедуется на коленях, – приказал он Изабелле. – Я не хочу ее видеть. Не хочу об этом говорить. – Развернувшись, Амлен покинул комнату.

– Идем, – сухо позвала Изабелла дочь. – Ты должна делать так, как велел отец.

– Иоанн любит меня. – Хотя голос у Беллы дрожал, она все еще не сдавалась. – И я люблю его.

Изабелла возмутилась до глубины души и сама едва сдерживалась, чтобы не ударить дочь.

– Ни ты, ни Иоанн ничего не смыслите в любви, уважении и долге. Потому что если бы понимали, то не пошли бы на такое бесчестье ради минуты похоти. Ты погубила всех нас. Все, пойдем. Ты будешь вымаливать прощение и думать о том, что натворила, а потом мы решим, что с тобой делать.

Генрих оторвался от писем, которые изучал. Ему доложили о том, что аудиенции просит его брат Амлен. Он уже слышал от придворных, что Амлен прибыл после полудня, но не ожидал, что тот захочет видеть его в тот же день. Очевидно, братишка уже успел как следует приложиться к винной фляге, потому что лицо его покраснелось и он нетвердо стоял на ногах. Одного взгляда на нетрезвого посетителя было достаточно, чтобы король позабыл о письмах.

За ставнями гудел лютый ноябрьский ветер, и мальчишка, который присматривал за очагом, присел перед огнем с мехами, чтобы раздуть пламя.

– В чем дело, брат? – поинтересовался Генрих с дружелюбным любопытством. – Ты хочешь провести со мной вечер?

Амлен дошел до стола, за которым работал Генрих, и уперся в доски костяшками пальцев.

– Нет, – сказал он. – Я пришел, чтобы добиться справедливости в вопросе, касающемся твоего сына Иоанна.

Король вскинул брови, гадая, что еще натворил этот негодяй, его младший сын. Памятуя о том, что Иоанн притворяется с сыном Амлена Уиллом, Генрих предположил, что юнцы из-за чего-то поссорились и для наследника Амлена дело закончилось плохо.

– Что за вопрос? – Он жестом пригласил брата садиться.

Амлен сначала хотел остаться на ногах, но потом все-таки плюхнулся на скамью напротив короля и потер лицо.

– Иоанн приезжал в Льюис этим летом, – проговорил он. – Твой сын и моя дочь... они... – Слова давались ему с огромным трудом. – Белла беременна.

Генриху пришлось прикусить щеку, чтобы не захохотать. Каким-то чудом он сумел сохранить серьезный вид и направил на Амлена сочувствующий взгляд:

– Это точно?

– Так же точно, как то, что живот моей дочери растет с каждым днем, и у меня нет причин сомневаться в том, что она говорит. Ребенок от Иоанна. – Амлен страдальчески сморщился. – Я принимал его у себя в доме как сына, не как племянника, а он предал священные узы родства...

Его горло перехватили еле сдерживаемые рыдания, и Генрих подвинул к нему собственную чашу с вином, разбавленным водой.

– Да, согласен, это непозволительно. Но молодежь... – Он развел руками. – Будем реалистами: такое случается сплошь и рядом.

– Но не со мной и не с моими родными! – сверкнул глазами Амлен. – Это позор, который мне не пережить.

Генрих смотрел на единокровного брата и размышлял. Рожденный вне брака придворной блудницей, Амлен обостренно воспринимал все, что касалось семейной чести. Порой это раздражало Генриха так сильно, что он желал, чтобы братец с его беспрестанными нравочужениями сел в лужу. И вот это случилось, самым эпическим образом. У Генриха на языке вертелась острота о том, что они теперь породнятся не только как братья, но и как дедушки.

– Это очень досадно, я вполне разделяю твои чувства. Но ты должен посмотреть на ситуацию со стороны. С подобным сталкивалось множество других семей. Сейчас тебе больно, но со временем боль уйдет. – Он неопределенно махнул рукой. – Репутация Беллы не сильно пострадает. Через год или два никто и не вспомнит о том, как все было. Кроме того, тут могут быть и плюсы. Возможный супруг будет знать, что твоя дочь способна рожать детей, и связь со мной как с дедом ребенка многим покажется привлекательной.

Глаза Амлена были темны от гнева и страдания.

– Но я все буду помнить, и что бы ты ни говорил, бесчестье останется бесчестьем.

Генрих пожал плечами:

– Ты напрасно растравляешь себе душу такими словами. – Он откинулся на спинку кресла. – Я прослежу за тем, чтобы ребенок был обеспечен, даже если ты откажешься принять его в семью.

– А Иоанн? – воинственно спросил Амлен. – Для него какие будут последствия?

В задумчивости Генрих потер подбородок:

– Разумеется, он понесет наказание, не сомневайся. В этой ситуации я такой же отец, как и ты, и она меня не устраивает. Я всего лишь призываю быть практичными, а не поддаваться эмоциям.

У Амлена на скулах заиграли желваки.

– Значит, договорились. – Он рывком поднялся на ноги и, пошатываясь, двинулся из покоев короля. И настежь распахнутую дверь за собой не закрыл.

– О Господи! – Генрих по-прежнему тер подбородок, но глаза его оживленно блестили.

Возмущение Амлена вполне обоснованно, и все-таки... Сам он впервые переспал с женщиной в четырнадцать лет – правда, та женщина не была его кузиной, – так что соблазн и потребности сына ему были понятны. С парнем он, конечно, побеседует... Однако в душе король им гордился.

Амлен шел по дворцу. Его душила бессильная ярость: ну почему так случилось? Через всю жизнь ему пришлось пронести бремя незаконнорожденности, и оттого, что он был сыном графа и братом короля, легче не становилось. Хотелось, чтобы дети избежали этой участи. Он желал для них безупречной и красивой жизни, и такой удар – самая злая шутка, которую могла сыграть с ним судьба. Рана была глубокой. Генрих вряд ли поможет ее залечить, если судить по его манерам. Утешительные слова, обещания – они ничего не значат. И никогда не значили.

Погруженный в эти мысли, Амлен дошел до конюшен, кликнул оруженосцев, чтобы выводили коня, и вдруг застыл как вкопанный. Там был Иоанн с несколькими приятелями. Молодые люди только что вернулись с верховой прогулки и, не имея никаких срочных дел, не спешили расходиться – стояли кружком в своих дорогих нарядах, балагурили и смеялись. Амлен же видел только его одного – самодовольного юнца, который имел в жизни все и который был невыносим исключительно потому, что выбрал такой стиль поведения.

Иоанн заметил Амлена и напрягся.

Готовый взорваться, с гулко бьющимся сердцем, Амлен схватил принца за ворот и прижал его спиной к стене:

– Как ты посмел? Прокрался в мой дом волком в овечьей шкуре и думал, что все сойдет тебе с рук?

Он вонзил колено Иоанну в пах так, что тот согнулся пополам. Толкнув парня наземь, Амлен пнул его и испытал глубочайшее удовлетворение, когда его сапог воткнулся негодяю под ребра. Тогда он еще раз пнул его в пах, и Иоанн сдавленно застонал.

Стоящие рядом молодые люди от шока ничего не предпринимали, но на шум подошел человек постарше, оказавшийся неподалеку, – Джон Фицджон, маршал Генриха.

– Господин, остановитесь! – вмешался он.

– Не суйся! – прорычал Амлен. – Я убью его за то, что он сделал. – Его нога опять опустилась на ребра Иоанна. – В него давно должны были вбить уважение и порядочность.

Фицджон колебался еще мгновение, но, когда Амлен нанес новый удар, вмешался и схватил графа за руку:

– Господин, так вы и в самом деле убьете его. Остановитесь, умоляю вас. Это ваш племянник. Ваш родственник.

Амлена замутило от этих слов, но дурнота помогла справиться с приступом ярости. Он стряхнул с себя руку маршала и, тяжело дыша, отступил. Иоанн остался сидеть на земле. Он держался за живот и сипло хрипел.

– Ты знаешь, в чем дело, – бросил ему Амлен. – Не пытайся сделать вид, будто не понимаешь, и не надейся спрятаться за спину отца. Ты сполна заплатишь мне за это, клянусь!

Он развернулся, плечом проложил себе путь среди столпившихся зевак и направился к своему коню. Буланый жеребец вытянул ему навстречу морду, но у Амлена не было для него угощения. Ухватив в кулак темную гриву, он прижался лицом к теплой блестящей шее коня, чтобы удержаться слезы. Ну почему, почему так случилось?

Генрих нашел своего младшего отпрыска за шахматной доской. Иоанн был погружен в партию, противником был один из его друзей. Чуть ранее к королю приходил Джон Фицджон и рассказал о происшествии перед конюшней. Генрих не удивился и даже подумал, что в определенной степени это к лучшему – Амлен дал выход своей ярости, а Иоанн получил хороший урок о том, что неосмотрительные поступки чреваты последствиями.

Когда Генрих подходил к играющим, сын поднял на него взгляд, исполненный настороженности и тревоги. Он сидел, неловко сгорбившись над шахматной доской, но явно пытался вести себя как ни в чем не бывало.

Движением руки Генрих велел приятелю Иоанна удалиться и дождался, когда они с сыном остались наедине. Затем он ткнул его в плечо, как будто игриво, но так, чтобы было больно.

– Болтают, ты наделал глупостей, мой мальчик, и я хочу услышать из твоих уст, что на самом деле произошло.

Иоанн с трудом сдержался, чтобы не сморщиться от боли. Тем не менее глаза, которые он поднял на отца, излучали детскую невинность.

– Сир, если дело в шахматах, то я могу объяснить.

Генрих хмыкнул:

– Не сомневаюсь.

– Я знаю, эти шахматы принадлежат Джеффри, но я обещаю, что отнесу их обратно к нему в опочивальню, когда закончу партию.

Король кинул взгляд на фигуры и доску. Действительно, они принадлежали его старшему внебрачному сыну Джеффри, а тому достались от матери Генриха. Джеффри очень дорожил этими шахматами, то есть и здесь Иоанн сильно рисковал.

– Не забудь это сделать, но я пришел не из-за шахматных фигур, как ты прекрасно знаешь.

Иоанн опустил глаза и промолчал. Скромный, как девушка, подумал бы сторонний наблюдатель, но на Генриха его уловки не действовали.

– Рассказывай, сын мой. Твоя кузина – премилая девушка. Что между вами было?

Иоанн медленно поднял голову.

– Я не хотел, – произнес он, подрагивая ресницами. – Она заставила меня. Это Белла хотела.

Король сел по другую сторону доски, сложил руки на груди и как следует рассмотрел сына. Оказывается, тот семимильными шагами идет к возмужанию, чего Генрих до сих пор не замечал. Кости Иоанна удлинились, появились новые, взрослые черты, над верхней губой и на подбородке пробивался пушок. Соответственно, и его детородные органы развились достаточно, чтобы произвести ребенка.

– Полагаю, могло быть и так. Я никогда не считал твою кузину невинной простушкой, в отличие от ее родителей. Но и ты далеко не агнец. – Генрих поставил одну руку на колено, а второй передвинул шахматную фигуру на доске. – Больше такого не допускай. Амлен – мой брат и твой дядя. Он безоговорочно предан мне, и не дело – испражняться на его крыльце. Я выразился грубо, чтобы яснее донести свою мысль. Я не запрещаю тебе развлекаться, но не дома и не там, где за тобой придется убирать другим. Все ли тебе понятно?

– Да, папа.

Генрих внимательно смотрел на сына. Он ни на мгновение не поверил в ту оскорбленную невинность, которую разыгрывал перед ним Иоанн, но парень достаточно умен, чтобы понять, сколь много поставлено на кон.

– Надеюсь, что так. Для начала ты должен загладить вину. Покайся в своем грехе капеллану, и он наложит на тебя такую епитимью, какой ты заслуживаешь. А я со своей стороны велю ему не давать тебе снисхождения, потому что за тобой сейчас будет наблюдать весь двор.

Иоанн кивнул и воздержался от замечания о том, что сам Генрих ни в чем не каялся, когда от него понесла Ида де Тосни, хотя Ида тогда была не старше Беллы. Сейчас младший сводный брат Иоанна, Уильям Фицрой, делал свои первые шаги по детской, а Иду выдали замуж за Роджера Биго.

Генрих погладил бороду:

– Поскольку твои дядя и тетя часто бывают при дворе, а ты учишься вместе с их сыном, тебе придется как-то договариваться и с ними. Не могу тебе советовать, как быть с Уиллом,

но что касается дяди и тетья, ты должен правильно себя вести. На первых порах старайся не попадаться им на глаза, но если окажешься в их обществе, будь серьезен и знай свое место. Это не значит, что тебе следует валяться у них в ногах. Девушка также должна нести свою часть ответственности. Ты слишком молод, чтобы стать достойным отцом, но учиться отцовским обязанностям самое время. Это твой ребенок, и теперь твой долг – вырастить его. Ты понял меня? Будь мужчиной.

– Да, сир, – сказал Иоанн.

Выглядел он при этом так, будто воспринял слова отца как богатую пищу для размышлений, а не как досадную нотацию, которую нужно поскорее выбросить из головы. А еще в уголках его губ таился триумф. Он ожидал гораздо худших последствий. Нагнувшись через шахматную доску, он поцеловал сапфировое кольцо на правой руке отца.

На лице Генриха промелькнула улыбка, но взгляд его оставался жестким.

– Я не шучу.

– Я тоже, сир, – ответил Иоанн. – Обещаю серьезно относиться к своим обязанностям.

– А я прослежу за этим. И не только я – все взгляды будут устремлены на тебя.

При этих словах ресницы у Иоанна едва заметно дрогнули, а Генрих хлопнул его по плечу – не только как отец сына, но и в качестве предупреждения.

Глава 15

*Винчестерский замок,
ноябрь 1181 года*

Алиенора приехала в Винчестер в пасмурный ноябрьский день, когда на город опускались сумерки. Для нее уже подготовили покои, и она с радостью отправилась туда, чтобы согреться перед огнем. Слуги внесли ее багаж, который на этот раз был куда больше, чем в былые времена. Под присмотром мастерицы Бельбель для королевы изготовили несколько новых парадных платьев, в том числе утепленные мехами – для зимнего сезона. И в Винчестер королева гордо въехала на глазах у собравшихся жителей. Тягостное ощущение беспомощности никуда не делось, но, по крайней мере, теперь у нее появилось право кататься на лошади, стало больше слуг, больше книг. Ей более не приходится часами напролет мерить шагами тесную комнату.

Ее уведомили, что король сейчас занят другими делами, но утром нанесет ей визит. Услышав это, она понимающе усмехнулась. Кому, как не ей, знать, что за «другие дела» могут быть у короля – либо государственные, либо амурные, но все исключают ее участие. Зато потом ее камергер по имени Ингельрам объявил, что Алиенору хочет видеть графиня де Варенн, и настроение у королевы тут же улучшилось.

– Пригласи графиню ко мне! – воскликнула она. – Да скажи, чтобы без церемоний!

Едва Изабелла вошла, Алиенора поспешила заключить ее в объятия и была потрясена тем, как исхудала подруга. Изабелла сбросила вес, как дерево сбрасывает листья по осени, оставляя лишь голые ветви. Обтянутые кожей скулы, темные круги под глазами...

– Как я рада видеть тебя! – Она подвела Изабеллу к очагу. – Но у тебя усталый вид. Что это Амлен с тобой сделал? – Свой вопрос Алиенора сопровождала улыбкой, чтобы подруга при желании могла воспринять его как шутку. Но к ее ужасу, глаза графини вмиг наполнились слезами.

– Ничего, – сказала Изабелла. – Только между нами сейчас все так трудно. Я... – Она закрыла лицо рукой и попыталась справиться с чувствами.

Алиенора ласково обняла графиню за плечи:

– Ну же, ну же, в чем дело?

– Я в полном отчаянии и не хочу отягощать вас своими проблемами. – Подруга всхлинула. – Однако выбора у меня нет, потому что вас это тоже касается, и все равно вы скоро и так узнаете. Все об этом сплетничают.

Тут Алиенора насторожилась:

– Что касается меня?

– Белла... – Голос Изабеллы дрогнул. – Белла ждет ребенка.

– Белла?! – Этого Алиенора никак не ожидала услышать. Изабелла – крайне заботливая мать, невероятно, чтобы она допустила лиса в свой курятник. Хотя в том, что касается добродетельности самой Беллы, Алиенору еще раньше посещали определенные сомнения.

– Отец известен?

На Изабеллу было больно смотреть.

– Да, – выдавила она. – Это Иоанн.

– Какой Иоанн?

Изабелла кусала губы, не решаясь сказать самое главное.

– Ваш сын Иоанн. Летом он заезжал в Льюис на пути в Кентербери, и она... они... – Графиня слабо взмахнула рукой, каковой жест должен был дорисовать остальное. – И потом еще неоднократно, они вместе путешествовали с королевским двором.

Слова Изабеллы повергли королеву в шок.

– Господи! Ему еще нет пятнадцати. Неужели он... – Закончить она не смогла.

– Это не было насилием. Они оба хотели этого. Ими двигала похоть. Я не имела понятия, ни о чем не подозревала. Я доверяла ей, и доверяла напрасно.

– Мне очень жаль.

Алиенора сжала кулаки, остро ощущая собственную беспомощность. Вот что происходит, когда в лодке всего одно весло. Какой пример подает Иоанну отец, берущий в любовницы девушек, которых предположительно должен опекать? Она села рядом с Изабеллой напротив очага, чувствуя себя глубоко несчастной.

– Когда смотришь на младенцев в колыбели, невозможно предсказать, какими они станут, но всегда надеешься на лучшее.

– Что вы могли сделать, находясь в Саруме? Вам не в чем себя винить.

Алиенора горько улыбнулась:

– Как и тебе. – (Изабелла только вздохнула.) – Полагаю, для Амлена это стало тяжелым ударом.

– У него разбито сердце, – призналась подруга, утирая глаза. – Он не хочет видеть Беллу. Отослал ее в аббатство Шафтсбери – там настоятельницей его сестра, и я поеду к ней после Рождества дожидаться ее разрешения от бремени. Роды будут весной. – Она замолчала, собираясь с духом, и поведала Алиеноре о том, что сделал с Иоанном Амлен. – Если они сейчас окажутся в одной комнате, Амлен убьет его, но рано или поздно им придется договориться.

– О да. – Алиенора думала о том, как тягостно и неловко будет всем, кого коснулся глупый поступок двух несмышленных детей. Лишь время наведет мосты через возникшую пропасть. – В этой неприятной ситуации есть одна положительная сторона: мы с тобой теперь не только сестры, но и бабки одному и тому же внуку. – Она опять обняла Изабеллу, а потом женщины выпрямились и так и остались сидеть в молчании, погруженные каждая в свои невеселые мысли.

– Изабелла поведала мне о том, что случилось между Иоанном и ее дочерью, – сказала Алиенора супругу.

Он с утра охотился, но нашел время, чтобы переодеть котту и сапоги, хотя прерывистая царапина на щеке свидетельствовала о его охотничьем азарте, и от него до сих пор пахло потом. Хромота в тот день была едва заметна, а энергичность, с которой Генрих ходил по комнате, напомнила Алиеноре первые годы их супружества.

– Безмозглый мальчишка! – буркнул он, замедлив шаг возле жаровни. – Юнцам надо перебеситься, но не в своем же доме! Я велел ему исполнить епитимью и предупредил, чтобы в будущем он вел себя поосторожнее. Все это страшно муторно и неприятно.

– Жаль, что никто ничего не замечал до тех пор, пока не стало слишком поздно. Неужели они ничем себя не выдавали?

– Я его отец, а не надсмотрщик! – огрызнулся Генрих. Он сел перед очагом и пошевелил кочергой обгорелые поленья, возвращая к жизни потухший было огонь. – Ее родителям тоже не мешало бы получше присматривать за дочкой, коли им не хотелось, чтобы у нее округлился живот. Где они были? Иоанн говорит, что она соблазнила его, и я вполне могу этому поверить. Это у нее в крови. Мать Амлена была потаскухой, не будем забывать об этом факте.

– Надеюсь, ему ты этого не сказал.

– Не считай меня совсем уж дураком. Он мой брат, и я нуждаюсь в его поддержке. А сейчас он разозлен и несчастен, со мной почти не разговаривает. Думает, что я должен был заковать Иоанна в кандалы и высечь. Ну да ладно, скоро придет в себя. – Генрих отставил

кочергу. – Случаются вещи и похуже. На девчонке с радостью женится какой-нибудь граф. У нее хорошие связи, и она доказала, что не бесплодна. Ребенок, если выживет, будет полезен или для Церкви, или для государственной службы. Внебрачным детям высокого рода всегда находится хорошее местечко.

– И ты сам это продемонстрировал. Как я слышала, сын Иды де Тосни сейчас в Вудстоке. Ты всех своих подопечных девиц проверяешь в постели перед тем, как выдать замуж?

Даже в неярком свете от разгорающихся заново поленьев она видела, что Генрих помрачнел.

– Твой язык, дорогая супруга, рассечет и камень.

– Дело не в моих словах, а в твоих поступках. Какой пример ты подаешь сыну? Он же видит, как ты себя ведешь. И ему остается либо последовать твоему примеру, либо возненавидеть тебя. Перед девицей де Тосни была Розамунда, и она умерла при родах, не так ли?

Генрих опять схватил кочергу и с силой сунул ее в самое сердце пламени. Алиенора, видя это, невольно вздрогнула, но сохранила невозмутимое выражение лица. Как и прежде, она с легкостью могла вывести короля из себя, но эта горькая забава больше не приносила удовлетворения.

– Не тебе рассуждать о том, какой пример надо подавать детям. – Он наблюдал за тем, как раскаляется в огне конец кочерги. – Чему они могли научиться от тебя? Только вероломству и непослушанию.

– Не я учила их этому. У них было множество куда более наглядных примеров.

Король отбросил кочергу, вскочил и снова заходил из угла в угол:

– Ох, меня тошнит от этих пререканий.

– Меня тоже. – От боли ее голос был тусклым. – Но это ничего не меняет. Мы не можем двигаться ни вперед, ни назад. Мы застряли. Я не планировала сражаться с тобой. Замуж за тебя я выходила с чистыми намерениями. И вот чем это все кончилось. – Алиенора смотрела на языки пламени, вырастающие из полена там, куда ткнул кочергой Генрих. – Летом ты прислал мне сундуки, полные мехов и тканей, – продолжила она. – И белошвейку, чтобы она шила новые наряды и составляла мне компанию. А еще кобылу и седло из красной кожи. Зачем? Вряд ли тебя замучили угрызения совести и вряд ли в тебе проснулась жалость. Чего тебе не хватает, супруг мой, если ты готов задабривать меня дарами после тех прегрешений, которые я в твоих глазах совершила?

На мгновение ей показалось, что он готов умчаться прочь, как обычно, и отдать приказ, чтобы ее немедленно отправили обратно в Сарум. Однако Генрих, вцепившись пальцами в кожаный ремень у себя на поясе, замер у окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.